

Марина Сычева

«I.H.S.»

Под этим знаменем
ты победишь

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С95

Сычева М.

С95 «I.H.S.» Под этим знаменем ты победишь: роман / М. Сычева. — Ростов-на-Дону: «Издательство БАРО-ПРЕСС», 2011. — 352 с.

Почему люди боятся любить и умирать? Секрет нашего бесстрашия и любви утерян. От него осталось лишь таинственное клеймо на скрипках мастера Гварнери «I.H.S» — In Hoc Signo — «Под этим знаменем...». Какое это знамя и где развевается?

Знамя спрятано на дне колодца души каждого из нас. Чтобы его найти, надо полюбить этот мир таким, каков он есть, и суметь проявить свой собственный дух. Условия непростые, зато победитель получает все, о чем мечтает.

В романе автор остается верна теме личной ответственности человека за собственное счастье, а также в ретроспективе рассматривает проблемы изгоев общества, семейных отношений с родными и приемными детьми, соотношения последствий высоких технологий и личности человека, жизни и смерти.

© Сычева М., 2011
© Оформление: «Издательство
БАРО-ПРЕСС», 2011

— Учитель благий! что сделать нам доброго, чтобы иметь жизнь вечную?

— Что приходите вы ко мне говорить о благом? Кто знает, что суть благая?

Только Отец наш Небесный знает, что суть благая.

Если хотите войти в жизнь вечную, соблюдайте заповеди.

Мф. 79; 16-17

Пролог

Когда увидимся? — Во сне.

Марина Цветаева

Вчера ветреным вечером лил дождь. Он принес предчувствие скорой весны, грохоча первым громом и пропитав дорожную грязь. С рассветом ненадолго выглянуло солнце, а потом спряталось вновь, обещая сырой день. Серая вода в лужах отражала перевернутые дома,

людей, машины, создавая некий параллельный мир, похожий на палубу большого корабля, несущегося на парусах туч в неопределенную даль.

На последней странице газеты «Вечерний Ростов» в узкой черной рамке поместилось всего несколько слов: «Ушел из жизни замечательный человек — Николай Павлович Зеленцов. Светлая память о нем останется в наших сердцах» Подпись под некрологом краткая: «Родные и друзья».

Надо передать книги, которые я у него взяла два месяца назад и не вернула.

Клетчатый листок моего блокнота на букву «З» испещрен адресами и телефонами: Зими́на, За́к, Зу́бков, Зу́бенко... Ну, надо же, и антибиотик зитролид я тоже почему-то вписала сюда. А вот и Зеленцов. Улица Ставропольская, дом... Все открыто...

— Здравствуйте, можно войти?

В доме, находящемся в глубине сада, открылась дверь и на пороге появился стройный молодой человек высокого роста лет тридцати. Светлые волосы, распущенные до плеч, подчеркивали красоту его грустных глаз на утонченном лице. Рядом с ним стоял большой пес, который вопросительно вытянул шею и вежливо завил хвостом.

— Вы к Николаю Павловичу? — поинтересовался молодой человек.

— Я прочла объявление в газете, что Николай Павлович умер...

— Да, третьего дня. — Он жестом пригласил меня войти, а потом позвал и собаку. — Идем, Ветер!

Ветер поднял на меня глаза и потянулся в приоткрытую дверь. «Иди же, Ветер», — скомандовал хозяин.

Голоса людей, находящихся где-то в пространстве дома, слышны довольно громко и четко:

— Везли нас из Заксенхаузена в товарняке через Германию, Польшу. Утром пересекли советскую границу, слышим, в вагон камни полетели. Что это они, думаем, делают, поезд-то наш, а не фрицевский. Колька голову высунул и камень за малым в него чуть не угодил. Мы, значит, кастрированные едем из этого ада, замученные, у кого ребра вырезаны, у кого органы, а в нас еще и камни кидают. Да кто? Свои! Белорусы. А потом поезд-то на станции остановился, видим, на вагоне какая-то сволочь мелом написала: «Предатели Родины!» — огромными буквами на весь вагон. Понятно, чего в нас камни-то летели всю дорогу.

Ба-а..., да я, кажется, попала прямо на поминки. Молодой человек пропустил меня вперед в гостиную. Посредине комнаты стол, уставленный бутылками, тарелками, пепельницами, окружают немолодые люди, разгоряченные не столько выпитым спиртным, сколько солидарностью.

— Ладно тебе, Акимыч, митинговать. Смотри, гостя пришла нашего Кольку помянуть. Потеснитесь, ребята, — незнакомый старик обратил на меня внимание говорящего.

— Присаживайтесь, — предложил мне уже знакомый голос, — вас как по имени, милая барышня?

Меня усадили рядом с пожилым человеком в очках.

— А с Николаем Павловичем давно знакомы? — поинтересовался он.

— Да уж год, наверное...

- А-а-а... А мы с юности дружим.
- Мы с ним из одной ассоциации.
- Да, нас теперь ассоциацией величают, — подключилась к разговору женщина.
- Какой ассоциацией? — поинтересовалась я.
- Общественной. Борцов антифашистского сопротивления.
- Шура, да, не смущай человека, скажи лучше — бывших узников фашистских концлагерей.
- А разве Николай Павлович был узником концлагеря?
- Он не любил об этом сообщать. Но он из Заксенхаузена, как и я. Слышали о таком, наверное?
- Господи, какой ужас!
- Бог всемогущ — вознаградит, думаю, нашего Колю за все его мучения.
- Одна из женщин, оказавшаяся напротив, поспешила сгладить произведенное впечатление:
- Да вы кладите огурчики, колбаску, не стесняйтесь. Надо закусить.
- Люда, сначала надо выпить, а потом закусывать. Ну, девочки наши знают, они, кстати, равенсбрючки. Что будете пить, Юля, вино, коньяк, водку?
- Она в таком порядке и будет пить. — Акимыч по-свойски подмигнул компании.
- Меньше всего я была настроена шутить. Неожиданно пришла на поминки, не знаю толком никого за столом, и вообще — попала в глупое положение. Но теперь-то уж делать нечего, надо выкручиваться.
- Царство небесное, Николаю Павловичу! — сдавленно начала я свой монолог.
- Это потом, а сначала говорят: «Пусть земля будет пухом!», — перебил меня один из присутствующих

и сразу добавил. — У нас есть свой закон: мы приходим друг к другу не плакать, а делиться радостями. Даже на поминки. Наш Коля видит нас, и знает, что никогда не будет одинок. Мы ветшаем и умрем, каждый в свой час. А пока мы живы, будем радоваться каждой минуте.

...Я познакомилась с Зеленцовым в районной библиотеке, где он работал, как мне показалось, всю жизнь. Он произвел на меня впечатление двойственное. С одной стороны, ну, работает человек библиотекарем и работает. Цицерон прав: «Каждому свое». Слава Богу, человек с интеллигентным лицом и грамотной речью. А с другой стороны, — как-то не вписывался он в формат тихой гавани, уготованной исключительно для смиренных женщин. Не получалось единого профессионального образа, что ли.

— Я хотела бы почитать что-нибудь о детях Индиго, — спросила я библиотекаря, уткнувшегося в книгу. — Не найдется ли у вас такая литература?

— А конкретней? — не поднимая головы, монотонно откликнулся он.

— У меня пока нет вариантов.

— Диссертацию пишете?

— Собираю материал, — уклончиво ответила я.

— У нас книг по этой теме немного. Вам бы в публичную библиотеку пойти. — Он медленно снял очки и оценивающе посмотрел на мое лицо. — Там так похолодало?

На улице было слегка морозно, градусов пять-семь, но румянец у меня на всю щеку — такая реакция кожи.

— Да нет, там хорошая погода. Я, наверное, вся красная, да?

— В значении «красивая», заметьте! — старик улыбнулся, захлопнул закладку в книжке и встал. — А вам чертовски повезло! Эта тема очень интересная, и я заказывал по ней книги. Вот, сегодня пришло питерское издание.

Он протянул мне свою книжку, на обложке которой написано: «Дети Индиго — наше будущее?», но сразу же добавил:

— Только чур, я сначала ее прочту, а то вы со своей диссертацией замылите ее на месяц! А я ее мигом прочту.

— Дайте хоть взглянуть! Может она мне и не пригодится, — я потянулась рукой к книге, но он тут же убрал ее со стола.

— Вам она понравится и пригодится, но...

— Интересно, зачем вы ее предлагали, если не хотите выдать? Где логика?

— Вы обязательно ее прочтете, но послезавтра. — Старик был дерзок. — А если насчет логики, то границы женской логики вообще прозрачны.

— ?

— Женский ум настолько диалектичен, что полностью преобразует суждения мужчин.

— Ну, это уж совсем спорно!

— Бесспорно другое: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Да?

Несмотря на очевидную дискриминацию, мне, как, ни странно, не захотелось развернуться и уйти прочь. Подтянутый, слегка надменный, руки схвачены в замок, он дал мне понять, что будет не по-моему.

— Ну, хорошо, а если я приду послезавтра, а вы ее отдадите другому, я напрасно...

— Приходите послезавтра, — он не захотел слушать продолжение, — возможно, у вас появятся и свои заявки. А то как же, диссертацию пишете и не знаете с чего начать?

Я была растеряна. Увидев мое смятение, он неожиданно улыбнулся:

— До послезавтра!

Через день я снова пришла в эту библиотеку.

— Вы за книгой Куртышовой? — он улыбался мне, как старой знакомой.

— Ни автора, ни названия не запомнила... — я пыталась съязвить на его предыдущий выверт.

— Очень рекомендую, голубушка, вот эта книга. Давайте оформлять ваш формуляр. Ваша фамилия?

— Жанкина.

— Юлия Васильевна? — он заполнял формуляр ровным почерком, одновременно оправдываясь за свой прошлый каприз. — У меня такая примета: если книга интересная, я должен ее прочесть первым.

Он сокрушался, что «иногда не возвращают хорошие книги или приносят взамен всякую ерунду», как вдруг услышал громкий собачий лай, наскоро закруглил строчку с моим домашним адресом, соскочил со стула и побежал к двери.

На пороге стоял похожий на сенбернара благородного вида пес.

— Ну, что, пробежался? Иди греться под стол.

Старик пропустил собаку в помещение, а когда пес улегся ему под ноги, сказал:

— Старый он стал, крепче дружить хочет. Вот и дежури́м вместе.

— А руководство не возражает?

— А он руководство не обижает. Он добрый пес, никого не трогает.

— Ну, мало ли, может не всем читателям нравится присутствие собаки?

— Да, по-разному люди относятся. Но те, кто нас давно знает, никто не против моего Ветра.

— Можно его угостить печеньем?

— О, это он любит!

Пес взял с руки печенье очень аккуратно, не касаясь ни языком, ни кожистыми губами моей ладони, потом понюхал мой сапог и вильнул хвостом. Я осторожно тронула его рукой по большой бело-рыжей голове. Он поднял на меня глаза, пережевывая сухой квадрат «Юбилейного» и обнажая желтоватую каменистость зубов. Печенье послушно хрустело.

— А хотите чаю? — неожиданно предложил хозяин Ветра. — Согрейтесь, а потом и на мороз пойдете.

— Да, давайте, если вас не затруднит.

Так мы познакомились с Николаем Павловичем. Ему тогда было восемьдесят три года. Он не вызывал чувство жалости из-за своих седин или беспомощности, с ним было интересно поговорить о разных вещах — о книжных новинках, о минувших и текущих событиях жизни, о людях. Хотя старик был и несколько категоричен.

Я приходила в библиотеку не так часто, но всегда приносила с собой что-нибудь к чаю и лакомство для Ветра. Вскоре пес привык к моим визитам и стал гостеприимно встречать, охотно принимая ласку.

...Сейчас Ветер тоже находился среди людей. Он знал их, и оттого что они были здесь сейчас, суетились и чему-то смеялись, насторожился. Потом понуро обошел гостей и остановился возле молодого человека,

встретившего меня на пороге, слабо вильнув хвостом. Не желая показывать свою выболевшую душу, пес деликатно отвел морду в сторону, избегая встречаться с гостями своими гречишными глазами. Я заметила, что шерсть на его спине потускнела, аскетический круп выделял костлявые впадины, он стал жалок и тих. Где-то я читала, что если соотнести возраст пятнадцатилетней собаки с возрастом человека получится примерно восемьдесят семь лет. Они живут коротко, а значит и мудрость к ним приходит раньше, чем к людям.

Мужчины разливали спиртное и произносили речи, женщины делились своими новостями, поворачивая их разговоры вспять.

Я обратила внимание на скрипку, горестно лежащую на рояле рядом с футляром и обернутую в черную шелковую ткань.

Молодой человек, внук Николая Павловича, осторожно взял ее в руки. Сидящие за столом повернулись к нему, смолкли все разговоры и в воздухе повисла тишина. Мелодия была соткана из удивительных звуков — серьезных, нежных, страшных, отчаянных, пронзительных. Скрипка звучала то низким, сырым голосом, уходила в умопомрачительную тишину, то взмывала вверх и переливалась каскадом жемчужного ожерелья. Это была незнакомая музыка, похожая на небесный голос вселенной, которая выражает свое сочувствие людям.

Почему она так пела и что рассказала — это большая история, которая началась доподлинно в 1926 году...

Глава 1.

«Покидая старые улицы, знаешь, что теряешь, но не знаешь, что найдешь»¹

*Memento vivere*²

Семья Зеленцовых брала начало в Кирилловском районе Вологодской области. Павел Петрович и Антонина Герасимовна до женитьбы были соседями, а что их свело вместе и когда, так и осталось в забытой главе истории семьи. Во всяком случае, после женитьбы они переехали в Петербург и проживали там до 1937 года.

Судя по солдатской фотографии 1914 года, которая находилась на первой странице семейного фотоальбома, отец семейства в возрасте двадцати пяти лет еще служил в царской армии. Темную форму на нем оживляли крест и кокарда на фуражке, металлическая бляш-

¹ В названиях глав романа использованы латинские и итальянские пословицы и поговорки.

² Думай о жизни (лат.)

ка на ремне и блестящие пуговицы в два ряда по семь штук. Фуражка, чуть сдвинутая влево, и горделивая осанистость выдавали нефальшивый патриотизм участника русско-германской войны, хотя медалей на груди у него не было.

Колька любил эту отцовскую фотографию, но с особой нежностью он проводил рукой по другой, где они втроем. Бравый отец, положивший руки на стул с высокой спинкой, на котором сидит мать. Лицо мамы — немного уставшее с добрыми глубоко посаженными глазами. Она в белом платье, наверное, самом нарядном, какое у нее было, на коленях держит его маленького, нежно прикасаясь щекой к обритой головке и обнимая, как ангел-хранитель, его хрупкое тельце. На обороте фотографии фиолетовыми чернилами аккуратно выведено: 1926 год.

Колькины родители жили дружно, он не слышал, чтобы они ругались или, упаси господи, дрались. Не пили, не курили, никому не мешали жить. Несмотря на идеологическую обработку, ходили в церковь, полулегально существующую в Ленинграде. В этой же церкви Святой великомученицы Екатерины Колька был крещен и наречен двенадцатого мая, спустя две недели после рождения. «Слава богу, что не майский, — радовалась первенцу-сыну приехавшая на крестины свекровь, — маяться не будет!»

Впрочем, семья Зеленцовых — самая обычная семья. Таких семей тогда было много. Отец — рабочий в 1-й художественной литографии, по вечерам на небольшом верстачке он насаживал голоса на планки музыкальных инструментов, подрабатывая таким способом на изготовлении деталей. Мать — портниха, принимала заказы

на дому. В праздники к ним приходили гости, и Павел Петрович играл на скрипке, их у него было две. Одной он особенно гордился: «Трофей мой». «Зачем тебе вторая скрипка?» — спрашивала его мать. «Она не вторая, а первая. Видишь написано: «Иисус Христос — Спаситель», — отвечал он, поглаживая женственный корпус инструмента, и страшно довольный своими познаниями тут же комментировал: «Но говорят, есть и другое название: ин хок сиг-но винцэс³ — «Под этим знаменем победишь». Какой подтекст был у этого названия, мать не понимала, но говорила: «Красиво звучит!»

Как отец научился играть и когда, Колька не знал. Но скрипка для отца была существом одухотворенным. И совсем не потому что она доставляла эстетическое удовольствие самим фактом необычности для его простонародного окружения или производимым впечатлением. Она была для него той вещью, которая открыла в его душе чистую, подлинную природу. Играя на скрипке с большим чувством, он становился добрее, спокойнее, ласковее, нежнее, чувствительнее. Оказалось, что погружение в воображаемый мир для Зеленцова-старшего было той самой необходимостью, о которой он мечтал и с которой не хотел расставаться. Для отца она была тем, без чего он не мог жить. Старая скрипка стала его наставником, заставляющим большого и заскорузлого человека вспомнить, что он человек, светящийся изнутри божественным светом.

Зеленцовы жили в новом пятиэтажном доме на 21-й линии проспекта Пролетарской победы, что на Василь-

³ «In hoc signo vinces» (лат.).

евском острове, занимая в многосемейной квартире одну большую комнату с видом во двор, с трех сторон окруженный домами. В их комнате небогато и, возможно, если бы им надо было переехать куда-то в другое место, то весь скарб поместился бы на одной телеге и был бы вывезен без усилий одной лошаденкой.

Жилье Зеленцовых совсем рядом с Финским заливом, и летом очень удобно всей семьей ходить купаться в устье Невы. Берег там песчаный и настолько отлогий, что идти до глубины довольно далеко. Идешь и идешь от берега метров пятнадцать, чтобы вода достала хоть до колена. Но зато она не была такая холодная, как в глубоком водоеме. Мать оставалась на берегу и, наблюдая, как мужчины уходят в далекую синюю гладь, кричала вслед: «Паша, осторожно, не ходи слишком далеко». Отец поднимал вверх правую руку и махал ей, как будто прощаясь.

А когда вода доходила отцу до груди, он брал Кольку на спину и катал на себе, как дельфин. Колька визжал, заливался смехом, иногда оказывался с головой под водой, выскакивал, пускал слюни пузырями, крутил головой, снова хохотал, шлепал по воде ножками и был счастлив.

Строить на песке город — это целое событие. Их город обязательно снабжался водохранилищем и длинными каналами, а по периметру большие круглые башни обступали средневековые мощные стены, умаленные до полутораметрового размера. Неподатливый из-за включений кварца песок Финского залива, в конце концов, уступал усилиям усердных строителей и формировался в грубые ступенчатые завершения, проткнутые насквозь сухими ветками и водорослями.

Потом они, обернувшись простынями, сидели и уминали принесенные помидоры с хлебом, а мать, распластавшись на песке, повернув лицо к солнцу, блаженствовала. Если поблизости людей не было, она напевала звучным голосом, красиво перевирая знаменитый варламовский мотив: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...». Но Павел Петрович не поправлял ее, возможно потому, что интерпретация мелодии, каждый раз другая, была по-своему певучей.

Колька рос быстро, и совсем скоро он уже бегал на Финский залив вместе с ватагой дворовых мальчишек. Их собиралось человек десять веселых шустрых шалунов-ровесников, и они шли, бросая мелкие камешки в дорожные знаки на световых столбах.

Однажды Колька привычно бросил камешек, попал в железный знак, а он от ricoш етил и отлетел в большую витрину магазина. Стекло звоном мелких осколков обвалилось на асфальт.

— Полундра! — и вся компания опрометью бросилась к Неве. По дороге раздевшись, мальчишки прыгнули в воду. На берегу показался запыхавшийся мужчина:

— Кто из вас разбил стекло, быстро выходи!

Колька виновато оглянулся на испугавшихся товарищей, зачем-то выскочил из воды, схватил свою одежду и бросился бежать. Мужик сразу сообразил, что это и есть «фулихган», и — за ним. Догнал, конечно:

— Ты разбил стекло?

— Дяденька, я разбил, но я нечаянно. Простите меня!

— Бог простит! Идем со мной, я отдам тебя отцу, а он пусть заплатит за разбитое стекло.

Мужик схватил Кольку за шкирку и потащил к магазину. Они зашли внутрь и стали спускаться в подвал. Подвал был нежилой, с земляным полом, сырой и узкий, сверху нависали обернутые грязной стекловатой трубы, и пахло плесенью. Когда они спустились по ступенькам, мужик подтолкнул Кольку вперед, а сам быстро поднялся наверх и запер дверь на ключ.

Колька оказался в полутемном коридоре. Свет проникал только из мутных окон, заваленных ненужными ящиками и ветошью. Когда на улице стемнело, в подвале образовалась кромешная тьма. Колька ощупью поднялся по ступенькам, и сел, прислонившись к входной двери. Никогда раньше его не наказывали таким образом. Обида и отчаяние слились в его душе. Он прислушивался к звукам снаружи, но дверь была такая крепкая, что он смог услышать в своей неволе только скреб мышей или крыс да кошачий голос.

Наконец ключ в двери резко повернулся, Колька повалился на порог, и теперь его подхватили крепкие отцовские руки. Отец молча вел Кольку домой, но как только они перешагнули порог комнаты, Павел Петрович грозно скомандовал: «Снимай штаны!»

— Что случилось, Паша? — встревожилась мать.

— Избаловали мы его с тобой, мать. Буду его наказывать.

— За что меня наказывать, — захныкал Колька, — сам, говоришь, что вы сами избаловали.

— Снимай штаны, умник! Он еще и виноватых ищет!

Колька ошеломленно стянул с себя штаны и с ужасом посмотрел на отца. Тот резко отвернул его в угол и ударил ремнем по голой заднице:

— Это тебе за стекло! Я деньги большие заплатил за твои развлечения!

— Караул! — Колька закричал от боли во все горло.

— Ты еще и караул сюда хочешь позвать?! — и отец ударил еще несколько раз.

Учился Николай Зеленцов неплохо, уроки не прогуливал. Усидчивостью особой не отличался, зато хорошая память его выручала неоднократно. Память об отцовской порке тоже запомнилась навсегда. Павел Петрович и сам не мог забыть этого кошмара, а потому к такой методике воспитания больше не прибегал. Да и Колька не искал судьбу, не нарывался на мужскую ярость. За всю начальную школу учительница не пожаловалась его родителям ни разу.

Однако безоблачные времена стали меняться. Наступил 1936 год, Кольке исполнилось одиннадцать лет.

Однажды зимним вечером дворовая команда гуляла по Большому проспекту Васильевского острова, как им навстречу показалась колонна людей с зажженными факелами. Мужчины, женщины скандировали: «Кирова убили! Кирова убили! Кирова убили! Кирова убили!»

Мальчишки тогда побоялись примкнуть к колонне, зато сбросились на папиросы и купили «Красную звезду». На пачке в середине звезды был изображен мотоциклист — это казалось изрядно и по-взрослому. Они спрятались в соседнем дворе и в первый раз закурили. Потом это повторялось еще несколько раз в течение

года, но родители почему-то не унюхали Колькиных проступков. И это сошло ему с рук.

Потом только Колька понял, что мать была беременна и страдала страшным токсикозом, а потому и не могла его жестко контролировать. Отец, озабоченный повальными в округе арестами, тоже не обратил внимания на запахи от Колькиного пальто.

Вскоре и знакомые Зеленцовых попали в число репрессированных. По городу ползли страхи и слухи о каких-то людях с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем.

Осенним вечером 1937 года раздался стук в дверь Зеленцовых. На пороге двое мужчин в штатской одежде:

— Вы Зеленцов Павел Петрович?

— Да, я.

— Одевайтесь и идемте с нами.

Мать заволновалась:

— Куда это он с вами пойдет на ночь глядя?

— Не мешайте, гражданка! — один из них грубо оттолкнул ее от двери.

— Где мне искать потом Пашу? Может ему надо что-то принести? — скулила она им вслед.

Внизу уже раздался равнодушный ответ:

— Ничего не надо.

Мать вернулась в комнату, лихорадочно осмотрелась по сторонам, схватила в руки «Гварнери» и остервенело начала ездить по ней смычком. У Кольки заломило в голове:

— Тише, мама, соседи прибегут, — испуганно дернул ее за халат Колька.

— Пусть их... все слушают, все, сколько в домовой книге записано... предатели! Скрипка им мешает?! Я им мешаю?!

— Мама, ломаешь скрипку! Отец завтра придет, ругаться будет.

Мать остановилась, осторожно положила скрипку на стол, рухнула на стул и зашлась в беззвучном плаче. У Кольки стоял ком в горле, но он очень нежно гладил ее по руке.

Чуть рассвело, мать поехала на Литейный проспект узнавать, где муж и за что его арестовали. Два здания, обращенных фасадами на три магистрали, найти было легко. Ленинградцы уже давно считали их самыми высокими в городе, мол, из их окон видна Сибирь. В управлении НКВД мать кому-то доказывала, что муж ни в чем не виновен. Из одного кабинета она переходила в другой, потом в третий... Наконец, она обессиленная опустилась на корточки в длинном, набитом людьми коридоре, и молча ждала.

Вскоре вышел один в военной форме:

— Кто по Зеленцову Павлу Петровичу? Вот возьмите.

Мать взяла из рук военного бумажку и начала читать:

— Арестован по статье 58-10 УК РСФСР⁴.

Рядом кто-то громко прошептал: «По решению “тройки”».

— Какой «тройки»? — в ужасе смотрела она на стоящих рядом людей, но так и не удостоилась ответа. — Можно мне увидеться с ним? — подняла она глаза на военного.

— Не положено, — был официальный ответ.

⁴ «Расстрельная» статья: «Передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию социально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам».

— Да как же мы теперь? — женщина находилась на грани истерики.

— А вам, гражданка, надо в течение двадцати четырех часов покинуть город Ленинград.

— Я не могу. Я на последнем месяце беременности. Можно я хоть на время родов останусь. У меня еще один ребенок маленький. Мы умрем в дороге!

— Я должен посоветоваться, — глашатай опять удалился за дверь.

Решение было вынесено положительное.

В декабре 1937 года Антонина Герасимовна родила дочку Наденьку. Надежда на возвращение мужа и его реабилитацию не оставляла ее никогда, хотя кормилец в семью так и не вернулся.

В январе 1938 года, собрав самое необходимое в дорогу, Антонина повезла детей к своим родителям в Вологодскую область. До Вологды они ехали поездом, а дальше сто километров до деревни Ивановской на санях. Укрытые тулупами, они двигались в деревенскую глушь спасать свои жизни. Женщина, именуемая в силу глубочайшего заблуждения слабым полом, справлялась с функцией берегини в полной мере, охраняя себя и своих детей не то, чтобы от смерти, а даже от заурядного насморка в пути.

Медленно отодвигалось назад беззаботное Колькино детство. Лицо его повзросло, шаловливая искра из глаз исчезла, и он превратился в маленького мужичка.

Дом у стариков Разиных был рубленый бревенчатый пятистенок⁵ с русской печью. Приусадебное хозяйст-

⁵ Дом из двух неравных половин, разделенных капитальной стеной, рубившейся одновременно с наружными стенами.

во небольшое, но зато свое. Оно состояло из птичника и большого огорода. Коз и овец дед Герасим Митрофанович не держал — силы были уже не те. Но корова все же была. Она-то и помогала кормить Наденьку, потому как молоко у Антонины от всех ее нервотрепок быстро пропало.

Бабка Елизавета Федоровна была мастерица делать стеганные одеяла. К ней обращались даже из других деревень, например, когда у кого-то приближалась свадьба и требовался хороший свадебный подарок. Она раскладывала на чистом полу большой кусок сатина, распределяла по нему ровным слоем вату, покрывала сверху шелковой тканью и сначала аккуратно и медленно соединяла края, а потом начинала священнодействовать узорный рисунок. Завитки и цветы с помощью мелких и ровных стежков превращались в диковинный сад, шелковые выпуклости отливали богатым блеском красного, синего или голубого цветов, а само одеяло было легким и теплым.

Теперь ей помогала Антонина:

— Мама, давайте я полотнища и края на машинке прострочу, а вы уж будете узоры стегать.

— Давай, Тоня, все на день меньше времени уйдет.

Вручную одеяло выходило дней за десять, а с помощью швейной машинки за неделю. Швейная машинка в селе была только у Разиных-Зеленцовых, поэтому к Антонине постоянно обращались соседки, и она обшивала всех за нехитрую плату: кто мясо принесет, кто крупу.

Старики по очереди болели. Но, невзирая на суставные боли, дед в погожие дни брал с собой внука в

лес — на заготовки. Они надевали на спину большие плетеные корзины, емкостью ведра на четыре, и шли в лес за грибами. Вологодский лес — это таинственный и благодатный дом, кормивший крестьян многие лета. Вершины елей и сосен тянулись в небо, деревья других пород создавали тень и лиственную завесу, а земля, устланная пахучей прелой листвой, скрывала шляпки груздей, рыжиков, волнушек, подберезовиков, подосиновиков, боровиков. Надо только зорко смотреть и не лениться кланяться батюшкам-деревьям.

— Нашел! — кричит Колька на весь лес.

Дед подходит к нему, и вправду нашел белый гриб. Крупный, с толстой ножкой и коричневой шляпкой. Белый, значит, не почернеет при варке-жарке. Вот такой гриб нашел Колька и выдрал с корнями из земли.

— Нашел-то, нашел, а грибницу разорил, — навалился дед на обструганную рогатую палку. — Где твой ножик?

— Вот, — смутился Колька.

— Во-о-от! — передразнивает дед. — Срезать его надо было, а то на этом месте грибы больше расти не будут. Не торопись! Нашел один — посмотри вокруг. Грибы редко по одному растут. Вот смотри, видишь бугорок?

— Вот этот?

— Давай, осторожно поднимай листья. Если был бы дождик, то смыл бы их со шляпки и она бы блестела на земле. А сейчас солнце так и бегает по листьям, не поймешь, то ли лист, то ли гриб.

Колька послушно очищает от листьев сидящий в земле гриб и аккуратно срезает его. Грибы попадаются чаще. Колька азартно бежит от дерева к дереву, мель-

кая меж стволов то впереди, то сзади, то слева, то справа от деда. Настоящая охота!

— Дед, их тут еще попробуй найди!
Мало их...

— А ты думал, они, как картошка растут? Грибы не собирают, а ищут. Господь сказал, ищите и обрящете! Вот и давай!

Дед идет медленно, любуясь лесом. «Чисто в лесу, ясно, прохладно пока, хотя день обещает быть жарким. На полянках и широкой просеке роса, а здесь ее нет. А комары грызут, — дед шлепает себя по шее. — Где вы, птицы, почему не едите летучее мясо?»

— Дед, здесь муравейник и огромная грибница белых, смотри! И червивых нет.

Потяжелели корзины. Совсем неплохо для первого раза. «Хороший парень, Колька, — думает дед. — Досталось ему от наших деревенских ребят. Первое время то и дело: «Ну что, напíтирился?»⁶ Ну, у всех бывает, помыкаются, помыкаются и возвращаются назад, к своей земле. Да-а-а, не пошло у них в Ленинграде...»

— Дед, смотри, птица большая хромает. Давай заберем!

Перед его носом, припадая на ногу, уходила с тропы глухарка.

— Уйди оттуда, — дернул его за руку дед, а потом почти шепотом объяснил. — Это глухарка. Дети там у нее, наверняка, а она их прячет.

— Так она же раненая!

⁶ Так в Вологодской губернии смеялись над тем, кто, не разбогатев, вернулся в деревню из Петербурга.

— Да никакая она не раненая, прикидывается больной и играет с нами, чтобы за это время дети смогли спрятаться в траве.

— Посмотреть бы на них!

— Нечего на них смотреть. Они как голуби размером, ничего примечательного, а испугать можно насмерть.

«Прозвище ребята Кольке дали «Зелен», — подумал дед. — Наверно, не только по фамилии, а потому, что не опытный он. Простых вещей не знает. Но, с другой стороны, хорошее прозвище, зеленый — значит, будет расти!»

Дома грибные корзины высыпали на большой стол и женщины садились перебирать грибной урожай. Грузди, волнушки, рыжики сразу отправляли на засолку. Их держали в больших деревянных кадках под полом в погребе и ели всю зиму. Белые грибы, боровики, нанизывали на нитки и сушили, развешивая, как гирлянды на окнах. Другие грибы тут же жарили на масле и ели с картошкой.

Поздней осенью, когда землю прибывали заморозки, Колька с дедом ходили на болотные места собирать клюкву. Вода по краям подернулась паутиной первого льда, хрустит, когда наступаешь ногой. Крупная красная клюква зазывно блестит на кочках и уводит в незнакомые места все дальше и дальше от дома. И корзина уже тяжелая, да охота пуще неволи.

— Колька, не торопись! Куда бежишь? Здесь потеряться — раз плюнуть.

А Колька уже поодаль:

— Да я же здесь, дедушка! Иди сюда, тут ее, прямо косою коси.

— Будет, Колька — всю не заберем. Пошли домой. Смотри, руки уже синие — холодно.

— Ну еще немножко! Ты пока поддержи-ка вот эту полную корзинку, чтоб не упала, а я еще вон там пособираю.

— Поддержи-ка! — дед смешно передразнил внука. — Вика-вика-чечевика, поддержи-ка ридикюль, я пойду посикаю⁷.

Дед смеется, сотрясаясь всем телом. Высокий и крепкий мужик смотрится комично с такими прибаутками, и Колька покатывается со смеху над его интонацией, а потом спрашивает:

— Дед, а почему горох и чечевицу называют викой?

— Ох, Колька, почему, да почему? Да черт его знает!

Несмотря на то, что семья не голодала, Наденька постоянно болела. Однажды ночью от сильного жара она умерла, так и не дожив до годика. Мать просталась с ней молча, не завывая от слез, не убиваясь над окоченевшим тельцем. Просто сидела и смотрела на деревянный гробик.

Только глаза Антонины стали совсем другими. Серые и лучистые, они стали выбеленными до бели и бесстрастными на блеклом лице.

Когда пришло время выносить тело из избы, она растелила свой платок, сложила стопкой чепчики, носочки и кофточки, туго связала концы и повесила на руку. Так с Надиными вещами она вышла вслед за гробом хоронить свою Надежду.

⁷ Вологодская народная прибаутка.

Ребенка отвезли на деревенский погост без цветов и толпы родственников и упокоили под деревянным крестиком.

А когда через год жизнь кое-как вошла в колею, Колька пошел в шестой класс. Школа находилась в соседней деревне, за пять километров от Ивановской, но для четырнадцатилетнего пацана это было уже по плечу.

Здесь, в селе Малое Закозье питерский мальчуган влюбился в барышню-крестьянку Настеньку. Они были одноклассниками. Поглядывали друг на друга, но вида не показывали, скрывая свои чувства.

Да и религиозная среда ограничивала свободу действий. Дед с бабкой в красном углу держали ярко иллюстрированную Библию и молитвослов. Каждодневные молитвы, перед едой и перед сном, походы в церковь, жизнь все время на виду — все это разительно отличалось от беззаботных питерских будней.

— Смотри, Колька, гуляй, но не прелюбодействуй! Если какая девка нам в подоле принесет — убью!

Далее следовало жестовое красноречие. Дед вообще-то не был многословным и не выносил болтунов. Видно поэтому он был скуп на похвалы и одобрения. И если уж изредка поощрял внука, то почему-то только одним словом: «Силен!»

Колька и не собирался позорить Настеньку. Девушка невысокая, но ладненькая, пригожая, заставляла его мечтать о любви. Была в этой девчужке нетронутая нежность. Он удивлялся ее пепельным волосам, заплетенным в длинные блестящие косички, ее вздрагивающим бровям, живо участвующим в понимании услышанного,

аккуратным белым пальчикам. Ему казалось невероятным сохранить эту чистоту в грубых деревенских условиях. Даже запах Настеньки был каким-то особым. От нее не пахло коровьим молоком, как от всех деревенских баб, с утра до ночи возившихся с живностью и впитавших в себя все естественные ароматы.

«Вот бы она распустила свои косы! У нее волосы были бы похожи на дым..., — думал Колька, — и вообще она какая-то нездешняя, недеревенская».

Настя не слыла тихоней, но и не была по-женски отчаянной. Внимание женихов привлекала, но не раззадоривала.

Колькина душа запела в полный голос, когда Настенька сказала как-то в классе:

— Из всех пацанов Колька Зеленцов оказался самым сильным. Вон как на субботнике работал!

После таких слов Колька готов был горы свернуть, потому и тут же откликнулся:

— Да это что! Я знаешь, еще и пришкольный участок в порядок приведу!

— Один, что ли? Экой ты заводной! — удивилась учительница. — Ты и дома такой, Коля?

— Так ведь я сейчас за хозяина остался!

— А с отцом-то что приключилось? — с неосторожным вопросом учительницы класс притих.

— Да сказывали, что он у него враг народа, — слышался противный голос с соседней парты.

— Никакой он не враг! — защищал отца Колька.

— А чё же тогда он с вами не живет? А?

Ребята с недоверием посмотрели на Кольку.

— Так надо. Он остался там, в Питере. — У Кольки от злости на своего обидчика горели уши.

— Та-а-а-мот-ка! — протянул ехидно все тот же задира. — Чёй-то мужик тамotka один остался бы? Врешь ты все!

Дома Колька рассказал матери о случившемся инциденте и шепотом спросил:

— Бабушка что ли рассказала в деревне, что отца арестовали?

— Да ничего она не рассказывала! Кто такие вещи кому говорит! Так уж люди сами домысливают.

— Мысли только у них злые!

— Да, эти Горловы, — вмешалась в разговор бабушка, бряцая коклюшками, — всю жизнь причитают: «Господи, господи, убей того до смерти, у кого женка хороша, да денег много!»⁸. Что ты на них внимание обращаешь!

Раз на Пасху из Долговки в дом Разиных приехали родители Павла Петровича — Зеленцовы. С одной стороны, справиться, нет ли вестей от сына, а с другой, — посмотреть на внука.

Свидание прошло как-то натянуто, нервно. Антонина с опаской поглядывала на свёкров, а те кидали подозрительные взгляды в ее сторону, раздумывая: «Не она ли втянула их сына в какую дурную историю. Был-то ведь парень, как парень, чего вдруг ему заниматься «антисоветской пропагандой»?» Вслух свои мысли они не решались произнести под властным взглядом Гера-

⁸ Вологодская народная прибаутка.

сима Митрофановича, подпиравшего мощной спиной печь.

А Колька им очень понравился, хоть и не совсем похож на отца, губы и щеки Тонькины, зато глаза, как у Пашеньки, и носик точеный. «Красивый паренек, вышел, ничего не скажешь, — удовлетворенно думала бабка Полина. — Все-таки наша порода».

По дороге в свое село Полина Дмитриевна, осторожно подстраиваясь под настроение мужа, спросила:

— Ты, Петюшка, на Ветра, какие планы имеешь?

— А ты, мать, хочешь, чтобы я внуку коня подарил? — сразу озвучил ее идею супруг.

— А что, разве нам одной лошади не хватит? Ветер ведь и не гужевой конь — боится телеги. А пацану покаяться верхом...

— Да нечего меня уговаривать! Я не против. Только вот подарок уже не новый. Восемь лет лошади — это... И цветом он не лошади, а коровы. Подумают, чего!

— А чего подумают? Здоровый конь! В самом расцвете лет! Ой, да у них-то даже лошаденки захудалой и той нет. Женился наш Пашка бестолково на этой беднячке, вот и замаялся...

— Да замолчи ты, и без тебя тошно! Вечно, начнет за здоровье, кончит за упокой. А коня я внуку прямо завтра и подарю.

На следующий день пришел во двор к Разиным Петр Пантелеевич уже с конем. Стоит у калитки, курит, затаяжки глубокие, ждет, когда хозяева спохватятся, выскочат. «Не торопятся подарок принимать», — думает дед, и тут вдруг Колька в дверь голову высунул:

— Чего не проходите, дедушка?
— Так ведь я с подарком. Тебя жду.
— С Подарком?! Твоего коня Подарком зовут?
— Ветер его зовут. Это тебе он — подарок.
— Вот это да! — Колькины глаза, казалось, выскочат из орбит.

Ветер тревожным взглядом окинул Кольку, стоящего недалеко Герасима Митрофановича. А когда хозяин передал узду парнишке, понял, зачем его сюда привели. Не зря его вчера чистили дольше Победы, потом хозяин долго бормотал с ним в конюшне, прощался, значит. Утром заседлал и куда-то повел.

И вот этот малолетний его гладит...

Ветер дал себя осмотреть, взял из рук Кольки неровный кусок сахара и стал ждать, как этот новый владыка проявит себя. Он терпел непривычную руку, лохматившую его гриву, стегал хвостом нового знаконца, переступал ногами и принимался.

Дед Петр помог Кольке забраться на коня, и Ветер, почувствовав легкого седока, понесся галопом, вскидывая голову и взбивая весеннюю дорожную пыль. Он облегченно понял, что его жизнь невидимо менялась к лучшему.

Новый хозяин устроил коню хорошее место в сарае, на первое время коновязь⁹, разложил пахучее сено, насыпал в корыто овса, позаботился о воде. Но больше всего Ветру нравилось гулять с новым хозяином в поле. Такого раздолья со стариком не было.

Колька быстро и ловко научился управлять своим конем, полюбил его, рыжего с белым галстуком и в бе-

⁹ Длинное бревно на нескольких невысоких столбах для привязывания лошади.

лых носках, стал называть не Ветер, а Ветерок. «Как нравится мальчику ездить верхом!», — думал конь. И, раскачивая головой, он нес его вдоль черного поля, в другую деревню, к реке, к своему прежнему дому в Долговке...

Конь понял, что прежний хозяин и не думал забирать его назад; он видел, как радовался дед, что внук может легко навещать их с бабушкой.

Петр Пантелеевич хвалил Кольку: «А ты хороший наездник, молодец!» А Кольке хотелось знать, что думает Настенька, что скажет, когда увидит его верхом на коне. Как-то она увидела, помахала ему рукой и пошла дальше. Колька провожал ее долгим взглядом, и Ветер понял, что его молодой хозяин ищет встречи с этой белокурой девочкой.

И однажды он стал свидетелем их нежных чувств. Конь смотрел на них отчужденно, их слова были фоном его спокойных мыслей, и Ветер не сразу понял, что эта белая девочка уже ведет за собой их обоих. «Как она хороша», — думал Колька, глядя ей в шею и не решаясь даже взять ее за руку. Конь был смелее, он потрогал ее пальцы своими замшелыми губами, отметив про себя, что они тоненькие и хорошо пахнут. Настя не обиделась на лошадиную фамильярность, а хлопнула в ладошки и засмеялась.

Весна ощутимо прибавила день, привнесла удивительные живые запахи в холодные деревья и окропила землю теплой водой. Почки затрещали и полопались, освободив на волю липкие зеленые листочки. Даже доски на поленнице благоухали особым запахом приближающегося тепла.

Странное состояние ожидания чуда подчиняло себе, расправляясь с разморенной усталостью и зевотой. Кольке хотелось бежать, лететь, петь. Колька листал календарь, считал дни до лета, ждал окончания школы, ждал свободы.

Ветер тоже радовался тому, что имел. Колька — его друг. Друг порывистый, но добрый. Он переживал с ним суматошные дни, но зато забыл, что такое дедовские стертые ременные вожжи, приравнивающие некогда молодого коня к крестьянским трудягам. Теперь он стал настоящий Ветер.

Лето оправдало Колькины надежды на счастье. Это было время без хронологии — без дат и месяцев, без школьных обязанностей, без руля и без ветрил.

Звенело летнее утро. После привычной домашней работы Колька разыскивал в поле душистые травы и цветы, туго перевязывал их липким вьюном, привязывал к седлу и мчал в Закозье на встречу со своей любимой. Она знала, когда он прилетит, и тайком от матери спешила ему навстречу. Ее не смущало, что за глаза Кольку называли «сынком врага народа» и некоторые на всякий случай сторонились. Она была убеждена, что Колька — никакой не враг.

Каждый раз она надеялась, что он ее по-настоящему поцелует, и она уж точно его не оттолкнет. «А он мог бы и сам догадаться, но... Нет, я ему об этом ни за что не скажу», — думала Настя.

Издали он видел дымку ее волос, спешивался, брал под уздцы Ветра и они медленно шли в пролесок. Покачивая длинной светлой юбкой до самых щиколоток, Настя с удовольствием отмечала восторженный взгляд

симпатичного, как у них в селе считалось, городского паренька. Она то и дело оборачивалась на него, как бы невзначай играла словами, которые он произносил, и бесшумно смеялась. Ветер ступал за ними осторожно, попутно откусывая сладковатые стебельки молодой травы.

Однажды он все же решился. Было жарко, земля разогрелась так, что жар проникал сквозь ботинки. Перед грозой воздух тяжел, он тянул лечь и не двигаться. Ребята сели у ручья. Вода в ручье манила прохладой, и Колька зачерпнул пригоршню, а потом обрызгал шею и грудь.

Настя томно посмотрела на Колю долгим изучающим взглядом, губы ее чуть раскрылись и пахли хмелем, загорелая кожа слегка побелела, и на лбу проявилась пульсирующая жилка. Он взял ее за руку, любуясь серым пеплом волос, нежным лбом над глубокими глазами. Пытаясь унять дрожь в пальцах, он провел рукой, чуть дыша, по предплечью, потом порывисто притянул к себе и стал неумело целовать лоб, глаза, щеки, губы. Плод ее губ оказался влажен и мягок, они любили и баловали дозволенностью. Она не сопротивлялась, даже когда он расстегнул пуговицы платья на груди, а только выгнулась, непривычно и приятно прикасаясь к его телу, и будто освобождаясь из тесной одежды. Показавшаяся чувственная складка, раздваивающая зыбкие груди еще больше раззадорила Кольку. Кровь ударила в голову, застучала в висках, и он впервые в жизни дал волю рукам и губам.

Настенька, прильнув к нему, сначала порывисто отвечала на ласки, а потом неожиданно спохватилась,

уперлась кулачками ему в грудь и каким-то чужим сдавленным голосом выдохнула: «Пусти меня». Он раскрыл руки и отодвинулся, уставившись, как она стыдливо застегивается, а потом быстро накрывает юбкой открывшееся в долгом поцелуе колено.

— Ну, чего ты так вылупись, отвернулся бы!

— Какая ты, Настька, желанная!

Она решительно вскочила на ноги и зашагала в сторону деревни.

Колька отряхнул штаны от сухой травы, отвязал привязанные к дереву поводья Ветра и поспешил за ней.

Началась война и всех здоровых мужчин забрали на фронт. В деревнях осталась несовершеннолетняя молодежь и старики. О школе можно было забыть, образование остановилось на семи классах. Вчерашние беззаботные пацаны и девочки работали как взрослые от зари до зари.

И все равно на зиму 1942 года нужного количества корма для животных заготовить не сумели, еле-еле дотянув до весны. А когда весной старики-крестьяне первый раз выпустили коров на пастбище, Разинскую корову боднула в голову какая-то другая, более сильная, да так, что сломала ей шейные позвонки. Корова упала, и ее пришлось зарезать.

Семья Разиных-Зеленцовых осталась без молока. А мясо долго не могли хранить из-за резко наступившего тепла. Так в Колькиной семье начались голодные дни задолго до всеобщей голодовки военного времени.

В посевное время выручал Ветер. Он тоже от голода еле дожид до весны, поэтому постоянно выбивался из

сил во время пахоты. Две борозды пройдет и ложится прямо в борозду отдыхать.

Работали втроем: Колька, мать и конь. Старика всю зиму хворали, дед Герасим лежал с воспалением легких, бабка ухаживала за ним.

Антонина при скудном питании мужественно отстояла рядом с сыном всю посевную. Экономила свою еду для сына, обманывала, что поела, а сама впроголодь пахала. Так и подорвала свое здоровье.

По весне, когда закончился посев, колхоз устроил праздник в столовой. Всем пахарям выдали по бутылке водки, и Колька первый раз в жизни напился до беспамятства.

А матери становилось все хуже и хуже. Силы оставляли ее, она жутко похудела и вскоре совсем слегла. Колька отвез ее в город Кириллов, в районную больницу, где она и умерла в возрасте сорока одного года.

Через две недели за ней последовал Герасим Митрофанович.

Колька остался в доме с бабушкой, совсем отчаявшейся и помутившейся рассудком. Однажды она приходит домой счастливая, приносит ободранного от шкуры зверька, только на лапках шерсть бело-серая, и говорит:

— Мне за портняжную работу зайца дали.

«Да это же кошка», — подумал Колька, но вслух ничего не сказал.

Так они ели несколько дней какую-то похлебку из этого зверя. Сама она, понимала, что это за блюдо, но приговаривала только: «За вкус не берусь, горячо сварю!»¹⁰ и заговорщицки оглядывалась.

¹⁰ Вологодская поговорка военной поры.

Вдруг она ни с того, ни с сего повадилась из дому уходить. Соседи говорили Кольке: «Запирай ее дома на ключ, а то как бы беды не натворила». Но так и не отвел беду парень. Однажды ушла Елизавета Федоровна, да так и не вернулась. Никто не знал, куда делась. Думали, может, в монастырь подалась, так как всю жизнь набожная была. А через пять дней тело ее прибило к берегу Сухоны.

Люди между собой говорили, что самоубийца она, но священник разрешил Кольке хоронить ее на кладбище рядом с дедом. Дескать, не видел никто, сама ли она решила смерть принять или умерла по неосторожности. «Не хочу я беду для мальчонки добавлять. Пусть упокоится раба Божья Елизавета как все праведники, — произнес на заутренней службе отец Владимир и перекрестился. — Если уж так случилось, пусть ее грех будет на вые моей»¹¹.

Колькин дед по отцовской линии Петр Пантелеевич снова выручил его, пристроив подмастерьем к сапожнику в своей Долговке. Так Николай, хоть и остался круглым сиротой, все же чувствовал родственную связь.

Работая в сапожной мастерской, Николай научился самостоятельно шить сапоги из свиных кож. Размоленная кожа натягивалась на «лапу», колодку в форме ноги, а потом березовыми и кленовыми гвоздиками, разбухающими вместе с кожей и оберегающими сапог от промокания, аккуратно пришивалась подошва. Голенища сапога сшивались при помощи шила и смоленной дратвы. Сапоги выходили хоть и тяжеловатыми,

¹¹ Шее (старорусск.)

но зато с хорошо вытянутыми головками, ровной строчкой, а главное, прочными. В таких сапогах солдатского образца тогда ходили и мужики, и бабы. Пальцы у Кольки потерлись, огрубели, от одежды пахло кожей и ваксой. Изготовив несколько пар, он приобрел необходимый инструмент и стал принимать заказы на дому, после работы. Работа спорилась, и у Кольки даже оставалось время, чтобы встретиться с Настенькой.

Настеньке тоже досталось от жизни. Отца в начале войны сразу забрали на фронт, и через месяц пришла похоронка. Тогда Настина мать решила перебраться к сестре в Ленинград:

— Я сначала сама съезжу к Лиде, посмотрю, что да как. Может, на работу устроюсь, а потом тебя заберу, — это были последние слова, которые слышала Настенька от матери.

Мать отправилась в конце августа на перекладных, а 8 сентября уже началась блокада. Так она и не смогла вырваться оттуда.

Колька забрал Настю в свою мастерскую на подмогу, а потом и к себе в дом хозяйкой. Когда они сидели в прибранном Колькином доме, казалось, вся его родня неслышно наблюдает за ними. Наверное, чтобы снять напряжение Колька достал отцовскую скрипку:

— Хочешь посмотреть? Это скрипка отца.

— А ты на ней играть умеешь? — заморожено спросила Настя.

— Пока нет, но выучусь после, когда война кончится.

Он положил ее себе на левое плечо, как заправский скрипач, по хозяйски ухватил за шейку и стал водить смычком. «Гварнери» издавала задумчивые диссонанс-

ные звуки, которые трудно назвать мелодией, скорее завыванием. Колька смутился и положил скрипку обратно в футляр.

В мастерской их теперь работало четверо: два парня и две девушки. Все, кажется, ничего, но однажды начальник мастерской резко изменил все планы:

— Нашему району дали задание заготовить лес для фронта. Молодежь должна приступить к заготовкам с завтрашнего дня.

Сначала эта поездка показалась долгожданной романтикой — свобода чувств, отсутствие доглядчивой родни и соседей, возможность проверить собственные силы. Словом, настоящая взрослая жизнь!

Романтика рассеялась практически сразу. Стихийная лесозаготовка в течение трех месяцев научила Кольку пилить деревья, валить их «медведкой», зачищать стволы, таскать лошадьми к реке и сплавливать по течению.

Настя была рядом, не ныла, не скулила, а скрашивала Колькино житье-бытье. Они вместе с напарницей по вечерам варили своим парням нехитрую рыбную похлебку, стирали их соленое белье, щебетали о мирном времени.

Осень была холодная, и естественная близость Кольки и Насти согревала обоих своей горячностью и искренностью. Николай стал настойчивее, а Настенька щедрее в любовные минуты и уже не боялась его мужских ласк, находя в них радость и утешение.

— Ой, Колька, а ничего не будет?

— Да, не бойся ты, чудачка, иди ко мне! — в его глазах появлялся нетерпеливый призыв. Ни клоповные стелы, ни скучное одеяло, ни простая рубаша не могли ос-

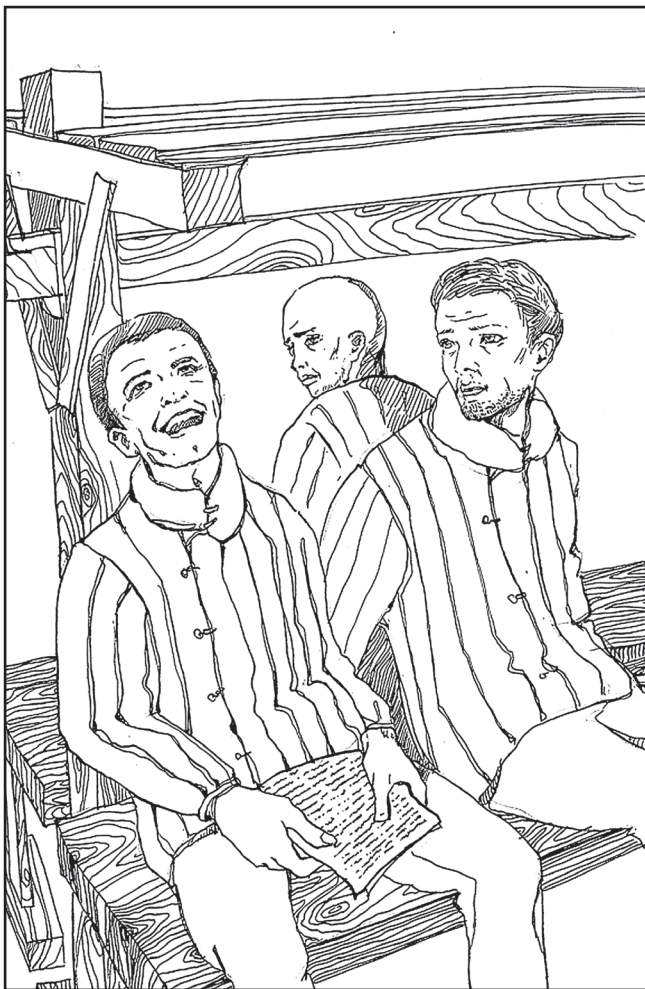
тудить Колькину страсть, когда Настины руки закидывались ему за шею, волной поднимались груди и ее дыхание жгло ему лицо.

И вновь он обнимал ее, искал губами ее губ, сжимал руками женские прелести, наливающие кровью его тело. С исступлением и жадностью он погружался в наслаждение и тонул в ее чреве, изумляясь ее чувственности и исступлению. Томительно восхитительные минуты плотской любви плавно перетекали в слезы радости, а затем в жаркий сон, являющий мирные райские кущи. Утреннее солнце освещало подушку его ласковой девочки, он благодарно целовал ее сонный ротик, проводил рукой по мягкому телу и шептал: «Котенок, вставай!» Котенок безропотно вставал, наскоро цеплял на себя платье-рубище, фуфайку, сапоги, а потом и снова и снова терпел чудовищно тяжелые будни лесоповала. Без страха утрат и возмездья.

Возможно, они терпели бы и дальше эту трудовую повинность и непривычно убогие условия жизни, но дом — он манил. Здесь он казался раем небесным, да и свобода уже пресытила всех так, что юнцам захотелось вернуться в привычный деревенский завет.

Наивные, они решили самовольно уехать домой. Но не тут-то было. Колька сразу же познакомился с дисциплиной социалистического труда. Через неделю пришла повестка явиться к районному судье, который выписал штраф: за самовольный уход удерживать у каждого из заработной платы по пятнадцать процентов в течение шести месяцев. Их скудный заработок сократился до минимума.

Глава 2. «Все мы дети Адама и Евы»

Одно срубленное и очищенное дерево быстро катилось по откосу на человека. Я видел это, но от великой скорби не мог ему крикнуть: «Уйди скорей!»; у меня заболело и заплакало сердце — и дерево остановилось. Человек этот был для меня чужой, я не знал его, а если бы это был родной, то, думаю, вряд ли остался бы я жив.

Преподобный Силуан Афонский

В 1943 году начали призывать ребят 1926 года рождения. Кольку вызвали повесткой в райвоенкомат. Он собирался недолго. Отвел коня деду в Долговку, вещмешок за спину, и отправился солдат Зеленцов обучаться военному делу в 68-м запасном стрелковом полку в вологодском городе Грязовец.

На ускоренных курсах красноармеец Зеленцов стал пулеметчиком и в составе 2-й станково-пулеметной роты был направлен на 2-й Белорусский фронт.

Первый бой он принял в Псковской области. Возле железнодорожной станции «Дно» показались немецкие самолеты и начали бомбить их состав. Свист, вой, крик обезумевших людей, взрывающиеся стекла вагонов.

Резкая тишина. Дикая боль под черепом и тишина. Свист в висках и тишина. Все куда-то бегут, прячутся под горящие вагоны — в тишине. Падают убитые — в тишине. Раненые мучительно кривят рты — в тишине. Почему же, черт возьми, тишина. Почему так болит голова?! Сил нет терпеть эту боль, она просто невыносима...

Больше он не помнил ничего.

Он не помнил, сколько он пролежал рядом с горящим поездом.

Он не знал тех людей, которые забрали его куда-то в лес.

Он не понимал, откуда пришел этот бесконечный сон, закончившийся на огороженной колючей проволокой территории, где такие же, как он вяло передвигались под наблюдением злобно зыркающих фрицев.

Потом опять какой-то железнодорожный состав. Их по очереди плетками гонят в вагоны. В вагонах тесно. Они стоят, прижавшись телами друг другу.

Опять болит голова. Опять свист в ушах. Кто-то поддерживает его спереди и сзади. В тишине. Опять сон.

Сколько прошло времени? Никто не знает. Никто не слышит.

Вдруг какие-то глухие звуки. Наконец-то в тишину ворвались звуки. Тишина начала оживать:

— Парень, слышишь меня? Как ты, живой?

— Кажись, живой, — Колька слышит собственный голос, как по радио — гулким и искусственным.

— Держись, парень.

Кто-то вслух прочел название станции:

— Ораниенбург.

— Где это мы? — Колька с трудом шевелит губами. — Под Ленинградом?

— За границей мы, браток, в Германии.

Состав остановился. Дверь открылась и на платформе показались фашисты с собаками:

— Шнель, русише швайне! Хинаус! Шнель!¹² — автоматная очередь перемежалась с непонятными окриками.

— Ну, вот вам и санаторий! — кто-то чернo усмехнулся. — Заксенхаузен. Надеяться на возвращение нечего.

Вдруг, перекрывая разноязычный гул, слышался дерзкий крик:

— Ребята, кто тут русские, отзовитесь?

Несколько человек подняли руки вверх. Колькину руку тут же перехватила длинная плеть, оставив кровавый след. Сосед, шагающий рядом с Колькой, густо выматерился и, злобно глянув на фашиста, кинул:

— И пацана прихватили, с-с-уки!

В первую же неделю новичков отвели в хирургическую. Залитый кровью кафельный пол жутко вонял и не предвещал ничего приятного. Колька вступил в натекшую кровавую лужу и поскользнулся. Его удержал Мишка, попавший в лагерь смерти вместе с ним в один день.

— Братцы, да они что удумали с нами?! — голос Александрова, стоящего сзади, треснул.

Глаза мужиков округлились от ужаса:

— Зачем они это делают? Уж лучше бы убили сразу, да и все!

¹² Быстро, русская свинья! Вон! Быстро! (нем.)

Кровавые разводы на стенах, забрызганная панель, отделяющая операционный стол от тумбы с садистскими инструментами, пол забрызган кровью.

— Зачем-зачем... Чтоб ни племени, ни семени у нас не осталось, — прошептал Ходоров, а потом, передразнивая украинский акцент подвизавшегося у немцев врача, громко добавил:

— А ты шо, хлопец, тренируешься тут, чи тобі трошки не хватае на жись?

Уборщик, нанятый из предателей, бежал с ведром замывать следы, другой кричал ему: «Йоду шибче лийте, а то ж воны тут уси полы засрут».

Шел 44-й год. Немцы зверели от проигрышей на фронте и завели порядок ежевечерних казней в лагере. Для устрашения несчастных построили многотысячный народ в колонны на апельплаце, площади для перекличек. За спинами узников выставили автоматчиков, а потом выгнали из толпы шестерых со связанными руками к виселицам.

— Внимание! Равнение налево! — кричали полицаи.

Ловко выбив из-под страдальцев подставки, оглянувшись на болтавшиеся под перекладами тела, фашистские прихвостни стали объяснять, кто и за что был только что казнен:

— Номер 46 786 пытался бежать из лагеря.

— Номер 52 684 ослушался приказа хозяина...

У Кольки был красный винкель¹³ с номером 52 685. Сердце колотилось в груди так громко, что хотелось побежать и кинуться на колючую проволоку, окружав-

¹³ Треугольник, определяющий по цвету категорию заключенного.

шую это проклятое место, и сразу умереть от разряда тока, многовольтно проходившего по ее витым линиям.

Людской страх ступает за человеком тихонько или шлепает своими мокрыми подошвами с самого рождения и до его смерти. Он живуч, потому что изобретателен, меняет свой облик и не дает привыкнуть к себе. Прошлепали в прошлое и отвязались от нас страхи молний, ураганного ветра, богов и Бога, болезней и заклятий, войны и смерти. Наступила власть страха самого себя. Он самый коварный этот страх. В схватке с ним выживает только тот, кто показывает свое превосходство. Таких людей немного, но они смело смотрят на звезды.

В апреле 45-го фашисты сникли. На их мордах читались растерянность и страх. Они редко проводили апелли и ходить по лагерю стало чуть свободней. Но теперь перед ними стояла задача скрыть свои преступления.

Однажды утром они построили узников лагеря, вывели с его территории, а потом погнали колоннами через город. Это был марш смерти.

Город, казалось, вымер. Окна в жилых домах немцев зашторены, на улицах ни души. Периодически из громкоговорителя раздавался один и тот же приказ.

— Что это они орут?

— Горожан к окнам не подпускают, чтоб нас не видели.

— Почему?

— Да черт их знает! Может, своих бояться, зрелище-то...

— Да, мы пока не красавцы.

И тут же в каком-то окне показалась голова, на которую моментально был наставлен автомат конвоира: «Вэг!»¹⁴

На дорогу упал обессилевший человек. И снова: «Дубист швайне, ауфштейн!»¹⁵ Но тот не вставал, и автомат сразу же сработал. Колькины колени подкосились и конвоир уже нацеливался на него: «Шнель, русише швайне!» Александров подхватил под локоть Кольку, хотя тоже еле волок ноги в неудобных деревянных башмаках, и оглянулся в сторону полиции:

— Да и ты не красавец! — а дальше по-отечески, хоть у них и не такая уж большая разница в возрасте, хрипловато подбодрил. — Держись, Колька, видишь: тех, кто не может бежать, они пристреливают.

— Я стараюсь, Андрей Сергеевич. Но если умру — не поминайте лихом, — терпеливо шептал Колька высохшими губами.

— Эт-ты брось, парень. Поживешь еще. Здесь умереть — это слишком просто. Для этого не надо ни ума, ни мужества. Терпение нужно для того, чтобы жить. Пусть эти свиньи посмотрят, как силен и живуч русский человек!

Они смирились со смертью, которая стояла у них за спиной. Плевали они на нее! И теперь у них появился азарт жизни. Они уже вышли за город, дорога пошла вниз, в сторону какой-то деревни.

— Колька, видишь вон там, за рекой, танки? Это же наши танки!..

— Они догонят нас или опоздают?

¹⁴ Прочь! (нем.)

¹⁵ Ты свинья! Встать! (нем.)

— Если эти гады мост взорвут, то опоздают. Но все равно, наша победа!

Узники постоянно оглядывались на реку. Выжить хотел каждый. Конвоиры прикладами понуждали их бежать, когда над головами показались английские штурмовики. Фашисты бросились спасаться к лесу, бросив охранять своих жертв. Они ползли, как крысы, которых вот-вот настигнет хозяйский гнев.

— Смотри, Колька, они думают, что в рай бегут.

— Им на том свете не понравится.

С обеих сторон дороги вывалились советские танки. Танкисты ошеломленно смотрели на живые скелеты, чуть прикрытые полосатой одеждой и шаркающие деревянными башмаками по асфальту.

Лысые, с грязными следами слез на впалых щеках, оскверненные страшными пытками, среди других освобожденных узников тащились Колька и его товарищи.

В комендатуре майор сидел за столом и задавал одни и те же вопросы:

— Фамилия, имя, отчество. Год рождения. Национальность. В каком полку, в какой роте служил?

Каждый из бывших узников называл себя по фамилии и сообщал обстоятельства, при которых попал в плен и в лагерь.

Штабной писарчук все подробно фиксировал в своем журнале.

Дошла очередь и до Кольки.

— Рядовой Зеленцов Николай Павлович, тысяча девятьсот двадцать шестого года рождения, русский...

— Ну, и что же ты, брат, сдался врагу? — повесил ногу на ногу майор.

— Контуженный был! Ничего не слышал и не помнил.

— Знакомая песня! Так что из этого? Лучше умереть, чем сдаваться в плен и служить фашистам как предатель!

— Да что ты понимаешь вообще? — Колька сжал кулаки и в два прыжка поравнялся с майором, схватил его за грудки и, приблизив лицо вплотную к офицеру, ощерился густым матом. — Там, где я был, и сын Сталина был. Он тоже, по-твоему, предатель?

Офицер схватился за его худые запястья и, не рассчитав силы изможденного человека, оттолкнул его, сильнее обычного. Колька отлетел к двери кабинета, ударился головой и на этот звук сразу вбежал солдат с автоматом.

Майор удивился физической легкости бывшего узника. Тело его казалось невесомым. К тому же его последние слова о сыне Сталина... «Чокнутый какой-то...», — подумал офицер и добавил только:

— Ишь ты, как расходился. Надо было уметь постоять за себя, чтобы не сидеть потом на чужих нарах. — Майор ухмыльнулся, потом холодно кивнул вошедшему солдату: — Уведи его.

Колька пережил концлагерь и «марш смерти». Он дожил, добежал, дотянулся до Родины.

Но иллюзии счастливого возвращения домой испарились, когда его и товарищей по несчастью посадили в товарный вагон поезда, следовавшего из поверженной Германии на Родину.

Колька сидел на полу, на соломе, жевал плесневелую корку хлеба и думал о Настеньке. Ее гибкая белая шея, поток пушистых русалочьих волос, бездонная пропасть страстных глаз — казалась совсем близко, рукой подать.

Он вспомнил удивительно красивую мелодию, услышанную как-то в начале войны по радио. Она звучала проникновенным женским голосом, возвышавшимся над мощной и нежной волной оркестра. Это пела сама Любовь. А потом диктор объявил, кажется, Концерт для голоса с оркестром. Колька силился вспомнить композитора, но не смог. Пришли другие мысли: «А нужен ли он ей теперь такой? Зачем молодой здоровой женщине инвалид? — сходил с ума Колька. — Нет, я не достоин ее. Я же теперь хуже инвалида, лишившегося руки или ноги в честном бою. Как она встретит меня? как умалишенного, достойного только жалости и сострадания? Да и как я расскажу ей о том, что со мной произошло в этом аду?!».

Колька переживал абсолютную разобщенность с предметным содержанием жизни. Но его все равно тянуло к Настеньке. Он ощущал какой-то незримый поток энергии, исходящий из недалекого родного края. Он каким-то звериным чутьем знал, что она жива. Там, в лагере, он видел во сне родителей, и знал, что они умерли, что их нет в списках живых. А Настя приходи-

ла к нему во сне в красочном и живом облике, полная женских сил.

«Она, конечно, ждет меня, надеется, что я вернусь. С войны. А она будет гордиться победителем... С орденами и медалями, как едут сейчас те — в другом поезде, в других вагонах», — Колька перевел взгляд на угрюмого мужика, сидевшего рядом с ним, когда тот прошепелявил беззубым ртом:

— Хоошо, нам одежду выдали новую, не стыдно в дом войти.

«Стыд и срам так возвращаться к любимой!», — презрительно скривился Николай, потом повернулся на живот и сдал руками голову: «Я не должен ехать в Кирилловский район. Ну что я скажу своим родным? Что они увидят? Ничего — кроме страшных оборванных мощей. Надо как-то выкручиваться».

В вагоне повисла тишина. То ли от приближения Родины, то ли от долгого напряжения в нечеловеческих условиях, мужики смахивали с лиц влагу, впервые за долгие месяцы проступившую на измученных глазах. Они не стеснялись друг друга и не скрывали своих слез. Они знали, что никому ничего не надо объяснять. Они молча разделяли горе друг друга. Без патетики и истерики.

«Я люблю тебя, Настя, — уставившись куда-то вдаль, думал Колька. — И буду любить. Но это уже ничего не значит».

В Лисичанске их высадили из вагона, погрузили на грузовики и опять, не объясняя, куда-то повезли. А их поезд пошел дальше.

Территория, на которой они оказались примерно через час, колючей проволокой и низкорослыми бараками напоминала лагерь смерти. Это был фильтрационный лагерь НКВД. Оказалось, страна-победительница хромала своей земной хромотой.

Лагерь охранялся не так, как Заксенхаузен, но бежать никому из вновь прибывших не хотелось. «Вот, значит, как судьба распорядилась, — думал Колька, — случайность подыграла мне, значит, не придется и от стыда заливаться. Я не знаю, зачем мне это нужно, но знаю, что нужно».

— Семи смертям не бывать, а одной не миновать, — натужно предрекал Александров. — Эх, ребятки, чего мы с вами только не переживем...

— Да, Сергеич, рано тебе, видать, играть в тихие игры — в шахматы, в домино на лавочке, закаляет тебя жизнь, выковывает характер, чтоб стал на диво упрям и своенравен! — Мишкин оптимизм не единожды выручал в трудную минуту.

— И зачем только?

— Сие не ведаю. Но Эйнштейн предупреждал, что за вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое.

— Философ ты, Мишка!

— С неполным, но высшим!

Состоялся трибунал, и Зеленцова Николая Павловича, Александрова Андрея Сергеевича, Ходорова Михаила Акимовича осудили на 10 лет «за прошлое сотрудничество с оккупантами». Меньше никому не давали и никакие свидетельские показания в расчет не принимались.

Один из осужденных отстраненно произнес:

— Отче! Прости им, ибо не знают, что делают!

На него уставились несколько десятков глаз, но никто из тех глаз никогда не читал Священное Писание. Такова была правда этих воинов.

Новый лагерь появился издалека. «Приехали», — сказал кто-то уныло, и пыль легла на запотевшие лица. Чудовищная смесь диалектов русского языка окружила грузовые машины.

— Какой дурак придумал поселить нас здесь? — сплюнул Колька.

— Не дурак, а больно умный, — съязвил Мишка.

Страна строила Волгодонский судоходный канал.

Мощный каскад гидротехнических сооружений — шлюзов, насосных станций, водохранилища и плотины, протяженностью свыше ста километров, призван был обеспечить регулирование уровня воды в Дону и Волге. Всей стройкой, а это семь строительных районов — Красноармейский, Береславский, Водораздельный, Мариновский, Карповский, Донской и Цимлянский, руководило Министерство внутренних дел во главе с генералом Раппопортом. В каждом строительном районе были лагеря.

Лагерь, в котором отбывал свой срок Колька, находился в Донском районе близ города Калач-на-Дону и ничем не отличался от остальных. Бараки в чистом поле, огороженные колючкой, вышки часовых и автомато-пулеметные гнезда, охранные собаки. Бок о бок трудились и проживали верующие и инакомыслящие, воры «в натуре» и убийцы. Были и такие, как Колька —

«политические». Среди тех, кто по статье шестьдесят четвертой за измену Родине, тянули срок начальник Северо-Кавказской железной дороги и директор Ленинградского малого оперного театра... Все они ненавидели и боялись бесцеремонных людей в форме.

Письма из родного дома, от близких приходили осужденным нечасто. Одним отказывали в любви и дружбе родственники, другим тюремное начальство не позволяло читать всю почту. Александрову на зоне повезло больше остальных: его после долгих лет испытаний отыскала родня. Колька запомнил тот день, когда ему пришло письмо.

— Для Александрова, — выкрикнул охранник.

Андрей Сергеевич взял у него толстенный конверт и руки его затряслись.

— От жены моей, от Наташеньки.

Сокамерники деликатно отошли в сторону, оставив его наедине со своими мыслями. Через час они нашли его сидящим на нарах и безумно смеющимся.

— Ты что Сергеич? — осторожно попытались выяснить подробности дружбы по несчастью. — Плохие новости?

— Да, слава богу, хорошая полоса пошла, мужики! Ну, теперь-то я жить буду. Теперь-то мне надо жить! У меня ведь не только жена, у меня ведь дочь, оказывается есть. Представляете? Дочь! Леночка! — глаза его не могли вместить всей радости жизни.

Шпыни¹⁶ притихли и смотрели на него недоверчиво, думая, что свихнулся мужик, не выдержал новых про-

¹⁶ Грубые насмешники.

блем. Ну, как могло случиться, что он вдруг стал отцом?! Чуть собачья, это ясно! А он обнимал по очереди каждого из них, залиvisto хохотал и повторял: «Дочь у меня! Леночка!»

Колька крепко сжал его за плечи и начал трясти, чтобы привести в чувства:

— Сергеич, угомонись! Давай все по порядку!

— Дочь у меня! Леночка! Понимаешь, Колька?

— Да сядь ты, успокойся! Ребята, надо бы врача, а то как бы он умом не тронулся.

— Да что ты такое говоришь, Колька?! Ты что мне не веришь? Не веришь, гад? — он замахнулся на Кольку и внезапно закашлялся.

Кашель сменился затишьем, он повалился на пол, что-то шамкая губами. Пришедший медбрат зафиксировал смерть.

По причине острой коронарной недостаточности Александрову Андрею Сергеевичу свой срок отбыть не пришлось.

Разномастный народ уживался с большим трудом. «Уголовные» беспредель стремились взять верх над «политическими» заключенными и вынуждали к разбирательствам и дракам, постоянно задирая нервно-истощенных мужиков оскорбительными шутками и поддевками. Единственное, что объединяло всю разнородность лагеря — стремление поскорее освободиться из этих мерзких условий. Любой ценой.

Однажды группа зэков затеяла побег. Заключенные рыли тоннель из своего барака за забор зоны. Рыли долго, лежа на земле, а землю выносили в карманах и рас-

сыпали на клумбах. Когда тоннель был готов, собака дозорного обхода учуяла в земле заделанную нору. Началась облава, шерстили всех. Но не сознался никто и никто никого не выдал. Несостоявшийся побег для многих закончился изменением режима — переводом в тюрьму и добавлением срока.

Суровая мера не коснулась Зеленцова и Ходорова, хотя они тоже были среди посвященных в это рискованное народное дело. Разборки — самое обычное дело в уголовной среде — накануне побега закончились с перевесом не в пользу «политических».

«Зачем?» — едва очнувшегося Кольке этот немой вопрос пришел толчком в голову.

Чуть дальше ничком лежал Ходоров.

— Ми-и-и-и-шка, — потянул окровавленным ртом Зеленцов. Но тот не отозвался. «Убили Мишку», — подумал Колька, и жгучие слезы покатались по опухшим щекам.

«Зачем?» — рыдали его глаза. — Зачем я еще жив? Девять лет я живу не по-человечески. Почему я должен так жить?»

Он стыдился, что еще жив и призывал освобождающую смерть глазами, утратившими свою первоначальную функцию видеть и ставшими источником боли и ненависти. Его гнев часто и мерно стучал в ушах, он попытался подняться и закричать на весь мир, как ему опротивела жизнь. Но боль была выше его сил, он рухнул наземь и погрузился в небытие.

Перед ним в темной мгле лежал огромный туманный луг, окутанный плотным газом облаков. Сливаясь

с горизонтом, облака парили так тихо, что можно было расслышать шелест травы. Лежа на прохладной траве, он почувствовал, как уходят мучения и тело обретает приятную невесомость. На горизонте едва различимо виднелась яркая искра света. «Я умер, — кажется, сказал он, чувствуя сухость во рту. — Ну и что? Я устал и мне все равно».

Ему показалось, через некоторое время в ушах тепло и доверительно прозвучало: «Ты же пить хочешь, повернись и попей воды». Неведомый голос был нетороплив и низок, не прибегал к назидательности и анахронизмам. Колька ватно повернулся на живот и увидел реку. «Откуда здесь река?» — подумал он и с жадной наклонился к воде. Вода приятно холодила грудь и больные ладони, вливаясь в горло живительным потоком; он пил и пил, пока, наконец, не вернул силы и не смог, раскинув руки, свободно поднять лицо вверх. Небо превратилось в бледно-розовое облако, светом потеснившее серую мглу.

Он почувствовал себя ребенком, лежащим на песке. Вода нежными приливами смачивала его волосы, омывая и разглаживая их, и ее упоительные движения отвлекали от яростных мыслей. Колька предался воспоминаниям и ему захотелось плакать. Он вспомнил милые мордочки черного пушистого щенка и такой же по размеру кошки, озорно выглядывавшие в редкие прутья знакомых дворовых ворот, которые ожили всего на несколько мгновений, а потом их изображение вдруг превратилось в черно-белую фотографию и где-то растворилось. Крупно возникло лицо матери, молодой и веселой, и также исчезло в облаках небытия. А вот знакомый пролесок, где они вместе с Настей. Ветер! Он ли-

жет ей руку. «Все черно-белое... Безвозвратное прошлое», — думал Колька. Ему хотелось задержать эту коллекцию воспоминаний, он произнес: «Я хочу еще раз посмотреть!» и его слова разнеслись гулким эхом.

— Ты любишь жизнь, зачем зовешь смерть? — он не услышал, а почувствовал вопрос, как будто внутри себя.

— Я больше не могу терпеть боль! — сознался Колька, опустив ресницы.

— Это трудно. Особенно, когда ненавидишь и убиваешь, — согласился незнакомый голос.

— Но я никого не убивал!

— Ненависть к брату — это тоже его убийство, — спокойно заметил незримый собеседник.

— Моя ненависть не к брату, а к тем гадам, которые не достойны жить среди людей. Я за справедливое убийство и за то, чтобы жизнь стала доброй и чистой, — снова распахнул глаза Зеленцов.

— Ты за доброе общество людей? — усмехнулся голос.

— Когда-нибудь такое настанет! — воскликнул расположенный к искренности Колька. — Лет через двадцать-тридцать.

— С помощью убийства грешников? Вряд ли. — Голос тяжело вздохнул. — Я это понял после Потопа и признаю, жертвы были принесены совершенно бездарно. Доброе общество не замешивается на убийстве. Убийцы рожают убийц и больше ничего.

— Значит, убийцы будут жить всегда? — дрогнуло Колькино сердце.

— Я же говорю, не получается их уничтожить. Мои запреты нарушены. Человек не захотел считать запретное запретным.

— Вот и надо за это наказывать! — простодушно подтвердил Колька.

— Как ты думаешь, с кого начать?

— С тех, кто стреляет и убивает, конечно.

— Ну-у-у! Призывы «Расстрелять!» популярны и у тех, кто себя называет национал-социалистами, и у коммунистов. И те и другие несут коллективный адамов грех.

— С фашистами никого нельзя равнять! Это изверги! Вот их всех до единого и надо уничтожить, — уточнил Колька.

— Они понесли заслуженное наказание. Сначала мировой трибунал, потом...

— Но уничтожили не всех. Кому-то дали всего десять лет тюрьмы, а кто-то затаился и избежал наказания суда.

— И как же ты предлагаешь их теперь отличить от остальных?

— Они никогда не станут другими и снова будут стремиться захватить власть, чтобы начать новую войну.

— Да, войны на земле не переводятся и зачинщики находятся всегда. Ну вот ты, чем отличаешься от тех, которые, провозглашая общество «мужества и чести», начали с убийства безбилетников в транспорте? Или тех, у которых «города будущего» отличаются лагерьной планировкой и кто уничтожает по одному миллиону в год? Это получается...по три тысячи в день!¹⁷ Ни одним ли миром они мазаны?

¹⁷ За 70 лет Советской власти в стране было уничтожено 60 миллионов человек (цит. по: «Обозреватель», № 2, 1993).

— Я не убийца! Ты знаешь об этом, — Колька был ошеломлен такой арифметической бескомпромиссностью.

— Ты требуешь расправы над недругами, а значит, готов убивать. И если тебя наделить властью наказания, ты установишь еще более строгий режим, чем тот, в котором ты сейчас находишься. Ты, как и твои враги, считаете: «Убей — и ты выживешь. Пожалеешь — тебя убьют».

— Разве я не делился последним куском и не помогал совсем незнакомым людям? Разве я не заслуживаю, чтобы меня считали человеком?

— Ты и есть человек. Сегодня гуманный, а завтра жестокий.

— Тогда зачем Ты даешь мне жить? — отчаянно закричал Колька.

— Это нелепый бранчивый крик слабака, который еще не знает, что такое смерть и ад! — Голос зазвучал жестко, а потом внезапно принял прежний тон. — Твое сердце не слышит меня, а уши слышат предвзято. И еще радуешься своему миражу!

— Я хочу понять, но не могу. Что я должен сделать, чтобы понять тебя?

— Этот вопрос люди задают уже больше тысячелетия, — тяжело вздохнул голос. — Ты просил смерть, а я дам тебе от нее вольную. Допустим на полвека. За двадцать-тридцать лет тебе не удастся понять главное. Посмотрим, хватит ли тебе пятьдесят лет, чтобы понять, что добро создается добром, а любовь любовью. Сможешь ли ты претендовать на рай?

Повисла пауза.

«Ого! Азартное решение: а вдруг, не получится?» — не успел толком осознать Колька, как последовало продолжение:

— Но для этого ты должен возлюбить свою жизнь и всех, кто тебя окружает, потому что слаб и не можешь решить, кому дать любовь, а кому отказать.

— Да как же можно всех возлюбить-то? — осмелился перечить Колька. — Самых близких любить, друзей, родных — это само собой разумеется. А всех?

Он услышал приглушенный смех:

— Да-а-а-а! это чудище, как говорят, обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй!¹⁸

— Ты смеешься надо мной?

— Нет, я плачу смехом. Над собой.

А потом у Кольки снова прогремело в ушах:

— Так вот, это тебе по силам и ты должен научиться жить со всеми в мире и любить всех ближних!

— Господи! — взывал Колька. — Как ты не понимаешь, не всякий человек достоин любви и жалости, хотя и создан по твоему образу и подобию. Ведь образы эти вон как стали обманчивы! Не толкает ли твой приказ на риск? Не все палачи Заксенхаузена наказаны, значит, они должны чувствовать некую гарантию своей неуязвимости и заботу человечества? Я не понимаю! — оправдывался в своем бессилии понять эту сложную истину Колька.

— Ты уже сказал, что все человечество их проклинает? Тебе этого мало?

— Но ты же предлагаешь мне их возлюбить! — не унимался Колька. — А за что я должен их возлюбить?

¹⁸ Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву».

— За их будущее покаяние. Разве ты его знаешь? И почему ты сомневаешься, что оно будет по их грехам?!

— А если какой-нибудь негодяй скажет мне, чтобы я убил такого-то, я все равно должен возлюбить его? — не укладывалось у Кольки в голове. — Но это будет означать для меня приближение к его жестокости и отнимет у меня душу!

— Твой страх впереди тебя. Не упрощай! Ты всегда можешь выбрать неповиновение, как это делают смелые, которые могут отказать королю¹⁹. А сейчас ты сам отнимаешь у себя душу и все остальное! Ты слаб, тебе надо вернуть силы. Но и все земное можно вернуть и душу можно сохранить, если победить свой страх.

— Но как это возможно?

— Тебе не надо беспокоиться, как вернуть. Ты должен принять жизнь целиком и радеть о вечном. Хотя здесь важны поступки, а не побуждения, — прозвучала твердая уверенность.

— Ты сказал, что можно вернуть все? — перехватило дыхание у Кольки.

— Все, что не за порогом смерти — все в твоих силах. И все, на что у тебя хватит смелости, чтобы победить. А это еще целая жизнь! — смягчился голос. — И помни, если ты не полюбишь мир таким, какой он есть, тебе мо-

¹⁹ Генерал фон Мартвиц: «Выберите неповиновение, если повиновение не приносит чести». Во время Семилетней войны отказался исполнить приказ Фридриха Великого, после чего на его могиле написали: «Избрал немилость там, где повиновение не приносило ему чести».

жет не хватить времени ответить на вопрос, почему он бывает так жесток.

Голос исчез и началось растворение картины заливного луга в золотисто-розовых облаках. Отдаленно слышался лай охранных собак и естественный шумовой фон окружающей природы. Где-то там нервно закашлял мотор машины. Колькино тело постепенно стало наливаясь весом, потяжелели плечи и руки в локтях. Пропотевшая и колючая от пота майка натирает подмышкой, тяжеленные от грязи сапоги гириями прибивают к земле. Но боль теперь не так мучительна, как раньше. Он опустошен и ошарашен: «Я жив!». Судьба снова пощадила его... Он смог пошевелить пальцами, повернуться на бок и неловко подняться, чтобы добрести до лежащего Ходорова.

— Миша, ты живой? — осторожно качнул он плечо друга.

— Живой, — еле внятно ответил Ходоров.

— Господи! Помоги ему, Господи, — иступленно проговорил Зеленцов.

Он развернул расслабленное тело друга, ужаснулся его ссадинам и ранам, и слезы потекли по его недельной щетине.

— Ты, плачешь, друг? — пошевелил запекшимися губами Мишка. — Ничего, я как-нибудь оклемаюсь... Я сильный...

— Господи! Спасибо тебе, Господи! — повторял Колька.

— Не шуми, Колька, а то нам с тобой еще за идеалистическую пропаганду срок добавят, — опухшими глазами улыбнулся Ходоров. — Может и не «по десять», а «это самое»...

Зрелище военной истории не внушало Зеленцову особого оптимизма в отношении услышанной в странном сне заповеди, но, не верующий ранее в идеальную связь между небом и землей, он задумался: «Господи, как все сложно! Смогу ли я понять Тебя...».

Николай Павлович Зеленцов был досрочно освобожден в 1952 году, как и его друг, Ходоров Михаил Акимович, сразу после завершения строительства Волгодона. Первое дело, которое они должны были сделать — найти себе работу и жилье. Денег у них нет, родных нет, строительные специальности они освоили, но не факт, что их примут работать на стройку или на завод — они бывшие зэки. «Мир не без добрых людей», — подумал Колька.

Они свернули с длинного пути, вышли на Ростовский большак, и уже первый встречный грузовик повез их в город Ростов-на-Дону.

— А обувная фабрика в Ростове есть, не знаешь? — Колька пытливо посмотрел на шофера.

— Знаменитая, Микояновская. Так тебе туда надо?

— Надо, — поерзал на сиденье будущий сапожник.

Жизнь начиналась заново.

Глава 3.

«Бывает то, что Богу угодно»

*Трудности гор остались позади,
перед нами — трудности равнин.*
Б. Брехт

Николай по дороге к Александровым думал, что самое трудное время уже позади. Дверная цепочка натянулась, и в освещенном проеме он увидел невысокую невзрачную женщину с белесыми бровями. Она смотрела пугливым ожиданием плохих вестей, и, когда он сказал, что «от Андрея Сергеевича», прикрыла рот ладонью.

Он как-то сообщил ей «плохие новости» и она как-то не заплакала.

— Как сказать ребенку? Леночка его так ждала, вы не представляете себе! — Наталья Максимовна сидела на диване противоестественно прямо. — Мы жили надеждой. И я и она. Хотя, конечно, у нас с Андреем был гражданский брак. Я искала его после войны, ребята-однополчане помогли, наконец...

Николай попросил разрешения закурить. «А может это и есть тот самый шанс начать нормальную семейную жизнь? — думал он. Как еще понять, что я могу вернуть все земное? Конечно, я бы хотел вернуть... Но если мне сейчас дан некий шанс, почему бы не попробовать». Та-

бак настроил на альтруизм, он ввинтил в пепельницу папиросу и произнес:

— А фотографии Андрея Сергеевича у вас есть?

— Только одна, мы ведь с Андреем на фронте познакомились, он тогда в разведгруппе служил... Если хотите, я принесу. Он там такой молодой, как вы, — она осеклась и замолчала. — Он сильно изменился, да? Замучили его, — заплакала она.

— Я тут подумал... Она не видела Андрея Сергеевича?

Наталья Максимовна покачала головой.

— Но я ей рассказывала, какой он красивый, смелый. Что он разведчик. Она и не знает, что он «врагом народа» был.

— Он им не был.

— Был, не был... Представляете, если об этом узнают в школе? Дети злые...

— Андрей Сергеевич перед смертью попросил позаботиться о его дочери. Я бы мог...

— Коля, вам сколько лет? — в ее голосе появилась отчаянная интонация.

— Мне двадцать шесть. Но вряд ли девятилетний ребенок поймет...

— Коля, вы очень хороший. Но эта затея, мне кажется, нелепой — имя, отчество, фамилия... Хотя вы и выглядите не на двадцать шесть, простите меня. Придется сказать правду. Только, пожалуйста, останьтесь, я сама не смогу сказать спокойно.

Николай Павлович Зеленцов выглядел человеком решительным с пронизательным взглядом зеленоватых глаз из-под темных бровей. Красиво очерченный рот оттенялся гладко выбритой просинью на лице, широкие

плечи дополняли особую красоту, потрясающую мужественностью.

— Наталья Максимовна, вы думаете, Лена с порога потребует мои документы?

— Н-н-ет, конечно, с порога нет. Ну, а дальше как? Коля, не выдумывайте!

— Решайте сами. Но я уже видел смерть от радости и не хочу, чтобы вы видели горе. Вы потом приготовите дочку, расскажете ей правду. Постепенно, понимаете?

— Понимаю, — ее растерянность была искренней. — Но как же так, пришел отец и сразу ушел? Я не понимаю...

— Ну, можно что-нибудь придумать, чтобы сгладить этот момент...

— Она должна прийти с минуты на минуту, что я могу вот так сразу придумать?.. Тогда может быть, я буду плохой женой, ну, неверной, вы меня понимаете?..

— Может и так, но Андрею Сергеевичу это вряд ли бы понравилось.

— Вот видите, ничего не получается из вашей идеи...

Взвыл звонок и в глазах Натальи Максимовны Александровой застыл ужас. Открывая дверь, она смотрела на Николая с немой просьбой: «Придумайте что-нибудь!»

Леночка сразу показалась Коле копией своего отца — рослая, стройная с открытым взглядом больших светлых глаз, даже форма головы была александровская. «Вот ему счастье-то как улыбнулось, — думал Колька, когда ребенок заинтересованно оглядывал его, — красавица-дочка!» В этот момент Леночка поры-

висто прижалась к нему и, одолевая детское стеснение, залепетала:

— Как я тебя ждала, папочка! Наконец-то ты пришел!

У Кольки сжалось сердце, мысли вихрем пронеслись в уме, ошарашенном детской непосредственностью. Чувство отцовства, о котором он не подозревал, захлестнуло разумные доводы, он обнял девочку и пробормотал невпопад:

— Все хорошо, Леночка.

Он в одночасье почувствовал глубокий смысл своей будущей жизни и уверенно добавил:

— Теперь у тебя будет все хорошо. Я постараюсь быть тебе хорошим отцом.

Наталья Максимовна стояла не шелохнувшись, не остановила его, не показала виду, что это не ее муж и не Леночкин отец.

Да и была ли в его словах ложь? Его фраза «Я постараюсь быть тебе хорошим отцом» — своеобразное признание в том, что он им никогда не был. Это уже часть правды. Он сказал правду: он постарается сделать жизнь Леночки хорошей, как если бы был ее отцом. Смысл его фразы был именно такой. Неважно, как сейчас понимает его девочка. Хотя конструкция предложения и скрыла истину.

Но что бы произошло, если бы он сказал, что он вообще не отец, а ее отец умер и похоронен где-то за оградой зэковского лагеря, практически в общей могиле? Эту правду знал только он, Зеленцов Николай Павлович. Да, он должен был повторить дочери то, что рассказал ее матери, что Андрей Сергеевич Александров никогда не придет и не приедет в свою семью, что он столько лет

волок на себе крест смерти, а умер от осознания продолжения собственного рода. Но как сказать этому ребенку, что ее отец хотел жить, но не выжил?

Колька знал, что это такое. Он нес ответственность за невозможность этой маленькой девочки иметь друга в лице отца, помощника. Может быть, даже иллюзию сплоченной семьи. Он сжимал хрупкое тельце Леночки, внутренне радуясь, что она назвала его папочкой. И если минуту назад он думал, что совет про командировку и сразу уйдет из этого дома, то от тепла ее доверчивости Колька уезжать не хотел.

«Нет, сегодня я скажу, что должен уехать за вещами. Но ненадолго. Потом как-нибудь она все узнает, а сейчас...», — они стояли обнявшись и мечтали каждый о своем. Наталья Максимовна отвернулась к окну, скрывая свои чувства, а Николай Павлович решил, что «Ростов — хороший город, почему бы и не остаться здесь».

— «Правдивый человек в конце концов убеждается в том, что он всегда лжет». Ты, я вижу, подобной духовной сущности не лишен. — Ходоров удивленно смотрел на Зеленцова.

— Почему это ты к такому выводу пришел? — Колька не слишком рьяно уворачивался от обвинений во лжи.

— Фридрих Ницше к такому выводу пришел, слышал о таком, тундра? — после того, как Колька отрицательно помотал головой, Михаил Акимович продолжил. — Потом ведь попросишь: «Мишка помоги, как мне те-

перь выкрутиться?!» Ну, вот скажи, зачем ты ребенка настроил на ожидание отца?

Колька знал, что будет лгать другу, но знал, что его желание быть для девочки отцом истинное:

— А что мне оставалось делать? Она мне на шею кинулась, а я должен был ее сразу опустить на землю и выложить всю правду?

— Это непорядочно! Не смог сразу, сказал бы после. Ты что, маленький? Не знаешь, как сказать, что нет человека в живых. Нет его, понимаешь? Или ты сам не понимаешь, что Александров умер?

— Она опередила меня. Она шокировала своей любовью. Она ведь и не знала его и никогда не видела, а он в ее памяти. И так он ей нужен! Это она лгала, а я только повторил ее ложь. Представь себе, как бы она меня возненавидела за правду?

— Вот в этом-то все дело, дорогой дружище! Ты захотел стать отцом! Теперь я понимаю, чего ты туда один, без меня, потащился: ты продумал это заранее.

— Ну, ты же на завод в ночную смену пошел!

— А тебя именно в этот момент и приперло посмотреть, как люди устроились. Захотелось в семью сходить?

— Да, захотелось. Ну, а чего тянуть, уже месяц прошел, а люди не знают, как умер их родной человек. А ты бы...

— Да, черт его знает, как бы я... Может, ты и прав.

— Не ожидал я такого поворота, понимаешь?

— От себя?

— Да, от себя. — Вскрикнул Колька. — Сейчас, я, возможно, сделал бы все по-другому. У меня тоже душа не на месте.

— Не ври хоть сам себе! Как нам теперь всю эту кашу расхлебывать?

— Поможешь, если что?

— Если что? Если надо документы твои поменять? Или что?

— Зачем документы? Я не буду ничего менять. Ну, может, подтвердить, что Андрей Сергеевич попросил меня заменить Леночке отца...

— А ты сам-то думаешь, что Александров на это когда-нибудь пошел бы?

— Да что ты, в самом деле, меня отчитываешь? Пошел, не пошел. Откуда мне знать, на что бы он пошел, если бы, допустим, знал, что тяжело болен и не вернется домой? А может быть, он был бы рад, что мы не оставляем его семью?

— «Мы»?

— Да, мы. Ты ведь тоже не против помочь Наталье Максимовне?

— Слушай, парень, а ты где собираешься жить? — неожиданно жестко посмотрел на Кольку Михаил.

— Я собираюсь жить в этой квартире, рядом с тобой. Пока! черт бы тебя побрал! Я ни к кому в дом не лезу! Ребенку я собираюсь сказать, что у нас с ее матерью не складываются отношения, но дочь для меня — это другое дело. А через некоторое время, когда ребенок привыкнет с мыслью, что я забочусь о ней, я расскажу ей правду о том, что ее настоящий отец попросил меня заботиться о ней после его смерти. Вот и все. И чего ты так разорался, не пойму?

— Ну, и нагородил ты, Колька. Даже не знаю, что тебе сказать.

— Лучше обещай, что поможешь!

— Обещаю только при условии, что вы с Натальей Максимовной расскажете девочке правду. Кстати, я не понимаю, почему она молча стояла и не сказала, что ты ей и Леночке чужой человек?

— Знаешь, видимо бывают ситуации, когда поступить правильно невозможно. Как ни поступишь, все равно окажется, что кто-то неправ.

— Увлекательная софистика!

Так бывает, что от жизни ждешь простых удовольствий, а получаешь какой-то усложненный вариант. История с Леночкой Александровой требовала только: а) отсроченной правды и б) усиленного внимания к семье (возможно недолгого, пока боль остра). Надо сказать, что никто и никогда не осудил бы Зеленцова за то, что он не выполнил моральных обязательств ни по пункту «а», ни по пункту «б». И дело не в том, что люди аморальны. Жизнь такова, что когда одни уходят из нее, другие меняют окружение и живут новыми проблемами. Ну, разве кто-то осуждает нас за то, что мы не забираем детей из детских домов? Разве кто-то склоняет нас к такому самопожертвованию?

Выбор Николая Павловича вышел за рамки моральных обязательств. Он пообещал стать хорошим отцом и очень старался быть таковым. Что являлось источником его уверенности в том, что он поступает правильно, кто знает?

Леночка, узнав от матери, что «это было недоразумение и Николай Павлович — не отец, а друг ее отца, а

отца больше нет на белом свете», не поверила Наталье Максимовне. По крайней мере, прибегав к нему в гости, она, как и тогда, порывисто обняла его и нервно спросила:

— Скажи мне, ты ведь не уйдешь от меня?

— Куда мне от тебя деться, котенок!

— Мама сказала, что ты не мой отец, а я хочу, чтобы ты им был!

— Ну, раз ты так хочешь...

Эту сцену невольно наблюдал Ходоров. Как многое зависит от точки зрения наблюдателя, Николай понял в тот момент, когда Михаил произнес:

— И папа твой, Андрей Сергеевич, тоже хотел бы этого от своего друга Николая Павловича.

Девочка подняла глаза на Ходорова, как показалось Николаю, доверчиво и благодарно, а потом восхищенно произнесла:

— Мне нравится твое имя! Вот увидишь, я буду самой хорошей дочерью для тебя!

Друзья, обмениваясь впечатлениями после ее ухода, удивлялись, что Леночка не впала в отчаяние от услышанной новости, не обижалась на обман взрослых, она по-женски быстро определила значимость для себя Николая Павловича и показала свою.

— Интересно, а она еще верит в Деда Мороза? — о чем-то своем думал Николай.

— Верит, наверное, раз выбрала тебя отцом, — отозвался Михаил.

Новогоднюю ночь 1953 года Леночка отмечала с Зеленцовым и Ходоровым. Накануне Наталья Максимовна сообщила ей о том, что выходит замуж за некоего Виктора Васильевича и «теперь у нее будет самый настоящий отец».

— Я не хочу видеть этого старикана, — сокрушалась за столом Леночка, передавая разговор с матерью.

— Может быть он хороший человек, зачем ты так? Он, наверное, воевал? — пытался урезонить ее Николай Павлович.

— Полковник в отставке. У этого хорошего человека очень нехорошее желание воспитывать меня. Скучно с ним! Сначала говорит: «Давайте пойдем в ресторацию... Нет, это очень дорого. Давайте, лучше пригласим гостей к себе». А потом спрашивает: «Девочки, а что бы вы хотели?»

— А что, Коля, такое бывает: одних ждешь, когда придут, а других, когда уйдут, — колко сострил Ходоров.

— Вот его жена, наверное, рада, что он к нам перебрался! — подхватила Леночка.

— Давайте к празднику готовиться, что ли! До Нового года три часа. Скоро ребята придут, — поднялся из-за стола Николай.

— Это ваши друзья, они тоже были на фронте? — тон вопроса говорил о том, что девочка не знает подробностей их прошлого.

— Да, конечно, — уверенно произнес Ходоров. Улучшив момент, Зеленцов его ехидно спросил:

— Что ж ты ей правду не сказал? Это ведь непорядочно!

— А тебе в НКВД справку выдали о том, что ты был в концлагере? — прошипел Михаил. — Нет! Значит, и ей не надо знать, что мы там были.

— Мы что, преступники, прятаться? А вдруг кто-нибудь из наших проговорится?

— Может Костя еще на грудь свою метку «Флуг-пункт»²⁰ сегодня прицепит?

— Ну, мало ли, что может быть!

— Не бойся, они ведь тоже, кто с женой, кто с мужем. Но я всех потихоньку предупрежу. Ты про подарок «от Деда Мороза» не забыл, папаша?

— Не забыл.

— Что дарим?

— Пусть она тебе утром покажет.

— А подарки «у Деда Мороза» не повторяются?

— Ну, ты и ехидна!

Предновогоднее состояние взяло верх, и праздник получился веселый, как счастливый новогодний сон.

А наутро выпал долгожданный снег. Крупные хлопья падали на землю, покрывая жизнь старого года чистым белым полотном. Тишина за окном казалась волшебной, и даже вековые стены построек старого центра теперь невозможно было узнать. Стало холоднее, но ледяная неуютность исчезла. Претензии цветочных барельефов, окружающие открытый балкон дома напротив, дополняли мистерию снежного праздника, и тайная жизнь этого дома уже виделась куда драматичнее: строгая

²⁰ "Стрелять без предупреждения".

симметрия скульптур звала к ритуализированному поведению и вносила романтику в повседневность.

Ходоров стоял у окна и любовался снежной фантазмагорией, когда Николай поманил его рукой в соседнюю комнату.

— Она еще спит? — тут же поинтересовался Михаил.

— Спит. Посмотри, какая прелесть! — прошептал Николай.

— Ты подарок ей под подушку положил?

— Тсс, — нетерпеливо одернул друга Николай и жестом показал на спинку кровати.

— И я свой туда же повешу.

Они ждали восторга и получили его, как только девочка проснулась:

— Как здорово! — завизжала Леночка, она в одной рубашечке выскочила в зал и бросилась на шею Николаю. — Спасибо, спасибо, спасибо!.. Дядя Миша, я тебя тоже люблю. Спасибо тебе за куклу!

— Так это ж от Деда Мороза...

— Дядя Миша, как не стыдно говорить ребенку глупости!

— А с чего ты взяла, что кукла — это мой подарок, а не дяди Коли, например?

— Как с чего? Ну, сам подумай, кто может подарить сапожки зимние, чтоб ноги не мерзли? Конечно, папа. Значит, кукла от тебя, дядя Миша.

Послевоенный городской парк культуры и отдыха имени Максима Горького недолго лежал в руинах. Расположенный в самой людной части города, он и сейчас всегда заполнен посетителями. И зимой, когда облысевшие деревья накрылись причудливыми снеговыми шапками и дремали, утомленные навалившимся на них

бременем, здесь галдели раскрасневшиеся ребяташки с салазками. Одежда от налипшего снега обрастала ледяными сосульками и превращала их в веселых гномов. В выходной послепраздничный день центральная аллея шумно и весело вела к арочному входу-выходу, монументальная стоечно-балочная конструкция которого, по-сталински прямоугольная и помпезная, с двух сторон поддерживалась вертикальными тополями в богатых белых шубах. Веселая девчушка-хохотушка, подпрыгивая между двух осанистых мужчин, щебетала:

— Мы ведь только навестим маму, и сразу домой, да?

— Посмотрим, — отвечал один из них.

— Вот дела, — откликнулся второй.

Леночка загрустила, когда на Большой Садовой показался ажурный двухэтажный дом с изящной башенкой над главным входом. Не доходя до этой эклектики девятнадцатого века, они свернули направо по Халтуринскому переулку и пришли аккуратно в два часа пополудни. Обеденное время сопровождалось вкусными запахами на лестничном марше и голосами проснувшихся ростовчан. На последней ступеньке третьего этажа сидел пожилой человек в армейских галифе и майке и начищал сапоги. Его лицо выражало крайнюю расстроенность.

— Старик, ты чего тут грустишь? — бодро спросил Ходоров.

— Дядя Миша, это Виктор Васильевич! — робко уточнила Леночка.

Старик, не обращая внимания на присутствующих, глухо справился у девочки:

— Отпраздновала Новый год?

Ходоров заторопился извиниться за бестактность:

— Простите мне мою глупость!

— Да нет, глупость совершил я, когда ушел от жены. Но уже дело сделано. — Он поднялся, и пропустил гостей в дверь. Навстречу вышла заплаканная Наталья Максимовна и обняла Леночку.

— Спасибо вам, что забрали ребенка на праздник, — рукой она прикрывала синяк под глазом.

— Мапочка, ты упала, ты ушиблась? Мама, почему ты плачешь?

— Что у вас тут стряслось? — догадливо вздохнул Николай.

— А ты к нам в душу не лезь! — уверенным жестом показал свои права «хозяин» квартиры. — Фингал, конечно, уменьшает ей обзор, зато опыт увеличивает.

— Мапочка, выгони ты этого старого гада! — Леночка хлестнула полковника рукой по животу. Он схватил ее за руку и откинул к матери. Мать прикрыла на своем животе ее головку.

— Папочка, дядя Миша, дайте ему, как следует! — девочка вырвалась из рук матери и готова была опять броситься с кулаками на Виктора Васильевича.

— Ты что это, тварь, безобразничаешь! — У Виктора Васильевича заходили желваки. — Да я ж тебя одним ударом на тот свет отправлю!

Николай крепко схватил новоявленного отца за запястья и готов был ударить спиной об стену.

— Не надо, Коля, не надо, — неожиданно вступилась за мужа жена. — Мы сами разберемся. Вам лучше уйти.

— Так вот каких хахалей ты сюда таскала! — рассвирепел бывший полковник, сопротивляясь хватке Зеленцова. — Я эту шайку!..

Наталя Максимовна вцепилась в него и раболепно залепетала:

— Витюшенька, успокойся, это же чужие люди. Я их не знаю, Витюшенька.

— Я не хочу здесь жить, — девочка жалобно пропищала и ухватила за рукав Николая. — Папочка, забери меня отсюда, пожалуйста.

— Попробуй только, — рычал старикан.

— Конечно, попробуем, — решительно толкнул его Зеленцов. — Нам терять нечего. — Волчий взгляд его в этот момент был холоден и непреклонен. Он схватил девочку в охапку и вышел за дверь.

Ходоров поддержал его настрой:

— Девочка не будет здесь находиться, пока у вас такой бардак, — фраза прозвучала как ультиматум. Но мать, видимо, приняла решение, она опять припала к новоявленному мужу и начала его уговаривать:

— Витюша, пусть они идут. Потом мы все решим, Витюша...

Дверь захлопнулась, и все трое молча двинулись во-сво-сяси.

— Одиночество — это не сахар, Коля. Для меня оно, может, и было бы радостью, но для женщин, сам знаешь, — так начал свое информационное сообщение Ходоров Михаил Акимович. — В общем я буду жить с

Шурой Летниковой. Она крулечка²¹ и никогда меня, как мужика, не оскорбит...

— Не оправдывайся, брат. Я рад за тебя! Свадьбу гулять будем или как?

— Что значит “или как”? Конечно, будем! Мы в ЗАГСе записались в очередь — через три дня.

Ходоров освободил свою комнату, и ее заняла Леночка.

Нравственное решение Зеленцова не опровергалось родной матерью Леночки и, в конечном счете, оправдалось. Наталья Максимовна поначалу постоянно приходила к дочери в гости веселая и ласковая, приносила конфеты и пирожки. Потом ее визиты обрели вязко-сентиментальный характер, переходящий в слезные истерики, «что она не может так жить». При этом Леночку она с собой не забирала, откладывая на потом. А через год лицо ее уже стало откровенно выражать следы запоя и побоев. Николай Павлович пригрозил ей комиссией об опеке, но дело решилось само собой, когда она неожиданно скончалась в больнице. С 1954 года Зеленцов Н.П. официально являлся опекуном одиннадцатилетней Александровой Е.А.

Никто не требовал от него, чтобы он перестроил свою жизнь на такой длительный срок. Комбинация из неумышленной ошибки матери и невезения в целом привела к последствиям, от которых, как он считал, нельзя было уйти.

— Ты отдаешь себе отчет, насколько ответственно удочерение ребенка? — спрашивал его Ходоров.

²¹ Подопытная в концлагере.

— Точно так же ответственно, как и сдать дочь нашего друга жить в детский дом, — парировал Зеленцов.

В мирное время люди опять лелеяли надежды на красивую жизнь. Весной, когда расцветали кусты шиповника и жасмина, когда дурманила черемуха и каштаны держали на своих лапах нарядные свечи, город оживал. В городских парках играли духовые оркестры, скворчали детские карусели, открывались бассейны с плавающими лебедями, возобновлялись концерты художественной самодеятельности и выставки картин, а по вечерам зажигались огни танцплощадок. Творческая жизнь кипела, она обнаружила множество талантливых поэтов, музыкантов, художников. В полную силу заработали клубы и творческие кружки. Ростов-на-Дону пел, плясал, играл жизнерадостными красками юмора, сатиры, романтики и любви, веселясь и наслаждаясь праздником жизни.

В доме Зеленцова тоже все шло совсем неплохо. Николай Павлович работал и зарабатывал, Леночка училась в школе и получала неплохие отметки. Их жилье — в самом центре города. И хорошо, что рядом с домом, на углу — гастрономчик, он тоже доставлял маленькие радости. Николай Павлович мог послать туда Леночку за продуктами, выдавая ей сверху рубль десять на сто граммов «Кара-Кума» или «Белочки».

Однажды он принес фильмоскоп и какой-то диафильм, сделанный по мотивам восточной сказки. Они

сидели в темной комнате и смотрели на белую простынь экрана, где цветные картинки менялись одна за другой. Сначала заболела принцесса, ее никто не может вылечить. Но вот она поднялась и вышла на веранду. Она видит, как молодой бедный парень после работы жует черный хлеб с солью. Соль на хлебе лежит белой пирамидкой. Она хочет есть вместе с ним. Он приходит к ней и угощает ее хлебом. Она выздоравливает и они счастливы вместе. Детская сказка, но для Леночки весь мир сворачивался до величины комнаты под волшебным светом старого проекционного устройства.

Леночка всей душой полюбила кино и по вечерам они с Николаем Павловичем стали частенько бегать в кинотеатр «Буревестник», а потом и в театр Музыкальной комедии. Под впечатлением кино и оперетт они мечтали — он о прочности настоящего, она о фееричности будущего. Веселая Леночка забавляла Зеленцова своими непосредственными комментариями «на ушко» и щебетом звонкого голоса.

Чудесная загадочная страна-театр! Кто не мечтает поселиться в справедливо-добром царстве навечно, рядом с умелыми и бесстрашными героями и с кукольно-прекрасными героинями! Нереальность «того» мира поглотила все внимание Леночки. Ей казалось, что если она окажется на экране или на сцене, то все ее будут считать лучшей из лучших. Николай Павлович был намного осторожнее в оценках такой перспективы, понимая однако, что девочка не должна испытывать чувство неполноценности. «Пусть лучше мечтает о кино, чем кому-то завидует», — рассудил он.

— Папочка, я сегодня солировала, — затрещала Леночка о своем успехе в школьном хоре. — Учительница

пения меня похвалила и сказала, что в этой песне теперь буду солировать я, а не Пронченко.

— В какой песне? — несколько отстраненно поинтересовался Николай Павлович.

Вместо ответа Леночка напела: «Белеет парус одино-о-о-кий в тумане мо-о-ря голубом...».

Знакомый ему с детства мотив прозвучал знаменем, что жизнь, действительно, возвращает его лучшие минуты и эпизоды. Он вспомнил, как именно этот мотив любила напевать мать, растрогался, а потом восторженно произнес:

— Это не просто песня, а очень красивый романс!

Тогда он еще не подозревал, что этот вожаденно белеющий парус неожиданно приведет душу его воспитанницы к половодью женских чувств.

На Ростовской обувной фабрике имени Микояна за пять лет Зеленцов дослужился до начальника цеха. Кто-то за его спиной говорил, что присяга на верность директору помогла ему прийти к такой должности. Но это от зависти. При оформлении на работу, после распросов, где родился, где жил, за что сидел, директор поинтересовался:

— Ты хоть раз видел обувной цех?

— Обувную мастерскую видел и даже несколько пар сапог сшил.

— Да ну! А носились долго, как думаешь?

— За клееную обувку в деревне отходили бы дубиной.

«Неплохой парень», — констатировала житейская прозорливость руководителя. Он выпрямился в кресле и положил документы Зеленцова на край стола:

— Вот и нам надо шить только ликвидную, значит, пользующуюся спросом у покупателей, обувь. Пойдешь шить мужские туфли и смотри, чтобы твоя продукция на складе не валялась. Будешь план давать — будешь и деньги зарабатывать хорошие. Понял?

Николай кивнул, пообещал директору, что не подведет его и будет работать на совесть, развернулся по-армейски на каблуках и пошел устраиваться в цех.

Цех был прост. Тотальная «любовь к ближним» Зеленцову не удавалась и была безответна, хотя он на нее и не рассчитывал. Одним он сразу сказал «ты», других считал подонками, с третьими ни дружеские, ни вражеские отношения не получались. Если, конечно, старший по возрасту выбирал с Николаем доверительную форму общения, то он принимал ее, но до той поры, пока не чувствовал хамства или превосходства.

От зари до зари в его цехе шла интенсивная деятельность, но рабочие цеха мыслили на разных скоростях. Сменный мастер Зеленцов гонял своих подопечных, как сидоровых коз, заставляя работать много и честно. Кто уважал его за это, кто вслед крутил у виска, кто смеялся над его житейской нерасторопностью. Но Зеленцов старался сдержанно воспринимать крестный путь на-смешек и отвечал просто: «Я ортопеды делать не буду». Ругался с руководством. Говорил: «У нас с семнадцатого года людей на производстве нет — есть трудовые ресурсы. А человек не станок, он тогда будет работать

хорошо, когда почувствует, что делает Дело, а не план». Лишался премий. Выступал на общем собрании коллектива с предложением изменить алгоритм прибавок, дескать, как бы мы не ратовали за общенациональные интересы, а принцип «все отдай, а потом мы тебе десять процентов выделим» нас не устраивает. Работавший человек должен получать столько, сколько он зарабатывает, а не среднюю заработную плату.

Ухитрившись, на фабрике можно было бы получать хорошие деньги. Например, опытный закройщик мог мастерски экономить кожи, из которых потом шили несколько пар хорошей обуви, и люди, почувствовавшие, что возможен и левый заработок, клепали туфли по красивым западным моделям. Зеленцов понимал, что на эту обувь, сшитую подпольным методом, приватные, «левые», заказы были всегда и деньги они приносили немалые. Но зачем людей ставить в ситуацию, когда они должны ловчить? Или одни должны работать в рамках государственного производства, а другие этими рамками пренебрегать? Только жутко свободной казалась эта мысль для нашей страны, народ ждал «твердой руки».

— Папочка, почему тебе нравится шить обувь? — спрашивала Николая Павловича Леночка. — Это так прозаично. Вот Михаил Акимович — преподаватель философии, с ним в городе все здороваются. Он хорошо одевается.

— Не знаю, Лена. Я занимаюсь тем, что умею делать хорошо. Работаю с людьми, живущими обычной жизнью, и не могу назвать их плохими. Мне не нужно

подстраиваться, они такие же, как и я, — сказал он, а про себя подумал: «А если есть силы работать и зарабатывать, почему и правда не брать заказы? Одеваться, видать, надо получше...»

Именно тогда, в конце пятидесятых, начала проникать идея кооператива как альтернатива жесткой государственной структуре, причем еще раньше воспетая ни кем-нибудь, а Карлом Марксом. Некого винить в том, что люди, наконец, вчитались в «Теорию прибавочной стоимости» и преуспели в использовании исторического материала! Сначала, в пике государственной, появились фабрики по ремонту обуви — бытовки, которые отчитывались не по валу, а в рублях. Но когда хорошие мастера потянулись туда за заработками, удалось развернуть руководство к более лояльному решению в пользу тех, кто работал в легпроме.

В конце концов, начальник цеха Николпалыч дисциплину навел и его подопечные работали по принципу «сдал план — и работай на себя». Он по-прежнему не вождедел «нечестного злата и булата» и предпочитал «твердый», по его разумению, заработок, но теперь стал считаться человеком уважаемым и удачливым «по Провидению».

Леночка подрастала и одна только школа не удовлетворяла ее честолюбивых интересов. Она записалась сначала в библиотеку, а потом в вокальный кружок Дома учителя, что находился почти на углу Большой Садовой и переулка Газетного. Ходить на вечерние за-

нения кружка из дома ей было недалеко, поэтому Николай Павлович не беспокоился за нее.

Концертный зал Дома учителя вмещал сотню с небольшим зрителей, а желающих побывать на хороших бесплатных концертах было значительно больше, поэтому афиши приглашали на один и тот же концерт дважды и трижды.

— Папочка, я сегодня так хорошо пела на концерте!

— Это ты так считаешь? — Николай Павлович снисходительно улыбнулся.

— Нет, конечно. Это считает мой педагог. Приходи завтра на концерт, сам убедишься. Мне так хлопали зрители! — Леночка зажмурилась от удовольствия.

Сюрпризом для Зеленцова стала беседа с Леночкиным педагогом по вокалу.

— Анна Моисеевна Герб, — маленького роста рыжеволосая женщина протянула Николаю Павловичу свою руку.

Она сообщила Зеленцову о том, что Леночка хорошо справляется с программой и превосходно выступила на концерте. Он не сразу понял, что между педагогом и ученицей установлен отличный психологический контакт.

— У вас замечательная воспитанница, и ей просто необходимо продолжать заниматься вокалом, — продолжала Анна Моисеевна.

Тут Зеленцов напрягся и в его голове пронеслось: «Она уже успела рассказать, что воспитанница», но он сдержал улыбку:

— Вы думаете, она сможет петь в театре?

— В нашем? — скривилась педагогиня. — Если она получит хорошее вокальное образование, она будет петь в столичном театре!

Зеленцову льстила такая перспектива его воспитанницы, и в ходе беседы он высказал мысль о том, что согласен оплачивать дополнительные уроки по вокалу.

— Я понимаю, но вы должны знать, что я могу только подготовить к консерватории. А консерватории в нашем городе нет. Ей обязательно придется ехать учиться.

— Как?! Разве обязательно получать высшее образование, неужели не достаточно училища искусств?

— Для вашей девочки — нет. У нее очень хороший материал!

Раздражение против этой «всезнающей» женщины накапливалось у Зеленцова ни один год. Но он никак не мог переубедить Леночку в том, что ей лучше остаться в родном городе и найти себе «более серьезную» профессию по душе.

Леночка устраивала истерики и все чаще требовала у него деньги на модные вещи. Собственнические интересы его юной воспитанницы распространялись и на его личную жизнь. Отлучки из дома она фиксировала болезненно ревниво: «Ты где был? Почему не пришел?» Он ничего не отвечал. Приходя домой, выслушивал выговор за позднее возвращение, в полузабытии валился в кровать и тут же засыпал. Николая Павловича спасала работа. Он поднимался утром раньше обычного. Машинально приводил себя в рабочее состояние и торопился выйти на улицу.

Он вспомнил случай, который произошел поздней весной, когда акации наполняют ровеский воздух пьянящим ароматом.

Тогда он задержался в цехе и вышел покурить. К нему подошла закройщица Ольга. Она считалась самой красивой женщиной, с ней приятно было показаться на людях.

— Дай прикурить...

Закурила, стряхнула пепел на пол, а потом приблизилась вплотную. Ее теплая ладонь забралась к нему под рубашку и ласково погладила плечо. Запах, исходящий от нее, был приятен, и ее полная грудь, обтянутая тонкой тканью платья, казалась очень мягкой и притягательной.

Он не знал, что делать и отодвинулся.

— Знаешь, я просто дура, что тянусь к тебе. Но ничего не могу с собой поделать...

— Ты хочешь жить со мной? — услышал он свой голос.

— Конечно, хочу...

Она обняла его и поцеловала в грудь.

— Подходящее место для таких разговоров, правда?

— Зато сейчас мы здесь одни. Да чего ты боишься? Сколько можно жить одними заботами, без всякой радости. Мы ведь с тобой не такие молоденькие. У меня сын уже вырос.

— Брось, не надо.

— Ты мне так нравишься! Ты не думай, если бы ты был женат, я бы к тебе не набивалась.

— Выяснила?

— В личном деле посмотрела.

— В личном деле не написано, что я совсем не тот, каким ты меня знаешь.

Она задумалась. Докурила сигарету, ткнула окурок в дежурную пепельницу на подоконнике.

— Я про тебя много чего знаю. И вот видишь — все-таки влюбилась.

Она взяла его руку, и ее пальцы закружили по ладони, а потом подняла на него глаза, полные слез. Всклинула. Он достал из кармана чистый платок, подай ей:

— Ты очень красивая, Оленька! — он прижал ее к себе.

Ольга заплакала сильнее и все качала головой, недоумевая, что же это она так плачет. Она плакала и смеялась.

А потом они медленно побрели к нему домой.

Рано утром Леночка разбудила их громким окриком:

— Ба-а-а! А это еще кто?

Цинично постояла в дверях и выскочила на улицу. Домой она не возвращалась два дня. Они искали ее вместе с Ольгой, но Леночка вернулась сама, не объясняя, где была и что делала.

Ходоров, который вместе с женой участвовал в поисках, предупредил Николая:

— Это ревность и с ней надо быть осторожнее, чтобы не довести человека до отчаянного шага.

— Она получает все, что ей вздумается. Я не собираюсь ее ограничивать, если женюсь. И она об этом знает.

— Я не думаю, что дело в деньгах или покупках. Мне кажется, что она уже смотрит на тебя не как на родителя, а как на мужчину.

— Ты с ума сошел! Она ребенок. И я отношусь к ней, как к ребенку.

— Ты — да, а она — нет. Она, скорее всего, наделила тебя такими качествами, какими ты никогда не обладал, и влюбилась. Она ведь знает, что ты ей не родной отец.

— Но называет она меня «папочкой»...

— Ты знаешь, Коля, я заметил по своим студентам, что они своих родных отцов называют «папа» и «отец»... Редко так сладко — «папочка». Ты подумай об этом.

— Нечего мне об этом думать. Я хочу на Ольге жениться.

— Может лучше пока отложить? Помнишь, как она в детстве реагировала на замужество матери. И сейчас она запросто что-нибудь может выкинуть.

— Да что же мне теперь всю жизнь ждать, когда она вырастет и начнет соображать?! — воскликнул Зеленцов, ошарашенный болезненным открытием.

Через месяц Зеленцов узнал, что у Ольги появился ухажер. Он подошел к открытому окну курилки, сделал глубокий вдох. В голове стучало, и этот стук заглушил грохот бегущего по рельсам трамвая. «Ольга могла быть моей, — твердил он себе. — Могла быть моей Ольга... Мягкая и покорная. Бархатная, молочно-белая, ласковая, шелковая Ольга...»

Леночке исполнилось семнадцать лет. Николай Павлович понимал, что она будет определяться в жизни по своему усмотрению и наущению своей компетентной

наставницы, которая говорила, что лучшей школы вокалистов, чем ленинградская, в стране нет. А это означает, что через год, после окончания школы, Елена уедет. И на этом его программа воспитания будет выполнена полностью.

Когда-то он очень хотел уехать вместе с ней в свой родной Ленинград, но его до сих пор не реабилитировали²².

«Мне тридцать пять лет, все только устроилось и стоит ли это ломать?», — уговаривал он себя и строго придерживался выработанного концепта.

Ужасы фашистских концлагерей уже показывали в кино. Но в фильмах отсутствовали эпизоды с русскими пленниками, то есть в нашей стране они, по-прежнему, считались изменниками Родины. Поэтому его присутствие в Ленинграде рядом с этой девочкой могло навредить, а не помочь ей.

По этой же причине он не навещал могилы своих родных в Вологодской области. Но в этом случае он сам так себя убедил. Он боялся встретить ту, которую любил в то давнее, какое-то доисторическое время, и увидеть ее благополучную семью, детей, мужа. Возвращения в прошлое, думал он, опасны разочарованиями.

Никто не интересовался его прошлым, никто его не разыскивал, никто не искал с ним сближения. Даже Леночка узнала о Заксенхаузене только в этом году. И то потому, что услышала о военнопленных в школе с комментариями что-то вроде: «Всех их надо было сразу в

²² После освобождения из лагеря заключенные не имели права поселиться ближе, чем в 100 км от крупных городов. Реабилитация лиц, незаконно осужденных, и возвращение им их прав завершились в 1994 году.

Сибирь отправлять». Примерно с таким суждением она и явилась домой, и уж от нее Николай Павлович терпеть этого не стал, а выложил все, как есть — и про отца, и про себя, и про Ходорова, и про всех тех, кто приходил к ним по праздникам.

Урок был суров и важен, но имел отдаленные последствия. Вместо того чтобы проявить сострадание к своему нареченному отцу, Елена замкнулась в себе.

«Может быть, я не нашел нужные слова, — мучился вопросом Николай, — я был прямолинеен и груб». Но ведь это и есть истина: бескомпромиссна и точна, она не утверждает, что выгодно ей.

— У тебя трафаретное понимание жизни, — сказал он ей в период охлаждения их отношений.

— У меня такое, как у всех, а вот у тебя, папочка...

— Надо уметь смотреть на мир глазами другого человека, уметь войти в его положение. Да и потом, если ты хочешь стать настоящей женщиной, ты не должна быть такой, как все!

— А ты настоящий? — усмехнулась она в ответ.

Ему казалось, она перестала смотреть на него, как на божество, равных которому нет. Но прошла мучительная для нее переоценка, и он нашел на столе ее письмо и новогоднюю открытку:

Мой самый любимый человек!

Прости меня за те обиды, которыми я испортила тебе жизнь!

Сейчас я поняла, как мне плохо без тебя! Я очень переживаю за свои поступки и мечтаю о том, чтобы

твой взгляд стал по-прежнему ласковым и нежным. Не сердись на меня! Раньше в моей жизни не было ожидания радости. Я всегда ждала, что случится что-нибудь ужасное, а когда появился ты, все изменилось. Теперь я живу маленькими удовольствиями — ждать тебя с работы, видеть, как тыходишь к дому, радоваться твоему звонку в дверь, сидеть с тобой за столом, слушать твой голос. Со мной всегда удивительная нежность оттого, что я знаю — я тебя люблю.

Я очень благодарна тебе за то, как ты относишься ко мне. Ты самый добрый! Я не забуду, как ты носил меня на руках, когда я сломала ногу и попала в больницу. Ты сидел со мной всю ночь, чтобы я не чувствовала беспокойства. Ты ходил ко мне со свертками и старался угостить чем-то особенным. Все девочки в палате завидовали мне и я с гордостью рассказывала им о тебе. Для меня это были праздничные дни.

Ты самый красивый мужчина на свете и как никто другой заслуживаешь счастья! Мне горько видеть, как тебе не везет в выборе женщин, как рядом с тобой оказываются непривлекательные и неискренние хищницы. Они, наверное, тоже понимают, что недостойны тебя, поэтому быстро исчезают с горизонта. Я знаю, что никто из них не любит тебя, но они лживо улыбаются и льстят тебе, чтобы только поскорее выйти замуж.

Я люблю тебя таким, какой ты есть. Ты бываешь уставшим и резким, я чувствую это и стараюсь не тревожить тебя вопросами. Ты забываешь, что мне иногда нужна поддержка, чтобы чувствовать себя привлекательной женщиной, а я вижу в этом твою расположенность к моим недостаткам. Мне нравится твоя

неразговорчивость, твоя верность друзьям, твоя щедрость.

Я гжущу, что ты смотришь на меня, как на ребенка. Благодаря твоей заботе, я выросла и стала взрослой. И сейчас я люблю тебя еще больше. Я буду ждать, пока ты поймешь это и поверишь, что самый родной человек — всегда рядом.

Проблема, стоящая у порога 1962 года, сле-
зами и перемириями, в общем-то, решилась.
Удалось избежать и излишней патетики. Но,
перехватив как-то грустный взгляд Леночки,
Николай Павлович понял, что она плевать хотела на
только что установленное и обеими сторонами одоб-
ренное табу. Его кукла выросла, его роль отца сыграна.

Глава 4. «Бывает порой, что и одна туча закрывает солнце»

*Носите бремена друг друга.
Гал. 16, 2*

1962 год ознаменовался двумя важными событиями в жизни Николая Павловича Зеленцова.

Во-первых, спустя семнадцать лет после войны, страна увидела правду о Бухенвальде, талантливо переданную телеведущим московского телевидения Сергеем Смирновым. Люди слышали о героизме бывших узников и других фашистских концлагерей и признали их равноправными участниками Великой Отечественной войны. Для Николая Павловича и его друзей это был своеобразный выход из подполья.

Во-вторых, Леночка поступила на подготовительное отделение вокального факультета Ленинградской консерватории имени Собинова. В Ленинград Николай Павлович отвез ее сам.

С чувством тревоги и ностальгии он ехал на трамвае через мост Лейтенанта Шмидта, бывший Николаевский: «Да, его старожилы так и называли, невзирая на после-революционное переименование». Он бродил по Уни-

верситетской набережной и примыкающим к ней улицам, любясь на сохранившие архитектурную гордость постройки. «Какой красивый город!», — улыбался он Кунсткамере и Университету. Сторожевые львы с шармами, казалось, приветливо подмигивали, узнавая его. Он прошел в те самые ворота, которые вели в его бывший двор. Время пощадило их. Он увидел окошечки своей квартиры, зашторенные чьими-то занавесками, сел на лавку напротив и, думая, что сейчас кто-то выглянет в окно, вспомнил книжку, которую читала ему мать:

*...Пожалели дети Бармалея,
Крокодилу дети говорят:
«Если он и вправду сделался добрее,
Отпусти его, пожалуйста, назад!
Мы возьмем с собою Бармалея,
Увезем в далекий Ленинград!»*

Детство всплыло в памяти картинкой в теплых тонах, как на конфетной коробке. «Тогда я верил, что подбредший Бармалей живет на Петроградской стороне, на улице Бармалеевой²³», — улыбнулся Николай Павлович.

Ему не захотелось задерживаться здесь надолго, а потому он быстро вышел и заглянул в соседний двор, в котором они с пацанами впервые попробовали курить. Едкий дух памяти воскресил счастливые и несчастные минуты его детства. «Эх, — думал Зеленцов, — как жаль, что нельзя вернуться туда хотя бы на денек!» Тоска сжимала сердце, видя изменения облика его родины обетованной: «Дома, увешанные обрыдлыми партийными лозунгами. Нет тех стариков-ленинградцев, спокой-

²³ К.И. Чуковский дал имя разбойнику по названию улицы Бармалеева на Петроградской стороне.

но созерцающих по сторонам... Незнакомые лица и люди». Он всматривался в прохожих, вдруг припоминая, что раньше в Ленинграде тоже можно было встретить голодающих и мешочников, но они не выделялись, как сейчас: «Пришлая толпа шастает по хреновым забегаловкам. Это не тот Ленинград, в котором родился я».

В магазине на Большом проспекте он купил аккуратные женские часики на узеньком лаковом ремешке, которые в ярко-красном футляре вручил своей воспитаннице:

— Вот тебе от меня подарок, Леночка. Помни, что самое дорогое у человека — это время. Здоровье, богатство, любовь, то, что обычно желают друг другу по праздникам, — все это эфемерно своей независимостью от нас и может исчезнуть раз и навсегда. А лучшие минуты и часы всегда останутся вместе с тобой. Люби свое время, никогда не ругай его, наслаждайся им и знай, что мы в ответе за то, как используем его!

— Ах, папочка, как жалко, что ты не можешь жить здесь, в своей прежней квартире, а я не могу быть рядом с тобой!.. Почему они не вернут тебе твое бывшее жилье? Оно же было твоим!

— Было..., но этот город меня однажды оттолкнул.

— Но это несправедливо! И при чем тут город? Это люди! На каком они основании тебя оттуда выселили?

— Каждому свое, — задумчиво произнес Николай. — Они победители, а победителей, как известно, не судят.

— И что теперь, квартира должна достаться им?

— Какая теперь разница, кому. Каждому свое...

— Ну, вот ты опять про свой лагерь...

— Это Цицерон...

Ленинградские шесть лет учебы Елены пролетели как один день.

После концертного прослушивания перед художественным советом драматическое сопрано Елена Александрова была зачислена в штат Ленинградского академического Малого театра оперы и балета имени С.М. Кирова. Главный дирижер воодушевился на монологе Чيو-чио-сан²⁴ из второго акта и сказал сидевшему рядом режиссеру:

— А ведь музыкальная девочка, а?

Тот кивнул и, удовлетворенно глядя на сценические возможности Лениной внешности, предрек:

— Думаю, в перспективе Татьяна у нас будет потрясающая. Где только Онегина под стать ей найти?

Однако прошло еще семь лет, прежде чем Елена Александрова стала Татьяной Лариной²⁵. И дело не только в том, что Ленинградский театр поставил «Евгения Онегина», и не в разучивании партии и вводе в спектакль, а в закулисных спорах и интригах.

Она писала письма Николаю Павловичу о своем житье-бытье. Он, довольный ее успехами, подкидывал ей денежные переводы «на конфеты». И только однажды в письме осторожно спросил: «Леночка, ты не пишешь, есть ли у тебя молодой человек?» И поскольку новоиспеченная солистка не рисковала прогулками по

²⁴ Главная героиня одноименной оперы Дж. Пуччини.

²⁵ Главная героиня оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

дождливому городу, она правдиво ответила: «У меня на это не хватает времени».

Николай, получив такой ответ, отметил для себя, что он почему-то не рад отсутствию у своей воспитанницы хотя бы добродетельного контакта с представителем мужского пола.

«Неужели она собирается посвятить себя целиком творчеству?» — беспокойно подумал. — Ей уже тридцать три года, она должна обзавестись семьей».

За эти годы, проведенные в тихой квартире, он незаметно для себя превратился в философа, может, и факультативного уровня. Он, конечно, вспоминал серебристый детский голосок: «Папочка, туфельки прохудились, видишь дырочка? Папочка, давай купим птичку! Папочка, сделай за меня задачку, а я пока покушаю! Папочка, встретишь нас с подружкой вечером, после кино, а то темно в парке! Папочка...» Одна только мысль, что Леночка стала красивой и артисткой вызывала у него гордость и могла успокоить его семейную несостоятельность. «Ну, у кого еще родная дочь — оперная певица!» — думал он, когда брал билет на самолет в Ленинград, чтобы быть рядом с ней на оперной премьере «Евгения Онегина».

Премьера прошла, и опера заняла достойное место в репертуаре театра. Готовилась запись оперы в студии звукозаписи «Мелодия», что располагалась в бывшей церкви Святой великомученицы Екатерины на Васильевском острове. Роль Татьяны, благодаря постоянным доработкам, становилась у артистки Александровой все

ярче и интереснее. К тому же дирижер думал не только о вокале, но и о музыке, требуя от вокалистов не трубного гласа, а вдумчивого пения. Вот и сейчас он ворожил над душой Татьяны.

— Лена, не разводи здесь монотонность, ведь мысль-то у Чайковского совсем другая! — дирижер остановил оркестр и дуэт. — Ну, что это за интонация на сто двадцатой цифре: «...Когда в саду, в аллее нас судьба свела, и так смиренно урок ваш выслушала я»? Ты должна думать о чем?

— О безысходности ситуации, наверное.

— Вот так ты и поешь! А ты должна думать о себе и видеть свою победу.

— Победу?

— Да, победу и удовлетворение за прошлое унижение. А ты ноешь, как будто у тебя зубы болят. Отсюда и звук скучный, — дирижер нервно посмотрел налево, на перешептывающихся оркестрантов, устремил взгляд на того, кто увлеченно жестикулировал соседу. — Дима покажи певице нужную интонацию фразы «Та-та-та, ти-та-ти-та, та-а-а...».

Скрипка молодого оркестранта Дмитрия Бланка, спонтанно выхваченного дирижерскими эмоциями, повторила мотив мощным и полным звуком.

— Ты слышишь, какой большой и глубокий звук, — удовлетворенно произнес дирижер, — Его будет слышно, даже если выйти на площадь! А вот дальше такой не нужен. Дальше нужна мягкость, женственность, тоска по своим романтическим чувствам: «Онегин! Я тогда моложе...» — контраст. Давай, Дима, поучи ее петь!

Звук скрипки был певуч и звонок, как голос ребенка.

— Лена, скажи, у Димы одна скрипка или две?

— Одна, но очень хорошая, — улыбнулась Елена.

— Никто не спорит!

— Ну, вот...

— Что за «ну, вот»? Дело не в скрипке, а в том, как он играет. Играет, понимаешь? А у тебя первоклассное сопрано. Ты должна петь! И вы не конкуренты. Вы партнеры. Оркестр — это твой внутренний голос, его не надо остерегаться, к нему надо прислушиваться и вести с ним диалог: «Та-та-та, ти-та-ти-та, та-а-а...». Ты поняла, каким гибким голосом ты должна здесь петь? Первоклассным, а не однородным, как там тебя учили.

— А у меня все в порядке, как Вы считаете? — засомневался баритон в своих медных трубах.

— Ты пой, пой, Витюша, здесь она зрителя поведет. А ты люби ее убедительнее, не рисуйся понапрасну, к чему эта лубочная пошлость? — осек дирижер самоуверенность маститого солиста. — Люди будут слушать вас в грамзаписи. Они не увидят вашей яркой внешности и мимики. Но будут представлять всех действующих лиц и что они делают на сцене.

— Тогда, может быть, и не нужна сценическая версия? Давайте, мы споем в концертном варианте?

— Никакого концерта! Если работает ваше воображение, то будет работать и воображение слушателя. Слушатель, не лишенный творческой фантазии, тоже увидит оперу. Вернее то, что вы ему покажете.

— Судьбой другому я дана-а-а-а, — верхнее «ля» у Елены блестело как драгоценный камень в хорошей оправе, а голос лился сильно и нежно. Его украшал бо-

гатым тембр партнера: «Ты для меня должна покинуть всё!» Вместо тоски и разочарования слышался триумф любви.

Вдруг на последней фразе вокалист решил показать, кто главный герой оперы, и сделал несколько шагов вперед на авансцену, закрыв собой фигуру плачущей Татьяны своей монументальной стойкой, похожей на памятник Ленину с вытянутой рукой — «Позор!.. Тоска!.. О жалкий жребий мой!».

— Успокойся, Виктор, не ходи в зал! Дверь в доме Гремных там, — дирижер резким жестом указал в сторону кулис. — Нелепо желать заставить Татьяну изменить решение и тут же бежать от нее в сторону!

— Так он же чувствует, что теряет свой шанс — «жалкий жребий мой»...

— Но еще не потерял, она ему открыто заявляет, что любит. Во всяком случае, мы играем так. А твой голос звучит рядом с «голосом» оркестра, а не в тандеме с ним, — дирижер нетерпеливо повел плечами. — Да, жалкий жребий, но не в утрате любви, а в рабстве от нее. Ты не можешь избавиться от нее никогда, как не сможет и Татьяна, поэтому исполнять этот фрагмент ты должен не как главный герой. Здесь нет главного героя. Здесь главная героиня!

Солист дернулся к дискуссии, но дирижер тут же постучал палочкой по пульту:

— Главная героиня здесь любовь, которая может вырвать победу в самой безнадежной ситуации. Кстати, ты и в студии от микрофона побежишь?

В декабрьский день 1977 года, после трехчасовой репетиции с солистами, Елена вышла из театра и не торопясь пошла на троллейбусную остановку. Подруг и друзей у нее не было, а приятельницы и приятели сложно переживали успехи солистки. И все-таки все же приятней иметь успех на сцене, чем мир за кулисами театра.

Сейчас она вдруг вспомнила, как к раскрытию образа Татьяны на репетициях шли пять дублерш. Причем, каждая прошла через художественный совет театра. Каждая солистка была хороша собой и обладала интересным тембром сопрано. А дирижер с режиссером выбрали ее кандидатуру на премьерный спектакль!

— Ну и что в ней хорошего? Воеет, как сирена! — конкурентки-обсуждалки не скупилась в ее адрес на непочтительные предикаты типа «немытая провинция» и «корова в зашитых чулках».

— Девочки, а может «наша Таня» конфиденциально договорилась с руководством насчет роли? — блеснула злобой другая отверженная кандидатура.

Когда Лена спустилась со сцены после первой репетиции, на которой присутствовал весь дублерский состав, миловидная улыбочка соперницы вселила в ее душу некие подозрения:

— Лен, чего это у тебя сип какой-то? Всегда голос так красиво звучит, а сегодня песочек появился. К оркестру не приспособишься, что ли?

— А я не почувствовала никаких призывов, — уверенно ответила Александра.

— Нет, Катюша права, в высоком регистре еще ничего, а в примарной зоне звук глуховат, — поддержала подруга по несчастью.

— Да ничего страшного! Надо полечиться: горло люголем помажь и содой пополощи, и все пройдет! — добавила третья.

— Неужели так бросается в глаза этот сип? — Лена отчаянно сдерживала эмоции.

— Ну, не в глаза, а в уши. А выглядишь ты хорошо. К премьере чуть похудеешь, и будет идеально, — «подбодрила» четвертая.

А пятая откровенно призналась:

— А мне не понравилась трактовка образа. Ты уж не обижайся, Леночка. Ничего не буду объяснять: не понравилось и все.

Александрова была готова к конкурентной борьбе еще с консерваторского класса, но все равно оказалась незащищенной от прямолинейных нападок.

Тогда она, улучив момент, подошла к дирижеру и прямо спросила:

— Мне было удобно петь, а как звучал мой голос сегодня?

— Уже на комплименты нарываешься, Александрова? Работать надо, а не выяснять, как голос звучит!

Сейчас она вспоминала этот эпизод без вздохов. Рассеянно улыбаясь встречным прохожим и ощущая приятное тепло в гортани и в груди от состоявшей репетиции, она любовалась редким ленинградским солнышком, осторожно ступая по заледеневшей дороге: «Распогодилось! Погода просто прелесть!»

— Ты в общезитие? — прервал ее воспоминания приятный мужской голос.

— Да. — Лена знала Дмитрия Бланка как сокурсника по консерватории. Хотя он учился на струнном, а она на вокальном факультете, но на музыкальной литературе, на истории КПСС и еще на некоторых дисциплинах группы объединяли, и ребята перезнакомились и были на «ты». Поэтому встреча с Дмитрием после работы не удивила ее.

— Там у вас, наверное, весело?

— Наверное, — нерешительно произнесла она, а потом добавила. — На первом курсе по вечерам было грустно. Знакомых в Ленинграде не было, не знала, куда пойти... А ты куда направляешься? — она стряхнула снежные крупинки с волос и поправила белый платок.

Дмитрий отметил про себя, что ее темно-каштановые волосы, эффектно составляющие облик ее героини, выгодно контрастируют с переливающимся белым палантином. «Дерзкая красота», — заключил он мысленно, а вслух проговорил:

— Я домой. Я квартиру снимаю недалеко, четыре обстановки.

— Квартиру?

— Ну, это громко сказано. Вообще-то комнату в коммунальной квартире. Но я привык. Да и бываю там только на ночлеге.

— Ты так много работаешь?

— К этому я тоже привык. Наверное, закваска от отца.

— Он тоже скрипач?

— Нет, не скрипач, он занимался зубоврачебной практикой, но иногда играл на скрипке и помогал мне поначалу осваивать инструмент.

— Мне мой отец тоже помогает. Вот жизнь! Кажется, трудимся в таком дворце с колоннами и мраморным полом, как короли...

— А капусты нет, — подхватил Дима и они весело рассмеялись. — Ты не замерзла? Ты, кажется с юга?

— Я из Ростова-на-Дону.

— Там, наверное, сейчас тепло?

— Ничего подобного! Там тоже зимой очень холодно, особенно, когда дуют ветры.

— Я там был однажды проездом. Крещенские морозы в виде дождя и мокрого снега. У нас такого не бывает.

— А ты откуда?

— Я с севера, из Мурманска. Поэтому для меня такой пятнадцатиградусный мороз не мороз, а морозец.

Транспорт ходил по свободному графику, и ребята, постукивая каблуками, продолжали разговор:

— А я еще подрабатываю, — гордо сказал Дмитрий. — И ты могла бы с нами, если хочешь, конечно.

— С вами, это с кем?

— С камерным ансамблем, с ребятами из консерватории. Работаем мы сейчас в разных местах, но выступаем на концертах вместе.

— Здорово! А диапазон ваших творческих увлечений?

— Он не ограничен! Мы играем разную музыку: романтиков, классиков, современников... Вот ты, например, могла бы спеть с нами «Канцону» Листа. Мне нравится, как ты поешь. Ты поешь «Канцону»?

— Если надо, я выучу.

— Выучи. Обычно я сам играю эту вещь, в фортепианном варианте она называется «Грезы любви». Мы ее разложили на весь ансамбль. А если ты споешь, будет еще интереснее.

— Когда у вас концерт?

— Через неделю. В политехническом институте. Но имей в виду, больших денег у нас нет.

— Зато это хорошая практика, наверное?

— Верно понимаешь. Так что? Лады?

— Ладно. А кто мне играть будет?

— Ах, да. На фортепиано Гарик Сариев. Ты же завтра будешь в театре, мы вместе к нему подойдем. Ноты Листа возьми с собой. А вообще мы репетируем в консерватории.

— А в театре о вашем ансамбле знают?

— Понимаешь, художественное мышление руководства может не правильно оценить наше творчество. Лучше не афишировать.

— Так на концертах-то люди слышат и видят. Все равно узнают и что тогда?

— Тогда и скажем, — смело ответил Дмитрий, улыбнувшись верхним рядом ровных белых зубов.

«Красивая улыбка, — мелькнула мысль у Елены, — Он сейчас похож на Леля из «Снегурочки». Почему я раньше не замечала его?»

Обычно тишина на репетиции с оркестром начинается со стука дирижерской палочки. Все замирают, а потом, как камертон, раздается одинокий голос гобоя на ноте «ля». Подтягивание струн и настройка инструментов происходят уже в напряженном ожидании действия.

В репетиционном зале консерватории, где собрался камерный ансамбль, оживленно. Пианист наигрывал джазовый мотив, флейтист наяривал хроматизмы, виолончелист настраивал нижний регистр, и только альтист и скрипач сидели за столом, разбирая нотную партитуру.

Когда вошла Елена, все замолчали и повернулись в ее сторону.

В оценивающих взглядах молодых людей читались удивление и интерес. Флейтист тут же выразил свое восхищение руладой звуков, когда Дмитрий представлял девушку честной компании. Наконец, Дмитрий, снимая пальто с Елены, обернулся к нему:

— Чего это тебя так распирает?

Флейтист повторил руладу.

— Нам не страшен серый волк, — Елена окинула всю компанию взглядом и облокотилась на рояль.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся Дмитрий. — Честно говоря, мы уже отрепетировали и ждали только тебя, чтобы поиграть «Канцону».

— Я учила ее, ну, уж не знаю, как у меня получилось, — Елена поставила ноты перед пианистом.

— Мне ноты не нужны, — тут же отозвался он.

— А как же..., — смутилась девушка.

— У нас своя партитура, — Дима опять улыбнулся ей, — мы уже расписали эту вещь для всего ансамбля. Так что ты пой, как учила.

На первых звуках Лениного голоса ребята посерьезнели и включились в череду красивейших гармоний Ференца Листа. «Люби, люби, пока любить ты ра-а-а-д», — голос пел роскошно, и ему бархатно вторили инструменты ансамбля. Все обороты вокальной темы

переливались чистыми инструментальными красками, и Лена почувствовала себя как бы в центре музыки. Музыка обволакивала ее со всех сторон, вела ее голос вперед и поддерживала после акапелльных²⁶ моментов.

Когда вещь прозвучала целиком, виолончелист задумчиво произнес:

— А будет красиво...

Дима подхватил его настроение:

— Я вам говорил, что с вокалом эта вещь выигрывает.

— Ну, ты не говорил про то, как красив вокал, — флейтист умиленно обнял свой пюпитр.

— Лена, ты не обижайся, но мы один кусок у тебя все-таки вырежем, — Дмитрий был настроен по-деловому.

— Какой ты хочешь вырезать?

— Вот смотри, — он наклонился к ее нотам, — «Тому усладу дружбы дай» — потяни эту «соль» подольше, а дальше мы сами сыграем.

— До речитативного фрагмента?

— Нет, только там, где у тебя высокая тесситура. А потом ты подхватываешь вновь на фразе: «Ты радуй друга, радуй друга каждый час!»

— Мне так даже удобней петь будет!

— И голос будет везде звучать, как моя виолончель, без патетики, — подытожил виолончелист.

Разговор начался внезапно.

²⁶ *A capella* — пение без музыкального сопровождения.

— Елена, вам не хватает зрителей? — дирижер блеснул из-под очков холодным огоньком.

— Я не очень поняла...

— Я тоже, потому и проясняю ситуацию с вашим концертным графиком.

— Но я не опаздываю...

— Да, уж наш пострел везде поспел!

— Я пою в свободное от работы время, — защищалась Лена, — Если у меня есть на это силы...

— Вот я о ваших силах и переживаю. Голос разболтанный или утомленный. Внимания нет. Это дурная примета гоняться за двумя зайцами. Потрудитесь, голубушка, служить в одном месте!

За кулисами пошел удовлетворенный шепот: «Завралась звезда! Думает, что роли пустуют и петь кроме нее некому. Вот она, благодарность! Я же говорила, она примитивна. Вот и пусть чешет отсюда в филармонию».

Рука с дирижерской палочкой очертила в воздухе стремительный полукруг, как бы замкнув мысли всех присутствующих в единое поле:

— Это всех касается, господа хорошие. И скрипачей тоже! — Дирижер глазами беркута посмотрел в сторону Дмитрия, и тот почувствовал, что ему дали по носу.

— Ваша идея прекрасна, а мы меркантильны, — дерзнул Дмитрий.

— Я сказал, что против халтуры, и хватит об этом!

Репетиция для Дмитрия длилась долго. Он думал, как чудовищно неправ дирижер, как, наверное, нервничает сейчас Леночка, как он, Дмитрий, по своей легкомысленности подвел ее, и многое другое. Голос его скрипки то и дело выделялся их общего хора инструментов, он

буквально выговаривался о своей досаде. Наконец, дирижер не выдержал:

— Дмитрий Аркадьевич, останьтесь после репетиции.

Тогда казалось, Дима выскажет ему все, что думает по этому поводу, но дирижер, когда все разошлись, как-то по-отечески похлопал его по плечу и сказал:

— Не кипятись, ладно? И пойми, я ведь не хочу, чтобы самые яркие звезды померкли. Человек должен работать в меру своих сил.

— Но мы ведь не делаем ничего такого, что мешало бы нашей работе. Мы пробуем другие жанры, ищем свою публику...

— Ага, а заодно и хотим зайти в рай с заднего входа?

Дмитрий насупился:

— Проблема только в том, что мы с Еленой захотели другой жизни?

— Нет, проблема в том, что ваши спонтанные выступления — это только приходящая другая жизнь.

— Но ведь это еще и заработок...

— Фи, как пошло.

— ?

— Таскать Гварнери дель Джезу по клубам, вы, сударь, считаете позволительным?

— Мы играем классическую программу.

— Вот и играйте ее с достойными и заслуженными мастерами. А я верю, что и у тебя, и у Лены большое будущее. Кстати, насчет Лены. Выбор ты сделал хороший. Да, и вот еще что. Тебе бы на конкурс поехать...

Дмитрий хотел было напомнить, что он лауреат Все-союзного конкурса скрипачей, как дирижер тут же добавил:

— ...Международный, во Францию. Думаю, что ты успеешь хорошо подготовиться. А я с директором поговорю и художнику предложу тебя туда направить. Давай, а, Дима?

— Думаете, я могу рассчитывать на успех?

— Ну, это просто неудачный вопрос! Но раз уж ты его задал, я отвечу тебе так. Если хочешь, чтобы Елена была с тобой, ты должен восхищать ее. Женщина должна гордиться мужчиной, понимаешь? А с чего это у тебя такая неуверенность — «смогу — не смогу»? Там в жюри хоть и сидят французы и американцы, а русские все равно побеждают. И ты должен показать Петербургскую школу как положено!

— Хорошо, будь, по-вашему.

В то время как шел спектакль, гардеробщицы театра беседовали среди заполненных вешалок:

— Была опера «Тихий Дон», вдруг стала «Григорий Мелехов»²⁷. Все переименовывают! Ну и оставили бы «Тихий Дон», только вторая часть, — удивлялась одна из них.

— Наверное, потому что композитор много изменений внес, — пыталась уяснить другая смысл переименования.

— Да нет, — вмешала третья, — Опера «Тихий Дон» написана по первым двум книгам Шолохова, а «Григо-

²⁷ Оперы И.И. Дзержинского.

рий Мелехов» по двум последним, вот и вся разница. Вы бы пошли, послушали, а я пока подежурю, все равно после первого действия народ еще не повалит.

— А, правда, можно?

— Иди-иди, а мы посидим.

Сверху донеслась мелодия оперы и сразу исчезла за плотно прикрытой дверью.

— Вторая картина пошла. Слышала? Александрова поет.

— А кого она там поет?

— Наталью. А Аксиною — Дорохова, представляешь себе?

— Представляю, как гример поработал сегодня, чтобы Аксиныя смотрелась красавицей-казачкой.

— Или чтобы Александрова выглядела поломанной женой, — женщина покосила голову набок. — Говорят, она сама настоящая донская казачка?

— Из Ростова-на-Дону. Да что говорят, это и так видно — статная, черноглазая, темноволосая. Красивая девка!

— Я слышала, у нее роман со скрипачом Бланком.

— Ой, да за ней разве только Бланк увивается?

— Увиваются-то разные, а к Бланку она и сама неровно дышит. Вот даже отец ее приезжал, узнавал, что да как.

— А ты откуда знаешь?

— Так он в театр приезжал. Я разговор слышала папы с дочкой.

— Ну, и что?

— Строгий он, я тебе скажу. Она, дескать, «люблю», а он буркнул что-то. Она только сказала, что Дима не

против жениться, а он аж побагровел: «Ты опять одолжений ждешь?!» Она сразу: «Папочка, не надо кричать, пожалуйста!» Но он так расхотелся, думала, убьет ее и Бланка заодно: «Где этот жид? Не хватало еще всю жизнь портить!» Что уж там она ему прошептала, не знаю, но как-то вытолкала на улицу.

— Так он так и не увидел Бланка?

— Ты думаешь, люди с такими характерами так быстро успокаиваются? Он на другой день пришел прямо к репетиции, чтобы Бланка застать. И она знала, что так будет, караулила его с восьми утра у входа в театр. Он подошел, сказал ей что-то, а она раскинула руки, головой мотает: «Не надо ему ничего говорить. Ты должен мне помочь! Ты не можешь так со мной поступить!» Он ее оттолкнуть попытался от двери, а тут как раз Бланк подбежал.

— Вот это да! А ведь никто даже не рассказывал, что тут дым стоял коромыслом!

— Ну так слушай! Видать, Бланк не знал, кто это такой пристает к его зазнобе. И правда, вид у него молодой, на отца-то и не похож: лет сорок пять на вид, не больше. Может, потому что седых волос нет? А волосы густые, темной волной на голове. Видный такой мужик!

— Да не тяни ты! и что Бланк?

— Да что, схватил его за шкиряк да и ударил кулаком в лицо. Хорошо, скрипка в футляре была, а то он ее в запале в сторону швырнул. А тот, отец Ленкин, не хуже. Бились, как бараны, до крови. Оба высокие, плечистые — ратники!

— Ужас какой!

— Да-а-а... Потом она отцу закричала на всю улицу: «Презираю тебя, убирайся отсюда! Ты не отец!» Бланк аж остоленел.

— А отец что?

— Не поверишь, ка-а-а-к дал ей пощечину со всего маху! Круто развернулся и молча пошел.

— Вот и тебе и «тихий Дон»!

— Ты скажи лучше, за что он так невзлюбил Бланка? По-моему, он славный парень — уважительный, симпатичный, недавно стал лауреатом Международного конкурса. Можно сказать, ходит по центральным лестницам жизни!

— Кстати, и на жида он не похож.

— Ну, и что, если он еврей? А у них там, у казаков, какой только крови не намешано!

— Чудны дела Твои, Господи!

Одно счастье, что бывают трехдневные праздники. Первомай, к примеру. Утренний город раскраснелся от развевающихся кумачовых флагов, лозунгов и разноцветных шаров, вылетающих из детских ручонков. Из динамиков на Театральной площади рвется в небо музыкальный рок-плакат:

Я, ты, он, она —

Вместе целая страна.

Вместе дружная семья,

В слове «мы» — сто тысяч «я»!

Взбудораженные демонстрацией, люди громогласно шагают по улицам. Строгие костюмы с галстуками, на-

рядные платья, белые гольфы и сорочки, банты и бантики. Музыка, шум, суета, встречи, улыбки, смех, застолие...

Ростовчане умеют праздновать и второе мая. Само понятие «казак гулял» они шлифовали веками и передавали на непонятном никому генетическом уровне. Гулять — это значит швырнуть накопленные сбережения зараз на хороший прикид и на кабак, веселиться от души, чтоб не думать, кто и что скажет. И чтоб пар из ушей от широты душевной и по принципу: утром будут другие дела и другие деньги!

О Великих постах в эпоху развитого социализма не задумывались, поэтому в ресторане «Московский», что на первом этаже одноименной гостиницы, и на третий день народу много. Много не потому что ростовчан терзает комплекс провинциальности. Нет, просто кухня хорошая, а название говорит только о кулинарном рейтинге, месторасположении этой кухни в гряде советского общепита. Привлекает и само помещение в центре, на Большой Садовой, — легко и приятно добраться. Да и музыка душевная расслабляет.

Компания у Зеленцова на сей раз небольшая — Акимыч и Костя с женами, Маруся с мужем да он сам.

— Смотри, Коля, парней не хватает, вон девушки сидят одни, пригласи потанцевать, — провоцирует Маруся Кольку.

Николай Павлович Зеленцов не в духе, но держится. Посмотрел орлиным взором по сторонам, поднялся, думали, послушался и танцевать пойдет, а он:

— Пойду музыку нормальную закажу.

Зеленцов пошел через весь зал в элегантном светло-сером костюме, с распахнутым воротом рубашки,

подтянутый, подсохший, но не ссушеный жизнью. О нем никогда не скажешь: «Посмотрите, у этого человека жизнь не удалась!» Но танцевать под жеманный разговор он не умел, а музыку любил просто послушать:

*Я милого узнаю по походке –
Он носит брюки галифе,
А шляпу он носит на панаму,
Ботиночки он носит «Нафиман».*

Над столом поднимался табачный дым. Николай Павлович по приезде из Ленинграда молчалив. Размолвка с Леночкой решила вопрос «бытия вместе». «Да сколько можно!», — злобно отгонял он от себя въедливые жалостливые мысли. Он вспоминал, как она отвечала на звонки его знакомых женщин, нарочно путая их имена, чтобы вывести их из себя. Когда кто-то звонил и спрашивал Николая, она, зная, что звонила, допустим, Катя, называла ее Таней, разговаривала, как с хорошо знакомой «папочкиной возлюбленной» и плела при этом какие-то небылицы. А когда у него из-за ее «шутки» возникали проблемы, она с ангельски невинным выражением лица отвечала: «Да это недоразумение какое-то!».

Спустя столько лет она снова заговорила о своих чувствах к нему. Опять слезы, кажется, она не вытирала их:

— Я верила, что ты однажды скажешь, что любишь меня.

Он дал ей выговориться, вытолкнуть из себя свою боль:

— Давай забудем мои детские капризы, мои нелепые шутки. Главное, я поняла, как я люблю тебя!

«Господи, из какой жизни этот разговор, почему он не стал прошлым? Почему она хочет, чтобы все осталось, как было? У нее столько возможностей, а она цепляется за свои несбыточные мечты! Как я устал...», — думал он.

— Я тут подумала, — продолжала она. — Ты не трать свои деньги на покупку дома в Ростове. Зачем тебе это нужно? Перебирайся сюда. Мы начнем совсем другую жизнь. Я буду заботиться о тебе...

— Лена, — он хотел сказать складно, но слова не складывались. — Лена, не морочь голову ни себе, ни мне. Я не уеду из Ростова, я привык один... И я никогда не полюблю тебя как женщину.

Он не смотрел на нее, говорил резко и обидно. Она замерла, а потом выдохнула:

— Значит, ты меня бросаешь?.. Ну, что ж, это не новость. Ты всегда унижал меня своей холодностью.

Глаза ее сверкнули гневным светом, лицо стало надменным и она отчеканила:

— Что ты за мужик?! Это же ненормально — отказываться от молодости и любви. Другой бы..., — она вдруг просияла. — Я выйду замуж! За Дмитрия Бланка.

— Почему за Бланка? — удивился он.

— Потому что он меня любит!

— А ты его?

— А зачем? — у нее появился нервный смех. — Это необязательно. Мне же надо когда-то выйти замуж. Какая теперь разница, за кого? У меня возраст.

— У тебя истерика, успокойся!

— Ты знаешь, приезжим выйти замуж довольно сложно, — не успокаивалась Елена. — Все ищут обеспеченных невест, с пропиской в Ленинграде. Пока я до-

служусь до собственной квартиры, я останусь старой девой. Настоящие родители это понимают. Ты готов помочь мне хотя бы в этом вопросе?

— Ты ждешь одолжений? Или ты хочешь иметь семью?

— Бланк не женится на мне просто так, как ты не понимаешь? — захныкала она.

— Тогда зачем тебе нужен этот жид?

— Нужен же мне кто-нибудь! Пусть хоть Бланк!

— Не хватало еще всю жизнь портить из-за этого альфонса!

«Ну, и нахалка! — думал сейчас Николай Павлович. — Она выйдет, видите ли, замуж за Бланка, а для этого он, Зеленцов, должен им квартиру в Ленинграде купить. Бланк без квартиры не женится. Во дает!»

— Как там Лена? — в шумном зале ресторана голос Акимыча звучал крикливо.

Николай, выпустив дым и тыкая в пепельницу сигарету, пожал плечами.

— Что-то ты не хвастаешься ее успехами, поссорились, что ли? — Акимыч почувствовал что-то неладное в глазах друга.

— Да ну ее, живет и живет, — уязвленно уходил от разговора Николай.

Ходоров переключился на другую тему, а Зеленцов раскурил другую сигарету. Эти годы пролетели как неделя. И жизнь не предвещала особых перемен. Может он и закончил бы институт, только у него даже документы туда не взяли. Ходоров восстановился в Университет, смог как-то убедить комиссию,

что у него отец был преподавателем вуза в Москве, что он единственный в семье по недоразумению был репрессирован. А он, Колька, не стал никому ничего доказывать.

Может он и поехал бы теперь в Кирилловский район, но его там никто не ждет — раз никто никогда его не искал. Александрова искали и нашли, у Ходорова тоже родственники какие-никакие дальние нашлись, а у него... Да зачем они ему теперь! Он не размягчился от желания семейного единства и общения. Он видел в глазах Леночки доверие, но верить ее глазам разучился.

Деньги все-таки компенсировали отсутствие личной жизни. Зарабатывал он их много и привык к ним. Деньги солидные, от заказчиков нет отбоя, заказы и на дом волокут. Он не жил впроголодь и научился делить деньги «на сегодня» и «на потом». Деньги «на потом» постепенно становились деньгами «на дом», который он болезненно-страстно хотел построить на улице Ставропольской, на купленном участке земли. Не центр города, зато своя крепость.

Еще хорошо то, что всегда рядом друг Мишка-философ, который не удивлялся его судьбе и не поджигал губы, когда что-то не нравилось. Вот и сейчас они вместе идут из ресторана, пропустив вперед своих родных и друзей. Ходоров, узнав о неприятностях друга, все сразу понял:

— Узнаю прежнего Кольку. Ты если придумываешь себе трудности — то крайние. Так, чтобы не расхлебать!

— Ну что теперь делать?

— Ты совета спрашиваешь? Тебе не нужен совет, ты ждешь оправдания своего поступка. Я тебе скажу, что

понять тебя можно — для тебя роль отца уже не главная, а роль мужа сомнительная. И Елене пора бы испытать новое чувство, а не держаться за старые фантазии. А вот объяснить, почему ты ей отказал в помощи в такой форме, нельзя. Ты что, свихнулся?

— Да у нее самая настоящая истерика была, понимаешь?

— А ты не понимаешь, что это даже хорошо. Истерика — это своего рода путь к себе. Она должна была прокричаться, чтобы разобраться в своих чувствах. А ты должен был ей помочь. И не на улице.

— Еще скажи, что мне надо лечиться!

— А что ты иронизируешь! Я тебе уже говорил об этом. Надо, Коля. Но важно, чтобы ты сам понял, насколько ты увяз, что срываться стал. Уж не ревнуешь ли ты?

Николай красноречиво посмотрел на друга:

— Не смейся людей. Слушай, ну надоело мне эти сопли на кулак накручивать. Пусть находит себе молодого человека, создает семью и рождает детей. Чего опять сначала начинать?

— Коля, я только одного не пойму, почему тогда ты так завелся против этого Бланка? Они оба живут в большом красивом городе, оба одной профессии, талантливы и молоды, самостоятельны...

— Вот именно! Только этому альфонсу для этого квартиры от нее нужна!

Ходоров замолчал, а потом произнес:

— А Бланк что тебе сказал по поводу женитьбы?

— Да ничего он мне не сказал! Раз заступает за нее с кулаками, значит, он ее и настроил на то, чтобы развести меня на деньги. Нашел дурака!

— Надо было поговорить с ним, а не в драку бросаться.

— Я не могу нежничать. Я не святой.

— Ну еще бы! И у меня на крыше белый голубь не сидит. Но ситуацию с Еленой ты, наверное, преувеличиваешь?

— Это все твоя философия. Я только сказал, что этот парень, раз он еще не женившись, думает о моих деньгах, мне не нравится. Он, правда, мне не нравится. Ты только представь, Елена и Бланк. Бланк!

— Ну что теперь, Бланк и Бланк, успокойся.

— Знаю я, каков будет этот Бланк! — мрачно пробубнил Зеленцов.

— Откуда тебе знать, люди все разные.

— Да у нас в соседнем селе были Бланки. Все как на подбор хитрющие.

— Ну, хватит! Не все, — пытался урезонить друга Акимыч.

— Ну, ты же знаешь, Миша, как к ним относятся, — не внял ему Зеленцов. А Ленке это зачем? Зачем ей свою жизнь на чужие болезни растрачивать. Зачем болеть этими болезнями? Жизнь одна. Вот потому я проклинать не проклинал, но и благословлять этот брак не хотел. И если она выйдет за него замуж, значит, она плевать хотела на то, что я ее вырастил.

— Вот фраза, дающая классический материал для психоанализа. Знаешь, Коля, в Бога ты, конечно, не веришь, наши души вскормлены на тощих хлебах атеизма, но все-таки посмотри в небо и скажи вслед за Шопен-

гауэром: «Дорогой Бог, если ты есть, спаси мою душу — если она есть».

Машин с лентами и куклами, столов буквой «П», наводнения родственников с подарками не было. Дмитрий и Елена расписались в районном ЗАГСе и, получив свидетельство о браке, в тот же день отправились на гастроли в «страны социализма». По правде говоря, спонтанное свадебное путешествие в Европу стало для новобрачных лучшим подарком. В поезде у них был невероятно веселый стол с арией Цыганского барона, с Сильвой и Эдвином, разумеется под гитару и, конечно, до утра.

Дмитрий, не отпуская руки Елены, спрашивал:

— Скажи, ты хоть немножко счастлива?

— Только немножко! — отвечала она, и тогда кто-нибудь из гостей кричал: «Горько!» и свадьба набирала новый оборот.

Утром по окнам поезда забарабанил дождь.

— Слышишь, погода испортилась, — протянула Елена и решила вставать.

— Весенний дождь не приносит печали, погоди немного, давай еще полежим, — он отвел пятерней волосы ото лба и привлек ее к себе.

Потом Елена вспомнила, как тепло Дима отзывался о своей матери, и ее вдруг осенило:

— Что скажет твоя мать, когда узнает, что мы поженились?

— Думаю, что все будет нормально. Тем более, что я ей уже обо всем рассказал.

— Как рассказал?! Когда?

— Рассказал. Ну, понимаешь, я не хотел, чтобы она узнала о том, что ее сын женился от чужих людей.

— И что она сказала?

— Удивилась, конечно. Как все матери.

— Она не спрашивала, почему ты женился на русской?

— Она сама русская. Это отец еврей.

— Так у евреев национальность определяется по матери, значит, ты русский? — лукаво улыбнулась Леночка.

— Во всяком случае, мне сложно считать себя евреем: я не знаю ни языка, ни религии. Отчасти традиции. Но ты права, по матери я должен быть русским. Вот видишь, мой отец не побоялся доверить свое потомство русской женщине. Нет, мне повезло, у меня хорошие родители. Правда, жива только мама. Она работает на комбинате общественного питания, в цехе, в котором делают пельмени.

— А ты видел, как их делают?

— Конечно, видел. Технология не похожа на домашнюю. Из автоматов как бы вытекают шесть трубочек теста, уже заполненных фаршем. Из трубочек формируются пельмени, которые потом замораживают, а после шлифуют — эта операция называется галтовкой — ну, и фасуют по коробкам. Отзывы о продукции маминого комбината хорошие, — Дмитрий игриво округлил глаза, а потом добавил: — У меня еще две сестры-близняшки — Сима и Фета — и они обе замужем. У одной сын Миша, а у другой дочка Эмма. И обе они воспитательницы.

— Большая родня...

— Я никогда не решался спросить тебя, но сейчас мы одна семья... Скажи, а что случилось с твоей матерью?

— У меня нет матери. Вернее она была, но она предпочла меня своему новому мужу.

— И ты не видишься с ней?

— Виделась. Но она умерла. Она не выдержала этого негодяя. Он избил ее однажды так, что она оказалась полумертвая в больнице. Но его не посадили в тюрьму. Она не посадила его. Просто умерла и все.

— А Андрей... не помню отчества?

— Андрей Сергеевич — так звали моего настоящего отца. Меня удочерил Николай Павлович Зеленцов, фронтовой друг папы. Ты с ним уже познакомился, и я не хочу тебе напоминать об этом знакомстве. Тем более в такой день, — во взгляде ее появилось что-то вроде упрямства и тоски. — Нет, ты не думай, он не такой, как показал себя. Я иногда его даже люблю.

— Прости меня, солнышко.

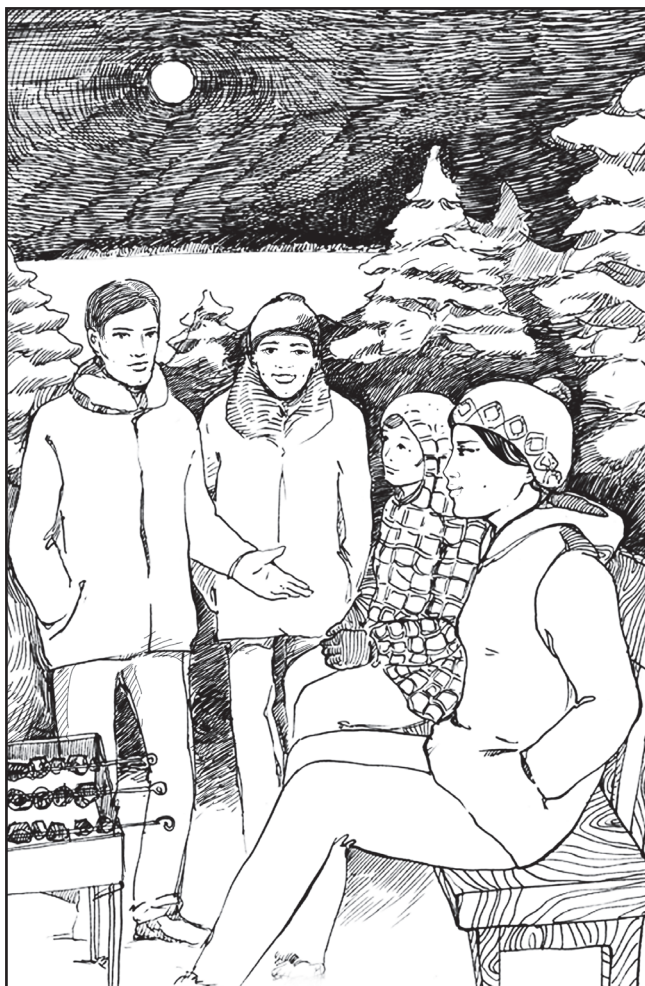
— Ты ни при чем. Ты же не знал его.

— Жалко, что мы познакомились с ним при таких обстоятельствах.

— Прошу тебя, не вспоминай о моих родственниках. И маме своей не говори, а то подумает, что я из неблагополучной семьи, и будет переживать за тебя. Ты не обманешь никого, если скажешь, что у меня нет семьи.

— Нет, это не так. У тебя уже есть семья! Любящая тебя.

Глава 5.

«Всему свое время»

*Es, ergo sum*²⁸

Мать и сестры Дмитрия разом нагрянули в начале лета. Однокомнатная квартира, которую снял Бланк, наполнилась шумными восклицаниями, сумками в коридоре, вещами в комнате и в кухне. Сладкоголосая помпезность прибывших на смотрины озадачивала молодую хозяйку дома, непривычную к выражению столь сильных эмоций. Гости постоянно путали «ты» и «вы», пока одна из сестер не спросила:

— Ты как будешь называть маму, «мамой»?

Лена поняла, что ей не уйти от вопроса, и, чтобы не обидеть свекровь, уклончиво ответила:

— Мне надо привыкнуть, ты не возражаешь?

— Если сразу не назовешь, то привыкать будет трудно, — убеждала золовка.

— Можно, я не буду давать обязательств? Все придет само собой.

Слава богу, в этот момент в кухню вошел Дмитрий:

— Сегодня Лена будет называть маму по имени-отчеству, а завтра видно будет.

²⁸ Ты есть, следовательно, я существую (лат.).

Внедрение в столь трепетную тему сразу переключило все внимание женщин на него: «Когда выйдет в записи твой концерт?», «Когда тебя будут показывать по центральному телевидению?», «Почему о тебе нет статьи в газете, ведь ты лауреат Международного!!! конкурса?»

— Вы перечислили все индикаторы социального успеха? — усмехаясь, окинул их взглядом Дмитрий.

— Лена, ты ему почаще задавай вопросы, — не успокаивался родственный фланг.

— Зачем? — удивилась она.

— Как зачем? Ты должна быть тщеславна! Неужели тебе хочется быть женой заурядного музыканта? Мужчин надо подгонять! Вот еще вопрос: когда у вас будет ребенок?

— Ну, это уж чересчур! — покрутил у виска Дмитрий. — Этот вопрос мы пока вынесем за скобки.

Сестра обиженно фыркает и углубляется в нарезку салата.

— Вот что, дорогие мои женщины, кухня маленькая, вас тут слишком много, поэтому свою женку я от вас забираю, а вы уж покажите сегодня кулинарный класс. — Дмитрий обнял за плечи Елену. — А мы с тобой пробежимся в магазин, пока его не закрыли, за необходимым ингредиентом.

Они с удовольствием сбежали от расспросов. Время восемнадцать часов тридцать минут, скоро не только закроются магазины, но и придет долгожданная ночь, когда все повалятся спать.

— Дима, они уже не первый раз спрашивают про ребенка, что мне им отвечать? — Елена нетерпеливо смот-

рит на мужа. — Мы же договаривались пока не заводить детей.

— А ты отвечай, что скоро все будет так, как им хочется и даже лучше.

— Ну, это же неправда.

— Сейчас главное, чтобы ты не волновалась.

— У меня сегодня даже сердце закололо от переживаний.

— Вот видишь! А я сейчас чувствую рядом твою грудь, и мои переживания локализируются гораздо ниже сердца.

Они скоро вернулись домой, объединенные тайным уговором и поцелуями на лестничной площадке — как из разведки.

Стол был заставлен вполне «советскими» яствами — тонкая нарезка колбасы и сыра, морковный салат и салат «Оливье», соленые помидоры и огурцы, жареная печенка, картошка и грибы в сметане. В центре стола горделиво расположился собственноручный Еленин курник.

— Мама, а гефилте фиш²⁹? — удивился Дмитрий отсутствию на столе знакомого с детства блюда.

— Ой, возни с ней! После смерти Аркадия я очень редко делаю фаршированную рыбу.

— Мамочка перешла на европейскую кухню, — кисло покосилась на мать Сима. — Не делает даже гомен-ташн.

— Делай сама, ты ведь умеешь, — ответила мать.

²⁹ Фаршированная рыба (еврейск.).

«О чем она говорит?» — прошептала заинтригованная Елена Дмитрию на ухо. — «О еврейском печенье с маком, — улыбнулся Дмитрий. — Я тебя научу, если хочешь, мы всей семьей его когда-то делали». «Господи, они всей семьей сидели и делали печенье!» — поразились Елена.

Жажда расспросов у гостей за время отсутствия молодоженов поутихла, зато затребовалась музыкальная программа. Поскольку музыкантов за столом было двое, начали с дуэта. После «Вьется ласточка», «Ямщик, не гони лошадей», позже «Калина красная»... Часовой концерт был прерван на хоре «По Дону гуляет» стуком в дверь. Разгоряченная и хорошо распетая родня встретила соседку, живущую этажом ниже — разгневанную номенклатурную работницу, готовую обратиться к помощи «милиционэра».

— Понимаете, у нас свадьба, у нас Димочка женился, — затрясли наперебой черными кудряшками сестрицы-близняшки.

— Поздравляю! До двенадцати управитесь? — осведомилась чиновница, не готовая терпеть «это безобразие» дольше.

— Да мы уж и заканчивали, — миролюбиво закивали они головой, то ли соглашаясь, то ли возмущаясь наглости непрошеной гостьи.

Так неожиданно родственный вечер перешел в завершающую фазу — чай. Утром самолет забрал на свое крыло всю Митину родню и молодые остались созидать домашний очаг.

В Мурманске тема скоропалительной женитьбы Дмитрия обсуждалась долго. Поэтому когда вся семья собралась поздравлять дорогую мамочку, строптивая Фета, Феоктиста Бланк, долго не церемонилась с подбором характеристик супруги брата, а выпалила то, что уже сообщала своему Гарику:

— Жалко, что сегодня с нами нет Димочки. А это все потому, что он соединил свою судьбу черт знает с кем... Не ленинградка. Из общегития...

Гарик поднял голову и посмотрел на маму: «Как онаотреагирует, так и пойдет разговор». Внуки, по давней еврейской традиции всегда находящиеся вместе с взрослыми за столом, качали ногами, вертели вилками, но в разговор взрослых не вступали. Мама молча накладывала в их тарелки «Селедку под шубой». Серафима истолковала задумчивость матери по-своему:

— Он мужчина и исправить промах ему никогда не поздно. Однажды он узнает, что это за штучка!

Супруг Симы Феликс суетливо поднялся и пошел в коридор, делая вид, что ему срочно потребовалось что-то найти.

— Гарик, открывай шампанское, — предложила мама.

— Моментально! — облегченно отозвался Гарик и добавил. — Кто будет коньяк, поднимите руки.

— Я буду, — тут же улыбнулась мама.

— Тогда начну с дорогой тещи.

В этот момент Феликс сел за стол, но Сима только этого и ждала:

— Феликс, ты представляешь, если бы твоя жена каждый день до ночи пела?

Феликс сосредоточенно смотрел на скатерть. Гарик, разливая шампанское, пришел на помощь:

— Может Дмитрия это не интересует?

Мама взяла в руки бокал с коньком и подняла глаза:

— Меня это тоже не интересует, — глаза ее закипали. — Почему он в таком случае женился?

Все замерли. Поколебавшись мгновение, Гарик произнес негромко:

— Любит, наверное.

— Вот и пусть любит! — отрубил мать. — И вы не смейте соваться к нему в советчицы. Ишь, нашлись воспитательницы!

Сестры подмигнули одна другой, и Фета лягнула под стол Гарика. Тот поднял фужер и по-лицедейски просиял:

— Мы собрались, чтобы поздравить с днем рождения нашу дорогую мамочку! Сейчас девочки прочтут вам стихи, а от нас с Феликсом примите кое-что для исполнения какого-либо вашего желания.

«Кое-что» оказалось конвертом с деньгами. Звякают бокалы, стучат ножи-вилки, семья забыла об отсутствующем Дмитрии.

Мать любила Дмитрия больше других детей. Еще бы!

Во-первых, он — сын, а сыновей мамы любят почему-то нежнее дочерей. Отцы, наоборот, больше ждут сыновей, а всю свою нежность делят с дочерьми.

Во-вторых, он — ее первенец. Он родился в самое суровое время и морально помог выжить ей. Если бы его не было, она так яростно не сражалась бы за свою жизнь.

А в-третьих, он так давно находится вдали от нее. Когда Димочке едва исполнилось 16 лет, Аркадий решил, что он должен жить самостоятельно. «Все. Больше ты не должен сидеть у нас на шее, — так он и сказал. — Пробивай себе дорогу». Деньги на дорогу в Ленинград отец дал, и Дима уехал учиться сначала в музыкальном училище, потом в консерватории.

В-четвертых, он если не гений, то талант. Это поняли все и даже старая скрипка, которая в руках Аркадия звучала пошловато, а у Дмитрия!.. Так она не пела никогда. Мать даже задевало Аркашино «способный парень». «Да уж куда тебе до него!», — каждый раз думала она, сдерживая свои эмоции.

Да и потом, Аркадий чувствовал, что Дима — мамин любимчик...

Вот и пальцы на руке закончились, чтобы посчитать все аргументы, а мать могла бы найти еще и еще.

Так получилось, что мать оказалась без парадного платья, потому что кроме как на факультете житейской мудрости она не училась нигде. Но чтобы сгладить дефект образования и потрафить гордому стремлению супруга «быть не хуже других», мать выписывала и читала собрания сочинений и самые передовые журналы, изредка щеголяла замысловатыми словечками типа «ранжировать», «амбивалентность», «агравация» и

тому подобное. Хотя она и без этих слов понимала, что такое жизнь.

Мать в семье любят и оберегают. Особенно, когда не стало Аркадия Марковича. Аркадий работал стоматологом в городской поликлинике. Он всегда и всем без исключения был необходим; несмотря на то, что вместо зубного порошка и появились суперзубные пасты, зубы болят-таки у всех. Он — хозяин. И в поликлинике у него был отдельный кабинет.

А еще до войны они жили в одном районе, только в разных селах. Нельзя сказать, что были дружны, но зрелые годы нередко перестраивают представления нашего детства. Говорят, капля камень точит.

Муж любил жену, как обычно любят еврейские мужчины, особенно которые на двадцать лет старше своих жен. Всегда был рядом, как и обещал, женившись, и она никогда не знала, изменял ли он ей. Скорее всего — да, у него были женщины. Но у нее не хватило бы совести изменить ему, так он был предупредителен и никогда не забывал делать ей маленькие приятности просто так, без особого повода или даты. Он не был красив и не впечатлял ее физически как мужчина. Когда он раздевался и ложился рядом, она тайком лицезрела его немолодое неравномерно волосатое тело и старалась дышать глубоко и ровно. Он засыпал, а она смотрела в темноту и думала о своем. Но он занимался с детьми и дети всегда знали, что к отцу можно обратиться за трезвым советом, а после, когда девочки выросли, он сам нашел им хороших мужей, способных обеспечить их безбедное будущее. Он не сорил деньгами и не водил без надобности в дом друзей. Без надобности — значит, в доме

всегда были люди, в которых он был уверен и которые реально могут помочь.

Мать знала, что их разлучит только смерть. Так и произошло. Единственный недостаток его здоровья — астма, которая однажды и погубила его. Как-то его сотрудник, прилетевший из Калмыкии, привез попробовать кумыс. Экзотика другого края! Да еще и отмечали шестидесятилетие Бланка! Аркадий выпил бокал и через час умер от удушья. Так ей сказали в морге.

Страшная смерть — без прощания и покаяния. Семья Бланк еще не до конца оправилась от потрясения. А теперь женитьба Дмитрия.

На самом деле пересуды за именинным столом озадачили мать. Все сказанное о Диминой жене обдумывалось ею ни один раз. Но отчитывать его она никому не позволит, да еще за глаза. Вот дурацкая привычка у девчонок!

«Терпеть не могу курящих женщин, вялых и апатичных, болтливых, ироничных, суетных, жестоких. Но Елена вроде бы не такая, — размышляла безмолвно мать. — Мне нравятся энергичные и спокойные, знающие себе цену, хозяйственные, гордые, умеющие слушать. Вот тут я не знаю... Слышит ли Елена Дмитрия? а может она слышит только себя? И что это она за проблему с детьми надумала? Любишь мужа — рожай! Тем более в тридцать четыре года...»

Она уже знала, на что потратит деньги, подаренные ей на день рождения. Она поедет в Ленинград.

Номер рейса и время прибытия самолета свекрови Елена узнала от Дмитрия в тот же день. Ничего не поделаешь, ей пришлось купить цветы и встречать свекровь в аэропорту.

Самолет приземлился вовремя, развернулся и пополз по своей полосе, оглушая воем двигателя. В глубине души Елена понимала неизбежность постоянных встреч с родственниками мужа. Но радости от этих встреч не испытывала.

— Как хорошо! — сказала свекровь и взяла Елену под руку. — Я боялась, что буду добираться к вам сама. Летела и думала: «Вдруг меня не встретят?», а тут ты.

— Понимаете... я узнала от Димы недавно, что вы будете у нас в гостях. У меня сейчас такой плотный график, я все время на работе, Дима тоже...

— Не волнуйся, я ненадолго. Я же знаю, гости хороши два дня — в день приезда и в день отъезда.

— Ну, что вы, я совсем не то хотела сказать...

Обидные слова почему-то всегда говорятя случайно, совсем не по тому случаю, чем думает тот, кто обижается.

— Я не обижаюсь.

«Свекровь за располагающей улыбкой скрывает свое настроение», — лихорадочно думает невестка.словно услышав ее внутренний голос, свекровь меняется в лице:

— Я скучаю по Диме, можно я буду приезжать к вам? — она обнимает Елену своим мягким телом, заставляя почувствовать материнскую боль. Елена знает только понятие «папочка». Ей не верится, что эта женщи-

на может проделать такой путь только затем, чтобы просто посмотреть на сына. «Наверное, ей что-то надо», — пытается она определить ее мысли. И опять она так странно угадывает их: «У меня забот никаких нет — появились деньги, и я сразу взяла билеты в оба конца. После-завтра полечу домой».

Утром, дождавшись ухода Дмитрия на работу, свекровь, облокотившись на кухонный стол, сказала невестке:

— Ты меня Лена, терпи, если не можешь по-любить. Я без Дмитрия не могу. Без Серафимы, без Феоктисты, без внуков я могу долго быть, скучаю, но не так, чтобы очень. А без Димы..., — она подавила какую-то реплику. — Он мне очень тяжело дался. Отец в первые годы нашей жизни был вспыльчив и непредсказуем со мной. Мне тяжело было с ним...

— Зачем же замуж за него выходили?

— Время тогда такое было. Не только я бежала от одиночества.

— А когда поняли, что не ваш человек, почему вы не оставили его? — Елена напряженно сопоставляла ситуацию.

— Сколько раз хотела забрать ребенка и уехать. А потом, думаю, кому я нужна с малолетним ребенком на руках? Да и Аркадий — добрый человек, работающий. Вот и терпела, — свекровь говорила монотонно, как сама с собой.

— Ну, видите, не зря терпели. Он из Димы хорошего скрипача вырастил, — вставила невестка лыко в строку.

— На это я не посягаю. Но есть еще и другое предназначение в жизни, которое каждый должен хорошо выполнить — сотворение жизни. Я хочу, чтобы он был хорошим мужем и отцом. Это важно для женщины — сохранить свой семейный корень. А для тридцатилетнего мужчины тем паче.

Свекровь всматривается в Еленино лицо. «Что она там ищет в моем лице? Готовность пойти и родить ребенка?» — доверительный тон разговора пугал Лену.

— Извините, пока я не могу сделать его счастливым отцом, — невестка сидела, запрокинув голову.

— Не можешь или не хочешь? — так же дерзко спросила свекровь.

— Не могу, — ответила Елена, внезапно обмякла и отвернулась к стене. — не по-лу-ча-ет-ся.

«Почему она так замкнута со мной? Почему из нее ответ надо вожжами тянуть? Я же хочу помочь. Кто ей еще поможет, если у нее ни матери, ни отца нет», — напрягала свое терпение свекровь.

— Я молиться буду за тебя, дочка, — тихо проговорила свекровь, — но одной моей молитвы мало, ты тоже молись. — И про себя подумала: «Может Господь и вложит в твое сердечко любовь».

Елене удалась улыбка: «Большой радости гостя не принесла, а вот тревогу оставила», — думала она.

Ребенок — этот цемент семьи, без которого кирпичики дома могут рассыпаться. Малыш обладает даром волшебника — он может усилить взаимную любовь двух

взрослых и подарить им доселе неизвестные и глубокие радости.

Но этих радостей в семье Александровой-Бланка не было, хотя прошло уже три года. Однажды Елена забеременела, но беременность с первых месяцев была неудачной — то жестокий токсикоз, то тяжесть внизу живота, то начало падать зрение. Закончилось все выкидышем на пятом месяце. И тяжелой депрессией.

Елена была раздраженной с коллегами по цеху, позволяла себе резкие реплики в адрес молодых и не очень молодых певиц, словно боясь потерять еще и сцену.

Дмитрий видел, как мается жена, переживал, но убедить ее смириться оказалось делом бесполезным. Она ни с того, ни с сего обрушивалась и на него.

Большой праздник эстрады раздражал ее по самую макушку. Вот на экране телевизора выстроились в дружный ряд участники концерта «Песня года»:

...Только песня остается с человеком,

Песня — верный друг твой навсегда.

— Дима, а ведь они сейчас богачи, — кивает в сторону экрана жена. — А ведь таланты все сомнительные. И кто это может слушать? Песню Аркадий Островский написал хорошую, так ее и спеть надо хорошо!

— Леночка, давай выключим телевизор. Хочешь, я тебе поиграю?

— Нет, ты послушай, каким плоским звуком они поют!

Елена, кривляясь, пропевает вместе с поющими на экране:

Песне ты не скажешь: «До свиданья!»,

Песня не прощается с тобой.

В театре Елена ловила заинтересованные женские взгляды оркестранток в сторону Дмитрия. Ей все время мерещилось, что Дмитрий изменяет. Особенно, если их работа не совпадала по времени и он являлся после спектакля.

— Где ты был? — спрашивала она вместо приветия.

— Посмотри на часы, спектакль недавно закончился, — оправдывался он.

— Ну и вид у тебя! Кот из дома — мыши в пляс.

— Точно?

— Точно! Что ты торчишь столько у зеркала?

«Хорошо, что жизнь долга, но единственна», — сокрушенно думал он.

Репетиционное настроение у Бланка было похоронное. Дмитрий разделял настроение Елены, стараясь казаться непринужденным и оптимистичным, но под впечатлением домашних неурядиц он брюзжал все громче. На ценовую политику, на репертуарную политику театра, на невнимательность коллег и безалаберность властей. Однажды он слишком громко процитировал Соломона: «Когда страна отступает от закона, тогда много в ней начальников», после чего дирижер своей бестактной шуткой прикончил его авторитет.

Посоветовавшись с женой и взвесив все резоны, Дмитрий ушел из театра. Выбор в пользу Симфониче-

ского оркестра Ленинградского радио оказался им наиболее рациональным. К тому же, радикальное исключение предмета ревности с горизонта Елены было лучше для их с Дмитрием семьи.

Оркестр как послушный лев подчинялся своему дрессировщику — маститому дирижеру. «Ну что, разбойнички! Поиграем для начала немного...», — и в руках маэстро оркестр звучал особенным тембром. «Мы сейчас играем Седьмую симфонию Брукнера, а не Шостаковича. Вы что не поняли, какой тут должен быть звук? Странно прямо-таки, а ведь только первая половина дня, самая продуктивная!»

Рано утром, приходя на репетицию в оркестр, «Гварнери» Бланка плакала настоящим человеческим голосом.

«Люди подчиняются принципу детерминизма, то есть зависят от причинно-следственных отношений. Потому и разные люди соединяются трудно, — думал Дмитрий. — А мы разные с Еленой. Я думал, все будет по-другому. Хотя бы так, как в моей семье. Но видимо так бывает очень редко. И нам этого не дано. И в чем можно винить Елену, если она не знает, что такое полная семья и что такое, когда мама и отец все время рядом? Она не видела полного единства детей и родителей. Разве ее детство можно назвать счастливым? Отца нет, мать предала, сожитель матери присвоил себе ее жизнь, ничего не осталось своего, даже фотоальбома... Отчим очень странный человек... А теперь постоянная

битва за роли, за то, чтобы не отстать от репертуара, за молодость и внешность.

Что объединяет нас с Еленой? Несовершенство...».

И все-таки единство этих противоположностей как-то совершается. И хорошо, что монолог Дмитрия носил чисто философский характер, лишенный когнитивности и окончательности. Хорошо, что в его душе оставался запас любви, способный за двоих сохранить их семью. Он терпеливо возвращался домой с цветком, упакованным в шелестящую бумагу, или с бутылкой хорошего вина.

Из открытой форточки потянуло морозом. Елена представила, что под ногами гололед, холод перехватывает дыхание, эскалатор, переполненные вагоны метро, опять те же лица, скривленные натянутыми улыбками: «Здравствуйте, Елена Андреевна», а в глазах зеленый змеиный свет. Тьфу!

— Лен, поехали в лес, воздухом подышим, шашлык там пожарим? — у Дмитрия глаза горят желанием, а нос потягивает воображаемый аромат мяса.

— На электричке?

— Почему на электричке, поедем на машине с Териковыми. Териков сегодня на репетиции звал, я сказал: «Мы подумаем».

— Когда?

— Ну, у нас, например, завтра нет ни концерта, ни репетиции. Все новогодние мероприятия закончились. Ну, как?

— Только ненадолго, чтобы не застудиться.
А Териковы будут с детьми?

— Как же они будут с детьми, у них ведь не автобус.

Териковы часто приезжали в Ломоносовский район и навещали лесника Григория Степановича. Избушка его располагалась на опушке леса и рыжим столбом дыма подпирала небо. Все бело вокруг. Снег искрится, как будто в битом хрустале. Двор уже утопан. У самого крыльца, на свежем снегу хорошо видны заячьи отпечатки, под деревьями — сорочки крестики. На крыльце сам хозяин попыхивает папироской — седые брови на бронзовом лице, мохнатая ушанка в снегу:

— Приехали погреться?

— Пустишь, Григорий Степанович?

Углы комнаты загорожены печью и допотопным комодом. Беленый потолок и оклеенные цветочными обоями стены нарядно дополняет невысокая сосна. В печи трещат осокоревые дрова, и трепещущие языки пламени о чем-то перемигиваются с зеркалом комода, отчего по стене суетливо скользят желто-красные блики.

— Ты какой-то беспокойный, Григорий Степанович, или мне кажется? — заметил Антон Териков.

— Да, вот только лось ко мне из леса приходил, — ответил лесник.

Григорий Степанович рассказал гостям, как услышал приближающийся топот, треск сухих сучьев, и едва

успел подойти к изгороди, как через частокол перемахнул могучий лось и стал посреди двора.

— Я опешил, забыл, что у меня в руках ружье. А он смотрит прямо в глаза.

— А убил бы? — поинтересовался Антон.

— Шутишь? Не могу я в лося стрелять. Он для меня животное священное. Тем более, он ко мне сам пришел. Много я лосей видел, а этот особенно величавый. Стоит, как вкопанный. Я его спрашиваю: «Чего ты, дружище, пришел сюда? Ведь ружье-то вот оно, видишь?» А он как будто понимает, молчит и стоит смирно. Вдруг слышу, где-то в глубине леса собачонка с подвывом тявкнула. Кто бы здесь в такую рань с собакой гулял? Браконьеры пришли. А выстрелов вроде и не было.

— Так ты его от браконьеров спас?

— На сей раз, выходит он сам себя спас. Но мне в милицию надо, понимаешь?

— Отвезу, поехали.

Григорий Степанович с Антоном уехали, а Дмитрий с Еленой и Лерой остались сторожить хозяйство.

Елена, глядя на сосну, вспоминала и рассказывала, какие она делала гирлянды и игрушки, когда жила в Ростове, как они с папочкой отмечали новогодние праздники, как его друг переодевался в красный халат жены, цеплял бороду и усы из пакли и как весело они шумели всю ночь.

— У меня есть две большие шоколадки. Они в фольге, — неожиданно предложила Лера.

— Я тоже взяла с собой конфет, — обрадовалась Елена.

К приезду хозяина дома его сосенка блестяла серебристым дождем и сладкими игрушками. «Как здорово!» — взрослые хлопали в ладоши, как дети. Пока жарился шашлык, общались. Григорий Степанович вот уже тридцать лет живет в лесу, охраняет зверей и птиц. Более четырех десятков матерых волков взял в молодости. Храбрый человек. За всю свою жизнь он не сломил ни одной молодой, бродящей живительным соком ветки, не обидел ни одного зверя, кроме волка. Антон и Дмитрий по очереди рассказывали о своих охотах и рыбалках. При свете мерцающего огня лицо Дмитрия показалось Елене до боли родным. «Эта манера разгоняться в смехе, я раньше ее не замечала..., а указательный палец у уха?» — раздумывала она и так прониклась к романтическому образу своего мужа, что оказалось, Лера давно уже что-то говорит, обратив к ней улыбающееся лицо. И тут до нее дошло, что ей предлагается вспомнить что-то из ее прошлого общения с природой.

— Однажды мы с папочкой и его друзьями, — начала она рассказ, — ездили на Маныч-Гудило. Есть такое озеро в Ростовской области. В штормовую погоду кажется, что оно гудит, поэтому и Гудило. Для рыбалки и охоты место очень красивое. Мы приехали на рыбалку. Расположились, сидим тихо. Слышно только, как цапля вышагивает по воде.

Дмитрий подумал, как Елена умеет образно рассказывать. Даже не поймешь, выдумала она эту историю или все было на самом деле. В это время супруга поведала о неожиданной канонаде, о том, как цапля упала в

воду, как ей стало жалко птицу, как вышли из кустов какие-то парни, чтобы вытащить цаплю из воды... Он наблюдал за женой, как она крепка и изобретательна, как красива природной красотой. Сама природа выявила ее подлинную целостность, которую она почему-то тщательно скрывает от всех за ширмой значимости и надменности. Ее лицо стало прототипом женственности:

— И тут папочка мой побагровел! А сам сдерживается и спрашивает того, кто в воду за ней пошел: «Жарить будешь?». «Цаплю?! — спрашивает парень. — Ее не едят». У отца редко бывал такой взгляд — дикий, он так на него посмотрел: «А для чего убил?» Парень перепугался: «Да просто, убил и убил». Не-е-ет, — зарычал отец, — так просто ничего не бывает. Ты, наверняка, носа ее длинного испугался, а то вдруг подлетит и глаз ка-а-а-к выклюет!».

«Вот оказывается, где живет его женщина, — удивлялся Дмитрий, — на природе. Здесь она естественна и... желанна».

— Хорошо ваш отец этому парню сказал, — улыбнулся Григорий Степанович. — Может, впредь не будет бахвалиться легкой удачей. Цапля ведь не боится человека, не летит от него. Прямой выстрел не делает чести охотнику. А отец ваш, Елена, жив?

— Да нет..., — потупилась она. И сразу исчез далекий сказочный образ Елены Прекрасной. За столом сомневающаяся, страдающая от собственных жизненных циклов, женщина.

Счастливая пара Териковых, Антона и Леры, внесла новое дыхание в застоявшиеся отношения Дмитрия и Елены. «Как непохоже они живут, — думала Елена. —

Разнообразно и естественно. Ровесники наши. Почему же у нас столько заморочек? Почему мы прокисаем от скуки?» Вернувшись из поездки в хорошем расположении духа, она, по «рецепту» Леры Териковой, приняла жаркий душ, надела на себя пролежавший несколько лет в шкафу шелковый халатик с японским орнаментом и заварила кофе.

— Леночка, ты чудо как хороша! — отметил Дмитрий, лаская ее мягкую кожицу на локте.

Елена неосторожным жестом поправила складки ткани на груди, после чего Дмитрий сразу притянул ее к себе и долго и проникновенно целовал. «Как приятно это новое чувство! — утопала она в своих переживаниях. — Я ощущаю себя здоровой и сильной женщиной». Она закрыла глаза, слыша, как из его горла вырвалось, сопровождаемое животным дыханием: «Я тебя очень хочу!» В ответ у нее в горле или в глубине тела открылся какой-то клапан и вырвался вздох и всхлип, смесь восторга с удивлением: «Люблю тебя!» Она не испытывала прежней боли и скованности от его настойчивых движений. Она поразилась своей опытности и звериной жажде быть заодно с мужчиной, быть его союзницей, не подчиняться, не сопротивляться, а чувствовать неотвратимо усиливающуюся волну его желания.

Полежи еще, — он заставил ее откинуться на подушку и осыпал лицо и тело легкими поцелуями. Он прикасался к ее мягкой душистой коже, и прикосновения его губ казались ей прощальными.

Может быть, и стоит каждый раз так прощаться с любовью, даже если это прощание всего на одну ночь?

Они вернулись в Лебяжье весной. В конце апреля лес еще прозрачный, но уже хорошо чувствуется дух весны. Елена с Дмитрием шли по протоптанной дорожке, хрустящей сучьями и прошлогодними листьями, а со стороны Лебяжьего чуть уловимо потягивало дымом от сожженной прелой листвы. Дмитрий остановился и начал всматриваться вдаль: «Летом деревенька будет вся в садах. Хорошо здесь! — подумал он. — Выходит бродить по лесу можно и без охотничьей страсти — совсем неплохо получается! Жаль, что я это понял только сейчас, когда мы стали приезжать сюда чаще». Елена шагала вслед за Дмитрием, была весела и не жаловалась, как обычно, на неудобства.

— Дима, нам с тобой тоже надо машину купить. Видишь, как Териковым хорошо, собрались и всей семьей поехали, — неожиданно заявила супруга.

— Ты хочешь водить машину?

— Нет, я хочу сидеть рядом с тобой и хочу ездить на работу на машине, — толковывала Елена Дмитрию. — И тебе будет удобно.

Не услышав за спиной прерывистого дыхания жены, Дмитрий обернулся. Елена стояла с закрытыми глазами, прижавшись щекой к коре дерева.

— Я сейчас, подожди...

— Тебе плохо? — одним прыжком он оказался рядом и обнял ее.

— Фу, как голова кружится, не могу...

«Господи, у нее такие круги под глазами, похудела как... не дай Бог», — вглядывается он в ее изменившееся лицо.

— Что с тобой, родная? — он достает из кармана носовой платок и вытирает пот с ее шеи, лба, у волос.

— Ничего, сейчас пройдет, — слышит она свой обессиленный голос.

— У тебя сердце болит? — тербит он ее.

— У нас будет ребенок, — отвечает она чуть слышно.

У него застучало в висках: «Господи, спасибо Тебе! — Он берет ее на руки и несет назад к машине: «Только бы сохранить его, только бы он выжил»:

— Почему ты ничего не сказала раньше? Какой у тебя срок беременности?

— Всего три месяца.

— Целых три месяца ты молчала! Вот дурочка!

Елена уронила голову на плечо мужа и из глаз ее потекли слезинки.

— Ну что же ты плачешь? Ты боишься?

— Я так хочу этого ребенка, Митя, так хочу!

Лицо ее постепенно розовело и становилось спокойнее. Но оставаться вдали от большого города показалось Дмитрию рискованным.

— Антон, — кричит Дмитрий приятелю, — вы где?

— Здесь, — гулко раздается голос Антона. — Вы потерялись?

— Мне уже лучше, Дима, может, не надо? — Елене было неловко перед друзьями за сорванную поездку.

— А если приступ еще повторится? — он складывает руки рупором. — Антон, нам надо в город... срочно!

Беременность протекала нормально. Признаки токсикоза больше не повторялись, у Елены был хороший аппетит и внешний вид. Она округлилась, но не раскоровела, как бывает к семи месяцам. Кто-то ей сказал, что теперь выхаживают и семимесячных детей, поэтому она успокоилась и уже не прислушивалась, когда что-то кольнет. А в какой-то момент она даже стала удивлять своими странными заявлениями.

— Осенью мне станет еще лучше.

«Она совсем не боится рожать, — подумал Дмитрий, — это, наверное, от ее общего хорошего самочувствия. Но все еще впереди...»

Врачи предостерегали, что может начаться отслоение сетчатки, что грозит полной потерей зрения, но Елена бодро отвечала:

— Чушь! Теперь у меня будет все хорошо!

Участковый гинеколог настаивал на госпитализации, но Елена отвергала больницу:

— Я и так рожу здорового ребенка!

Дмитрий насторожился ее азарту:

— Леночка, все-таки надо прислушаться к врачам. Мы так долго ждали этого ребенка. Вдруг с ним что-нибудь случится?!

— Ты что, не веришь, что у нас будет ребенок?

— Я верю и постоянно верил в это. Но может быть тебе хотя бы стоит отказаться от спектаклей? Это ненадолго.

— Ничего себе «ненадолго»!

— Откуда у тебя такая уверенность, что беременность пройдет гладко?

— Ты мне все равно не поверишь.

— А ты попробуй меня убедить!

— Ну, хорошо. Только не думай, что я совсем свихнулась на почве беременности. Я видела сон, в котором ко мне приходил мой сын. Я видела его так, как вижу сейчас тебя. Потом он еще мне сказал, что у меня все будет хорошо, а у него будет абсолютный слух.

— Он так и сказал, абсолютный.

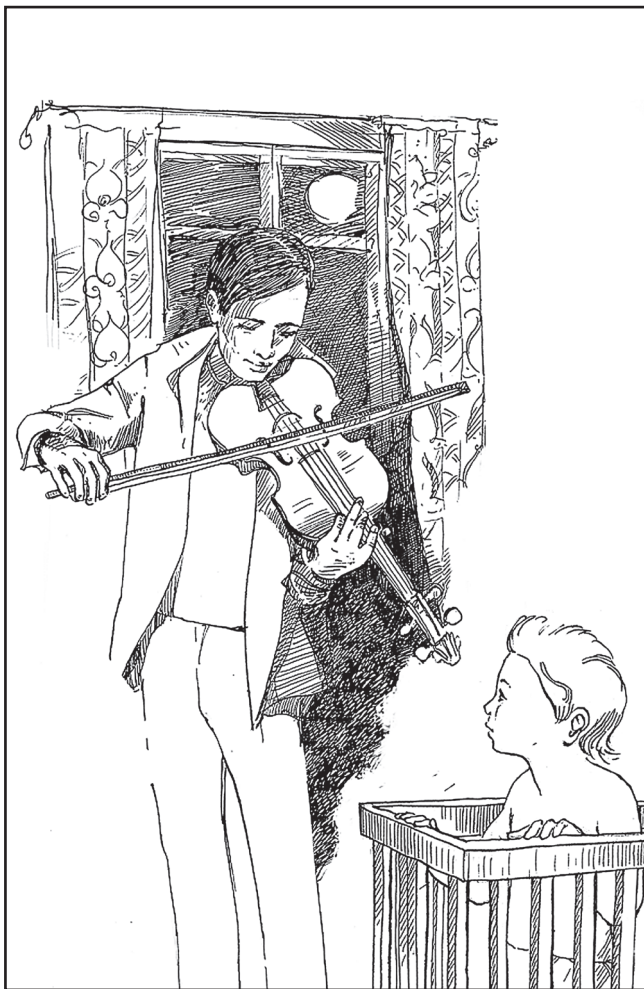
— Ну, может, не совсем так. Ну, что он будет хорошо слышать, что-то в этом роде.

— Господи, с чего бы ему глухим быть? Конечно, он будет и слышать, и видеть, — произнес Дмитрий как можно непосредственное.

Не зная как реагировать на путаное многоречие супруги, он погладил ее колено и сдержанно произнес:

— Хорошо, если у нас будет сын, дорогая.

Глава 6.

«Новая жизнь!»

*Блаженны чистые сердцем,
ибо они Бога узрят.*

Мф. 5; 6

Димдимыч родился двадцать седьмого октября в день рождения великого Паганини. Счастье его родителей было беспредельно. Зачлись их мытарства. Крошечный, с тонюсенькими ручками, дергающимися от внезапно-го шума, по ночам пищавший на «си» первой октавы, он стал центром вселенной для Елены и Дмитрия.

Они разглядывали его складочки под глазками, его ямочку на подбородке и, хотя на его лице еще было мало носа, а на голове не было волос, каждому казалось, что ребенок «вылитый я».

Дмитрий бегал с работы на халтуры, подрабатывал на свадьбах, пока Елена оставалась с малышом. «Посмотри, как хорошо кушает твой сын», «твой сын сегодня совсем не хочет спать» и тому подобное повторяла она мужу, то ли из соображений безусловной предопределенности, то ли намекая на свою жертву для него.

Жертва для тех, кто знает и понимает, что такое распределение ролей в театре, была огромна. Для жен-

щины в возрасте тридцати восьми лет, пропустившей уже практически год ежедневного контроля за своими «дублершами» и потерявшей десяток премьерных спектаклей, — это что-то! Да сколько еще впереди! Войти в физическую и вокальную форму, отстаять свое право на своих «татьян», «дуняш», «чио-сан», «катерин»...

Впрочем, все эти неприятные мысли и чувства Елена не проговорила вслух, изливая поток нежности на маленького Димочку. Мать и дитя жили в полнейшем симбиозе. Любое всхлипывание ребенка тут же прерывалось покачиванием: «Мама рядом». Постоянно думая о том, как уберечь ребенка от жизненных невзгод, она поместила его в мир, где он ни в чем не знал отказа. «Пупсику надо!»

К Новому году свекровь приехала посмотреть на внука.

Едва поставив свой чемодан, она направилась к кровати внука и полчаса стояла, облокотившись на решетчатую спинку. Она завороженно смотрела на спящего ребенка, когда невестка прошептала ей на ухо:

— Это Димочка Александров.

Дмитрий-старший вздрогнул и сделал знак рукой супруге, дескать, «нашла, когда сказать». Но ожидаемых за этой фразой вопросов от матери не последовало. Она так же тихо, в тон невестке, прошептала малышу:

— Ну, здравствуй Димдимыч!

После ужина, когда Елена ушла кормить малыша, Дмитрий начал было объяснять матери ситуацию:

— Елена назвала сына в мою честь. Но он же не будет всегда маленьким. Надо, чтобы два Дмитрия различались, хотя бы по фамилии.

— Сынок, если тебя не смущает, что он не-Бланк, то меня подавно.

— Правда, мама?

Это была чистая правда. Возможно, у матери были свои соображения на этот счет.

Находясь в гостях, ей показалось, что ее сыночек Дмитрий совсем отвык от нее. Он раскрепощен в этом новом сегодняшнем дне, а она, как вчерашний день, напоминает ему о далеком прошлом. Они оказались в разных временных пространствах. Ей только 56, а она в статусе старухи.

Она стала по-другому смотреть не вещи, подтверждая мысль о том, что «время необратимо». После смерти мужа она изменилась еще больше. И у Дмитрия ощущение тревоги за нее удвоилось. Все заботы о матери ложились на его плечи. Они как бы поменялись местами, и теперь уже Дмитрия волновал вопрос: «Как там мать? Не болеет ли она?».

— Мама, я буду высылать тебе переводы, чтобы ты могла себе что-нибудь купить, — говорил сын.

— Что ты, сынок, не надо. Я сама справлюсь!

Не то чтобы ей не нужны были деньги. Пенсия, которую она заработала, была унижительно мала — шестьдесят пять рублей. Но ей стыдно было сделаться иждивенкой сына. Вот если бы она могла быть с ним рядом, помогать ему и разделять его семейный груз — дело другое, а так...

Невестка, с которой они вот уже неделю вместе стирали пеленки Димдимыча, доверяла ей выполнение только простейших домашних функций:

— Если хотите, мама, можете подмести пол, — Елена говорила доброжелательным тоном, но свекровь чувствовала, что переходить границу дозволенных обязанностей ей не положено.

Разрешалось смотреть на ребенка и тихонько приглядывать за ним, когда он спит. А спал он забавно: он сопел, и язычок между губок повторял сосательные движения, потом затихал вовсе и становился белокурым ангелочком.

— Надо же, как он похож на него..., — задумчиво проговорила она вслух.

— На Диму? — откликнулась невестка.

Свекровь вздрогнула от своих громких мыслей и согласилась с невесткой:

— Да-да, на Диму.

— А мне, кажется, что он на нас обоих похож.

— Так и вы уже стали похожи друг на друга — так всегда бывает, когда люди не один год вместе живут.

Однажды она не сдержалась и влезла-таки со своими советами. На предложение дать ребенку немножко поплакать, а не кормить его тотчас же грудью, Елена тут же ответила нервным вопросом:

— Чтобы он неврастеником вырос?

— Ну, почему неврастеником? Ребенок должен знать, что у него не всегда все будет. У нас во время войны ничего не было...

— Это у вас во время войны ничего не было. А сейчас не война и немцы не стреляют. Что мы, не можем обеспечить единственного ребенка?!

— Я не о его далеком будущем говорю, а том, что ты его балуешь. Ребенок нормально набирает вес, не перекармливай его!

— Я же его не пельменями кормлю, которыми вы всю страну напичкали, а грудным молоком!

— Я тоже кормила своих детей грудью, а не пельменями! Но мои пельмени выручали женщин: им не требовалось тратить время на то, чтобы делать тесто, начинку и лепить ужин для всей семьи.

— Вы предлагаете перейти на полуфабрикаты?

— Иногда надо и перейти, чтобы не доводить себя до невротизации!

— Вы приехали, чтобы учить меня уму-разуму? — уперла руки в боки невестка.

— Не волнуйся, я скоро уеду! — жестикулировала ладонью свекровь.

Пока Димдимыч орал, а его няньки выстраивали линию поведения с ним, на пороге показался Дмитрий-старший:

— Это что, репетиция Армагеддона³⁰?

Дамы на мгновение примолкли. А потом мать обескураженно спросила:

— Сынок, а ты когда пришел?

— Вот только что. У вас ведь даже дверь не была заперта.

Дмитрий взял Димдимыча на руки:

³⁰ Место последней битвы добра со злом в конце времен (иврит).

— А ктой-то у нас такой розовый миляга? — ребенок затих и прислушался. Отец в том же тоне произнес, повернувшись к женщинам. — А чтой-то у нас такая апокалиптическая атмосфера в канун 1982 года?

Елена отвернулась и не захотела комментировать происходящее.

— Чего вы ссоритесь?

— Митя, я устала!

— О, Дед Мороз, иже еси под елкой! Дай нам мира! — Дмитрий обнял мать и Елену. — Девочки, а как же обещанное праздничное застолье?

В полночь малыш не закричал, хотя скрипка Дмитрия раздавалась переливами на весь дом. Димдимыч лежал в кровати, стоящей рядом с праздничным столом, и как-то по-взрослому, с удовольствием прислушивался к волшебным звукам, а потом стал шевелить губенками и на одном звуке ритмично повторять «ля-а-а», «ля-а-а»...

— Должно быть, у Димочки хороший слух, смотрите, как он точно подпевает! — задумчиво произнесла свекровь. — У других моих внуков в трехмесячном возрасте я такого не видела.

— У Эммы и Миши нет пап-скрипачей и мам-певиц, — отозвалась невестка.

— Конечно, — охотно согласилась свекровь, — да у меня и Аркаша особо не играл.

— Я у тебя единственный, мамочка, — вставил фразу Дмитрий в музыкальную нить «Чардаша» Монти.

— Митя, Димдимыч на фортепиано совершенствуется. Раньше просто подходил, нажимал на клавиши и ждал, пока звук утихнет, а сегодня ритмично по слогам

«ма-ма» нажал клавиши с интервалом в терцию и чисто пропел. — Елена восторженно рассказывала мужу домашние новости. — Мы с ним уже «Козлика» выучили, он подпевает всюю.

— Да ты что! В два года? — Дмитрий порывисто открыл крышку фортепиано и позвал к себе сына. — Димыч, спой «до-о-о-о».

Димдимыч, вцепившись в папину ногу, повторил «до-о-о» по звучанию фортепиано.

— Немыслимо! Я же пропел на октаву ниже, как баритон, а он не сбился. — Дмитрий посадил сына на колени. — А теперь, сынок, спой «ре-е-е».

— Хочешь? — голубые глазки ребенка смотрели серьезно.

— Ну, конечно, хочу! — отец снова нажал на инструменте ноту «ре».

— «Е-е-е-е».

Дмитрий радостно поцеловал сынишку.

— «До-о-о-, е-е-е, до-о-о», — довольно продолжил экзамен малыш.

— Убедился? — сияла супруга. — Я тебе еще до его рождения говорила об этом. Вернее, он сам мне говорил об этом.

— Об абсолютном слухе, конечно, говорить еще рано, но он чувствительный, наш Димдимыч.

— А я думаю, что у него абсолютный слух, — настаивала супруга.

— Посмотрим, когда он будет знать ноты, — сказал Дмитрий. — Но если он будет скрипачом, то абсолютный слух ему не очень нужен.

— Почему это?

— Он даже мешает, потому что скрипач должен постоянно настраивать скрипку. У меня слух настройщика, а не абсолютный.

— А я хочу, чтобы он был как ты, скрипачом, — улыбнулась Елена. — Не люблю певцов.

— Ну и правильно. — Дмитрий радостно закружил ребенка. — Димдимыч будет знаменитым скрипачом!

— И Димдимыч будет играть на «Гварнери»! Ты же отдашь Димдимычу свою скрипку?

— Ну, сначала он будет играть на детской, а потом... Успех ведет к инвестициям! Отдам, конечно.

— Знаешь, мама, какая тоска меня гложет? — Димдимыч принял глубокомысленную позу.

— Какая, пупсик?

— Я мороженого хочу.

— Хорошо, — засмеялась Елена, — мы сейчас с тобой оденемся, выйдем в парк и поедем мороженого.

— Нет, мы дома поедем, — таким же серьезным тоном продолжил Димдимыч.

— У нас нет дома мороженого, мы его уже съели.

— А мы поставим блюдечки, положим туда чего-нибудь и будем есть, как мороженое.

— Димдимыч хочет кушать!

— Нет, я хочу тебе рассказать, что я слышу и о чем думаю.

Елена выполняет фантазию пятилетнего Димочки и приносит в гостиную творог в блюдах.

— И что же хочет рассказать мне мой цветочек?

— Мама, я не цветочек. Я человек. Давай серьезно, ладно?

— Хорошо-хорошо. Я очень внимательно тебя слушаю.

— Мне кажется, папина скрипка не играет, а плачет.

— Какое у тебя красивое сравнение, Димдимыч! Так иногда говорят — «скрипка плачет», когда у нее появляются грустные интонации. Как хорошо, что ты их чувствуешь!

— Я знаю, что она чувствует. Это ведь очень больно, когда ты вынужден расстаться с тем, кто тебя очень любит.

— Но папа ее ни у кого не отнимал...

— Не папа. Еще раньше она была у мужчины с серебряными волосами и белым лицом. Он на ней играл прямо на улице и пел, — Димдимыч напел мотив песенки и остановился. — А потом какие-то солдаты у него отняли ее и разбили об дерево, а самого старика застрелили.

— Димдимыч, ты настоящий фантазер! Из тебя получится хороший сказочник. И фашистов приплел...

«По телевизору то и дело показывают фильмы про войну. Рановато ему их смотреть, вон как впечатляется!» — подумала Елена и решила уточнить свои выводы:

— А старик-то русский был?

— Нет, я ничего не приплел. Солдаты немецкие были, а старик бельгиец. Но он им специально играл и пел детскую песенку, чтобы они стали добрее. Но они старичка убили, такого бледного и несчастного, а скрипку разбили, но потом совсем другой солдат подобрал ее половинки и положил в свой ранец вместе с патронами и ружейными принадлежностями. А скрипка у него на спине лежит и думает: «На горе счастья не построишь!»

Счастлив будет тот хозяин, который будет играть лучше всех».

— А если он будет играть средне? — лукаво спросила Елена.

— Значит, у него и душа такая же, ее никто не увидит. И на него всегда будет лить дождь.

— Ну, а если он будет играть плохо? Значит, у него душа плохая, да?

— Тогда с ним будет беда, — ответил Димдимыч и ясными глазами посмотрел на мать. — Но папа играет на ней очень хорошо, он ей очень нравится.

— Тогда почему она, как ты сказал, плачет?

— Она мне еще об этом не сказала, а ты как думаешь?

— Ты маленький брехмометр! Но я думаю, если ты будешь так играть, как сочиняешь свои истории, ты станешь композитором. А что ты за песенку сейчас сочинил? Спой ее еще раз!

— Да, та песенка мне очень понравилась и я запомнил ее. — Димдимыч с удовольствием начал петь песенку:

*Вив ля жуа-а-а, вив ля жуа-а-а, вив ля компани!*³¹

Вив ля, вив ля, вив ля жуа-а-а,

Вив ля, вив ля, вив ля жуа-а-а,

Вив ля, вив ля, вив ля жуа-а-а вив ля компани!

— Ой, Димдимыч, какой ты молодец! — уставилась на него Елена. — Надо же так целую песенку придумать! Я обязательно расскажу об этом и папе и твоей учительнице по специальности.

— Я не придумал, я услышал ее, и мне она понравилась. Кажется, она звучала в ре-мажоре.

³¹ Французская песенка «Да здравствует радость!».

— Мамочка, — неожиданно спросил Димдимыч. — Ты не знаешь, почему с нами не живут дедушка и бабушка?

— Димдимыч, дедушка давно умер, я тебе как-то говорила об этом. А бабушка живет далеко и не может переехать к нам.

— Мамочка, это так жалко, что у меня нет рядом бабушки и дедушки! Так жалко...

— Я понимаю, что тебе, как всем деткам, хочется иметь дедушку и бабушку. Но мы ничего не можем изменить, поверь. Ты съел творожок? — Димдимыч помотал головой. — Доедай скорей, сейчас придет няня Люда, ты останешься с ней, а я пойду в театр.

— Знаешь, мама, мне кажется, что ты ошибаешься. У меня есть и дедушка и бабушка.

— Димдимыч, ты как шарманщик, крутишь и крутишь одну и ту же песню.

Ночью Елена шептала Дмитрию в постели о чудесах, которые рассказывал малыш.

— Лена, может быть, ты оставишь работу? — осторожно спросил Дмитрий. — Кто знает, что рассказывает няня нашему ребенку, когда нас нет дома?

— Дима, причем тут няня? Она и знать не знает ни о каких дедушках.

— Правильно, поэтому они вместе и фантазируют. И вообще, доверять ребенка полуграмотной женщине...

Елена приподнялась на кровати и довольно громко возмутилась:

— Дима, я не брошу работу. Я столько лет зарабатывала себе имя, и теперь, когда я утвердилась в театре,

я должна взять и уйти? Я тоже имею известность, как и ты. Мне жалко...

Внезапно на пороге спальни показалась худенькая фигурка Димдимыча:

— Мне приснился плохой сон, — он сел на кровать рядом с отцом. — Как будто я разбил большое стекло и за это ты меня побил.

Дмитрий зажег в изголовье бра и приподнялся на локте:

— Димдимыч, что ты такое болтаешь среди ночи?

— Мне было очень неприятно, что ты меня побил, папа. Не больно, а стыдно.

— Это дикость! Я никогда тебя не бил и не собираюсь этого делать, — опешил отец. — Сам подумай, за что мне тебя наказывать, да еще и таким образом, Димдимыч?

— Ты сказал, за то, что вы с мамой меня избаловали, — объяснил малыш.

— Вот видишь, какая белиберда — мы избаловали, а тебе досталось, — улыбнулся отец.

— Ну, конечно, это несправедливо, ведь мне, действительно, там уже досталось, папа, — ребенок повис на шее у отца. — Мне было страшно сидеть в темном и вонючем подвале. Туда меня какой-то мужик запер на ключ, и я сидел целый день, пока ты не пришел.

— Это сон, Димдимыч, — Елена погладила его по спинке. — У всех бывают неприятные сны. Но ты же видишь, что это только сон! Мы тебя любим, наказывать не будем, темного подвала у нас нет. Успокойся, сыночек!

— Я не могу уснуть, — сонно потянул Димдимыч. — Может нам позвать в гости бабушку Настю или дедуш-

ку? Кто-нибудь из них будет спать со мной рядом и мне не будет страшно.

— Хорошо, мой дорогой, давай подумаем об этом утром. Я тебе обещаю. — Елена решительно взяла Димдимыча за руку и отвела в его комнату.

Родители лежали в глубокой задумчивости.

— Мне страшно. А вдруг у него галлюцинации... — Елена встревожено повернулась к Дмитрию.

— Хотя ты не придумывай лишнего! Лепечет всякую ерунду... К няне надо присмотреться. А лучше отдать его, как всех детей, в детский сад.

Елена вернулась домой немного раньше, чем обещала няне. Она вошла очень тихо, села на пуф в прихожей и прислушалась к разговору в комнате.

Няня Люда, пухлая пожилая женщина из соседнего подъезда, вырастившая своих внуков «хорошими людьми», читала Димдимычу сказку:

— «Еще чуднее был дом Бабы Яги. То была избушка на курьих ножках, которая ходила само собой и поворачивалась. Засовы на дверях и ставнях были из человеческих пальцев, а вместо замка висела звериная морда с острыми зубами», — выразительно читала няня.

— Она живая! — перебивает чтение Димдимыч.

— Кто, морда?

— Нет, избушка.

— Она заколдованная, — объясняет няня.

— Нет, няня Люда, она живая, как и Баба Яга. Я эту сказку уже понял — она совсем не страшная, хотя ты ее

и читаешь страшно. Я бы тоже в лес пошел к Бабе Яге, как и Иванушка.

— Это зачем?

— Чтобы победить, — задумчиво отвечает Димдимыч.

— Победить Бабу Ягу, да?

— Ты не понимаешь эту сказку, няня Люда. Бабу Ягу победить нетрудно, трудно страх перед ней победить. Вот я бы там побыл и потом никого не боялся, я бы самым смелым стал.

— Димочка, а ты не боишься, что она тебя съест? — провокационно заинтересовалась няня.

Димдимыч раздумывал, как ей ответить, потом улыбнулся и выпалил:

— Я не боюсь. Человека съесть нельзя. Человек вечный.

— Откуда ты знаешь? — всплеснула руками няня.

— Знаю. Мой дедушка тоже не умер. Просто он живет в другом городе.

— В каком городе? — спросила няня.

— Я там не был. Но, наверное, это очень красивый город, раз он ко мне не хочет оттуда приезжать. Я говорю маме и папе, давайте сами его позовем, может быть, он не знает, что я его жду. А они не зовут...

«Он уже всем подряд небылицы рассказывает», — обомлела Елена, и тут же распахнула дверь в комнату:

— Привет! А я сегодня пораньше вырвалась к моему солнышку. Димдимыч, в цирк пойдем?

— Сейчас?

— Ну да, покушаем и пойдем.

— Здорово! Няня Люда, правда, у меня самая добрая мама?

Елена переживала за Димдимыча, возможные варианты его адаптации постоянно крутились у нее в голове, пока, наконец, она не пришла к заключению:

— Митя, я думаю, что надо определять Димдимыча не в садик, а в школу. Ему семь лет исполнится в октябре, но год пересиживать дома ни к чему.

— Две школы одновременно...

— Ну, музыкальную он и не воспринимает, как «школу жизни», она ему легко дается.

— Вот-вот. Пока легко. А потом как? А водить кто будет?

— Когда как — когда я, когда ты, когда няня.

— Так надо его уже сейчас готовить к школе. Учитель нужен.

— Не нужен учитель, я сама.

— А ты будешь успевать? Что-то ты рьяно взялась!

— Мне кажется, ему не хватает нашей любви.

— Лена, не чуди. Ты и так с ним уже «в глубоком клинче».

— Что?

— У боксеров этот означает положение, когда борющихся связывает тесная и долгая близость, от которой их может освободить судейский свисток.

— Ну, ты и сравнил...

— А что, неправда? Ты все время стараешься отгородить его от всего мира. Смотри: в песочнице он не играет, по двору не бегает, ни с кем, кроме нас, да еще няни, не общается.

— А надо, чтобы он всей округе рассказывал «про то, что видел»?

— Не понял. А эти байки повторялись еще раз?

— Я сама слышала, как он Людмиле Ивановне излагал.

— Да это уже называется навязчивым состоянием..., — расстроено произнес Дмитрий.

— Дима, не надо сгущать краски, — Елена пыталась отогнать тревожные мысли, — все дети чего-нибудь придумывают. Надо его побольше загружать занятиями, и все будет хорошо.

День 1 сентября понравился и запомнился Димдимычу. Он стоял перед школой в окружении нарядных ребятишек, сжимающих в руках такие же, как у взрослых, портфели.

С вечера он вместе с мамой уложил в портфель два учебника, две тетради-прописи, ручки, карандаши, точилку, резинку. Все его богатство теперь неудобно оттягивало правую руку. И переложить его в левую не удавалось, потому что левой Димдимыч держал шуршащий прозрачной бумагой букет странно-деревянных малиново-белых цветов с не выговариваемым названием — гладиолусы. Их он вручил учительнице своего 1 «А» класса, Ирине Михайловне, проводившей на второй этаж двадцать семь человек.

Новенькие ботинки оказались негнушными в носках и ему пришлось приспособливаться так ставить ноги, чтобы не поскользнуться. Зато ему очень нравился темно-синий костюм с белой рубашкой и бабочкой. Такого у Димдимыча еще не было. Когда они с мамой его покупали, продавщица сказала, что он элегантный, как Роберт де Ниро в «Крестном отце». Елена потом объясни-

ла Димдимычу, что Роберт де Ниро упомянут потому, что очень нравится женщинам.

Димдимыч заметил, что он тоже нравится девочкам. Во всяком случае, той, с которой его посадили за парту. Ее звали Вероника. Она тихо и терпеливо слушала его шепот и согласнo кивала, что Димдимычу понравилось больше всего. В конце уроков они обменялись резинками и карандашами в знак любви и дружбы, и он решил, что будет ходить в костюме всегда.

Прислушиваясь к ударам своего сердца, Димдимыч уже не слышал голоса Ирины Михайловны, а потому в конце первой учебной недели твердо решил жениться на Веронике:

— Папа, Вероника будет жить у нас.

— Да-а-а-а? — удивился Бланк. — Это уже решено?

— Конечно. Остался только вопрос мебели.

— Наша мебель не устраивает вашу семью?

— Ее не хватает. Нет кровати, на кухне нет стула.

Это надо срочно купить.

— Димдимыч, раз ты будешь хозяином, ты и покупай нужную вам мебель.

— Я пока не могу. Нам еще не выдали зарплату.

— А сказали, когда дадут?

— Молчат. Но я же, как и ты, не пропускаю работу...

Интерес Димдимыча к школе возрастал, но вдруг однажды Ирина Михайловна его пересадилa на другую парту. Да что там — на другой ряд! Любовь ушла, не успев исполнить заветную мечту о счастливом браке.

Теперь рядом с ним сидела другая девочка с кукольным личиком и именем Катерина. С ней можно было потолкаться локтями на парте, погрызть тайком на уроке

одно яблоко, дорисовать картинки в учебниках. В общем Катерина оказалась тоже ничего, но Димдимыч после первого поражения передумал заводить семью.

Зимняя ночь выдалась тихая и холодная, за окном градусов 25 мороза. Просторная квартира, казалось, остывала на глазах, и Елена, поговорив с Димдимычем перед сном, укутала его еще одним одеялом, чтобы не озяб. Ночью ей все равно спалось тревожно, и она проснулась от знобкой прохлады. Муж спокойно сопел рядом, но какое-то непонятное чувство заставило ее подняться с кровати и выйти в прихожую. Дверь в комнату сына была открыта, и она остановилась на пороге.

Полная луна смотрела в окно и отражалась на полу. Вся комната была залита ее светом, проявляющим в темноте обитые гобеленовой тканью стены, громоздкий шкаф и смятую постель ребенка. В луче лунного прожектора неподвижно стоял Димдимыч.

Елена, затаив от страха дыхание, медленно подошла к сыну. Он смотрел круглыми немигающими глазами. Ей показалось, что воздух в комнате стал ледяным:

— Сыночек, ты спишь? — она очень осторожно позвала его.

Он не услышал ее вопрос. Она потрогала его за плечо:

— Сыночек, ты меня слышишь? — она заглянула в его глаза и увидела жуткие узенькие застывшие зрачки.

Он, не глядя в сторону матери, пошел к окну.

— Димка, ты что? — от ужаса закричала Елена.

В соседней комнате слышалось движение. Когда Дмитрий вбежал в комнату сына, Елена трясла его за плечики и кричала в лицо:

— Просыпайся, слышишь, просыпайся немедленно!

От ее рывка Димдимыч покачулся и, потеряв равновесие, стал оседать на пол. Она звонко шлепнула сына по щеке и взвыла ошарашенному мужу:

— Неси его в постель!

Но Димдимыч вдруг осмысленно посмотрел на мать:

— Что случилось?

— Ой, сыночек, я так испугалась, — загалдела Елена, — ты чего это поднялся среди ночи?

— Я не поднялся, я спал. Мне хорошо, мама, — сонным голосом ответил сын и уснул крепким сном.

Не спали его родители.

— Мы живем на четвертом этаже, еще несколько шагов к окну и... — не унималась Елена. — Хорошо, что сейчас зима и окна заделаны и заклеены, а что будет летом?

— Или было...

— Я с ума сойду! Мне кажется, это было первый раз. Надо что-то делать. Что делать? Для начала забрать его в свою комнату, наверное.

— И каждую ночь быть начеку? Да и потом, ему уже тринадцать лет!

— А ты что предлагаешь? Поставить на окна и двери решетки? Но он может ходить по всей квартире и что-нибудь натворить.

— Я завтра же постараюсь поговорить с неврологом или психиатром, ведь есть же такие случаи и врачи должны знать, как это лечить...

— А если они назначат психотропные препараты, что будет с ребенком? Он станет заторможенным? — Елена была в отчаянии.

— Зато не упадет из окна.

Врач-невролог, с которым разговаривали родители Димдимыча, был немолод, полноват и внешне очень спокоен. Он считался светилой в вопросах сомнамбулизма и в своей практике сталкивался еще и не с такими проявлениями человеческой натуры, а потому свою точку зрения он выразил абсолютно бесстрастно:

— Лунатизм говорит об особенностях мозга, о склонности к образованию очагов возбуждения. Вы можете привести мальчика на энцефалограмму, и она, возможно, покажет эпилептическую готовность.

Елена затаила дыхание.

— Головной мозг подростка, — не обращая на нее внимания, продолжал врач, — не выдерживает сильных впечатлений, которые обрушиваются на него в течение дня, и напоминает инерционную машину, запущенную в подходящий момент. Машина эта продолжает двигаться, когда о ней давно забыли. Мозг лунатика ночью не отдыхает, а продолжает перерабатывать дневной поток впечатлений. Как я понял, он у вас талантливый мальчик, музыкой занимается?

— Он играет на скрипке, — ответил Дмитрий.

— Вот вам и одна из причин: он очень впечатлительный. Понимаете, он не смычком играет, а сердцем.

— Но я тоже скрипач, однако, у меня нет таких проблем, как у сына.

— Возможно, он намного эмоциональнее воспринимает музыку, чем вы.

— Еще вопрос, доктор, он все соображает в таком сне? — спросил отец.

— Нет, сознание его спит. Кстати, приступ лунатизма приходится на самую глубокую стадию сна, когда торможение охватывает область сознательной деятельности. Поэтому разбудить его очень сложно. Да и не нужно, он ведь как под гипнозом в этот момент. Лучше постараться уложить в кровать.

— Скажите, доктор, и такие вещи будут повторяться в полнолуние? — справляясь с волнением, спросила Елена.

— Обычно в полнолуние у сомнамбул и начинаются обострения, но это не значит, что они будут повторяться каждый месяц. Тем не менее, вы должны быть готовы к тому, что ваш сын может ночью автоматически двигаться.

— Что мы можем предпринять? — сосредоточенно спросил Дмитрий. — Ради сына мы готовы на любые меры, вы понимаете?

— Для начала давайте не будем паниковать, уважаемые родители. Давайте еще понаблюдаем за мальчиком. Возможно, это был случай спонтанного сомнамбулизма и он больше не повторится.

— А если повторится? — задрожали губы у Елены. Они с Дмитрием почему-то не сказали сразу, что и раньше слышали шаги ребенка по квартире, но не придали этому большое значение, думая, что он вставал в туалет.

— Тогда попробуем народные рецепты, — доктор был настроен оптимистически. — Например, будем класть мокрый коврик у его кровати и тщательно

закрывать в полнолуние окна. А уж после повторных проявлений, если таковые будут продолжаться, применим транквилизаторы или метод гипноза. Клинь клином, знаете ли. — Доктор доброжелательно улыбнулся, и, увидев эмоциональную реакцию матери, добавил. — Сейчас гипноз называется искусственным сомнамбулизмом и при его помощи лечат лунатизм.

Дмитрий и Елена вышли из клиники в напряженном состоянии. Им было понятно, что поводов для стрессов, от которых и произошла вся эта беда, у Димдимыча было много. Ему не давались математика, физика, химия в школе, учителя этих дисциплин жаловались, что он тугодум и лентяй. Просто они не знали, что он по шесть-семь часов в день занимается музыкой. Знали родители, которые не удерживали подростка в домашних стенах и не заставляли его играть на скрипке.

О его ночных бдениях никто, кроме родителей, не знал. Они повторялись нечасто. Но в последующую за полнолунием ночь Димдимыч погружался в чью-то неведомую жизнь, после чего выглядел ошеломленным и подавленным от увиденного. Он рассказывал им об этом, а потом перестал. Не хотел разуберять, доказывать, что его не так поняли. Зачем? Они и так пеклись о его душевном здоровье, а он должен был щадить их самолюбие и покой. Тем более, что эта чья-то наблюдаемая им жизнь все чаще становилась неким видом сверху и не более того.

Когда отец был дома, Димдимыч стал иногда брать его «Гварнери» и, подходя к священнодействию, полностью уходил в другой мир. Скрипка, поющая из комнаты сына, иногда даже удивляла маститого профессионала своим роскошным звучанием. Юный скрипач, широко

открытыми глазами обращенный в неведомую даль своих чувств, вырослел душой. «Я хочу научиться больше, чем просто играть, я хочу понимать вселенную и зачем я здесь», — не по-детски думал мальчик. Когда скрипка замолкала, Дмитрий-старший входил в комнату сына и говорил: «Знаешь, очень неплохо!»

Родители вдруг осознали, чего стоило «очень неплохо» их мальчику, сколько сердца он вкладывал в музыку, насколько глубоко постигал ее. Догадывались ли они о том, что в те счастливые моменты «Гварнери» пропевала подсознательные желания их ребенка, загнанные в самые далекие уголки его души.

Елена уже привыкла к командировкам мужа. Симфонический оркестр, хоть не так часто, но раз в два-три месяца выезжал на гастроли. Сейчас в Москву.

— Давай спать, мне завтра надо в дорогу собраться. Ехать не хочется, кто б знал! Все-таки 52 года — это не 25.

— Ну, ты же только на три дня.

— Но опять вокзал, гостиница...

— Зато прекрасный зал консерватории.

— Да-а-а, акустика там хорошая, ты права.

— Главное, чтобы ты успел ко дню рождения Димдыча. Кстати, посмотри ему там что-нибудь в подарок.

— А соображения какие-нибудь у тебя есть?

— Ой, не знаю, его уже ничем не удивить. Ну, может быть, диск с новой музыкой, а?

— Его и здесь можно купить. Зачем там искать?

— Кто знает, что может попасться...

Когда Дмитрий вернулся из командировки, Елены дома еще не было, из комнаты сына раздавались звуки скрипки.

Он шумно поставил дорожную сумку. Димдимыч услышал и показался в дверном проеме:

— Как там первопрестольная?..

— Здорово! — отец резко распахнул свое пальто.

Димдимыч отвел в сторону смычок и уставился на светлый шерстяной клубок на груди у отца:

— О! А это кто?

— Товарищ Сенбернар приехал, будет у нас жить.

Димдимыч взял из рук отца собачонку-медвежонка:

— Кобель! — увидел он на его голом животике махор.

— Ну да, нашего полку прибыло. Я, видишь ли, решил подарки «борзыми щенками» покупать, — уточнил Дмитрий, вешая свое пальто на вешалку.

— Идея Гоголя, но пришла тебе в голову очень кстати! — Димдимыч посадил щенка на диван в гостиной.

Пес посмотрел на обстановку несмысленным взглядом серо-голубых глаз и игриво ухватил молочно-острыми зубками палец Димдимыча.

— А мягкий какой, а толстый! — Димдимыч потрепал щенка за ушком. — Он красивый будет, когда вырастет! И ты знаешь, мне кажется, я понимаю, что он хочет сказать.

Щенок был расположен к знакомству и, очевидно, тоже не считал своих новых знакомых уродами. Он был умный пес и ждал, как начнут проявлять себя эти люди: «Пока они улыбаются — значит, добрые?».

Отец сел рядом с собакой и погладил ее:

— Он не дворняга, с паспортом. А родословная в паспорте лучше чем у меня. — Дмитрий листал сложенное втрое свидетельство. — Смотри, прапрадедушка, прапрабабушка, мама, папа, само собой, разумеется... — все поименно, а? И у нашего имя — Вертер. Родился 20 сентября 1995 года. Он тебе в подарок родился.

— Спасибо! Клевый подарок, отец! Просто фантастика! — Димдимыч почесывал щенку бочок, грудку, запускать пальцы в его пушистую белую шерсть, переворачивал, пока щенок вдруг не затаился, и из-под его хвостика на диван не потекла струя.

— Вытирай скорей, чтобы мать не заметила, — зашептал отец.

Мужики забегали с тряпкой и тазиком, с маминым феном, чтобы поскорее высушить следы нового члена семьи.

— Ты что наделал! — выговаривал щенку Дмитрий. Вертер примирительно замахал хвостом.

— Отец, его осуждать бессмысленно, с ним гулять придется, — разумно заключил сын.

— Ну, уж это дело хозяйское. Ты хозяин подарка — тебе и гулять. Я тебе чем могу помочь? Могу в приложение к подарку пособие для собаководов купить.

Елену встречали трое мужчин. По поводу новенького она особый восторг не высказала, но умилилась. А после обеда взяла на руки потискать, но тут же отдала сыну:

— Он псиной пахнет или это только я чувствую?

— Он же псина, не «Живанши». Как же ему еще пахивать? — сориентировался сын.

Пес понял: двое против одной. Положение не безнадежное, хотя и непростое. И приготовился к поклонению этой женщине в платье из ткани, похожей на рыбью чешую. «Собака — друг человека, а не рыбы, — думал он, — еще и облитой пахучей жидкостью, от которой ноздри стягивает и чи...»

— Чхи, — тряхнул головой щенок и тут же завилал хвостом.

— Твой запах ему тоже не нравится, мамочка, но он тебе все равно улыбается, — заметил Димдимыч. — Пойдем, Вертер, ко мне в комнату, ты будешь жить там.

Оставшись с Еленой наедине, Дмитрий довольно бегло рассказал, как выбирал на Птичьем рынке щенка, как ехал с ним в поезде в Питер. Елена слушала молча, а потом все-таки перебила его:

— Почему ты решил купить собаку? Нам мало забот?

Дмитрий осекся на полуслове:

— Я думал, что тебе понравится...

— Живые подарки не дарят, их обговаривают в семье и все вместе покупают, понимаешь?

— Но Лена, я не думал...

— Я вижу тебе это не свойственно, Дима!

— Не умничай, пожалуйста, лучше скажи, как нашего парня на улицу вытащить. Это невозможно: я ухожу — он играет, я прихожу — он встречает меня со смычком. Он чересчур много работает. Это неестественно для четырнадцатилетнего пацана.

— Ты думаешь, собака снимет с него излишнее напряжение? — уступчиво произнесла жена.

— Вот именно. Я только и думаю, что делать с психикой ребенка, как помочь ему, а ты...

— Ну, прости, я не так поняла. И вообще, у меня не было животных дома.

— Я однажды принес собаку в дом, — смягчился Дмитрий, — хорошую собаку, маленькую, шпица-девочку. Нашел ее на улице. Отец пришел с работы и сказал: «Отнеси туда, где взял и больше не таскай сюда никого». Я отнес, но плакал всю ночь и ненавидел его тогда.

— А мать, что?

— Она была не против собаки, но мы все отцу подчинялись, и она тоже. А позже выяснилось, что у отца астма и ему нельзя иметь животных дома.

— Ладно, пусть живет ваш Вертер. Имя-то какое... гетевское³².

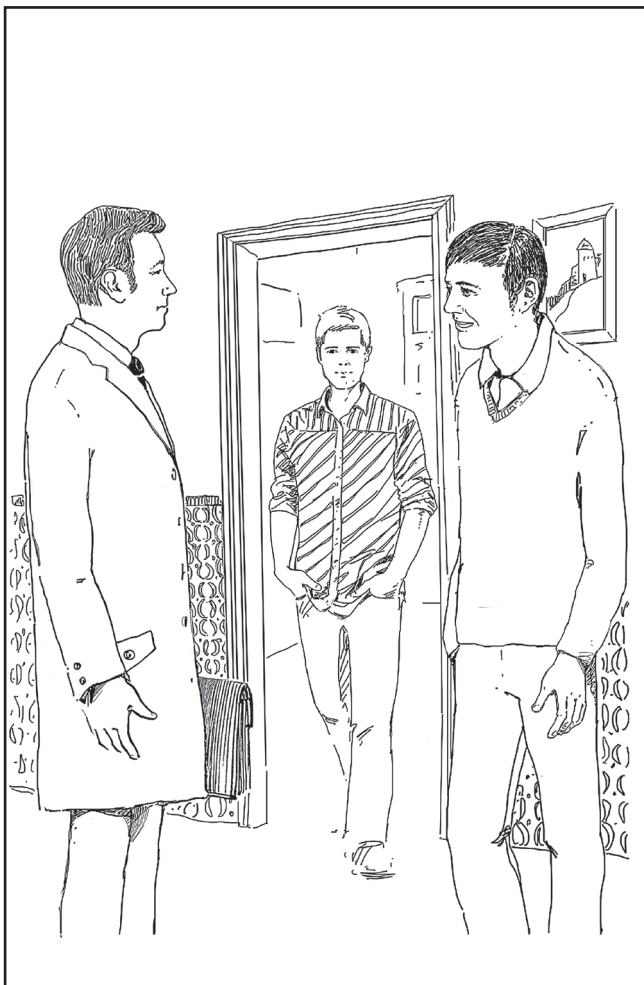
— Бедолага еще и молодой.

— Почему это он бедолага?

— Потому что страдает от твоей холодности. Как и я...

³² Гете. «Страдания молодого Вертера».

Глава 7.

«Блаженны миротворцы»

*Сделаешь ли малое или
великое, награда следует за
тобою, соразмерно твоему
произволению.*

Прп. Макарий Великий

ВВозле зеленовато-серого дома на Лиговском проспекте гость города Санкт-Петербурга остановился, запрокинул голову, угадывая стиль ампира. Дом светится вечерним уютом. Именно так Ходоров Михаил Акимович себе его и представлял. Добротный дом, «сталинка». «Наверное, здесь живут все великие артисты, — думал он, разыскивая нужный подъезд. — Так должны жить все умные и талантливые люди, чтобы их не тянуло на Запад».

Парадное чистое с пологой лестницей. На первом этаже консьержка. Вяжет что-то, но все сечет:

— Вы к кому, гражданин?

— Здравствуйте! Я разыскиваю Елену Андреевну Александрову.

— А вы кто ей будете?

— Она меня знает, уверяю вас.

— Если бы знала, то не заставляла бы себя разыскивать, — женщина подозрительно присмотрелась к посетителю.

— Вот мои документы. Но по ним вы не определите, что я ее дальний родственник.

— Если родственник, то она вас сразу признает, — она решительно сняла трубку телефона.

После недолгой паузы в трубке послышался мужской голос. Консьержка подобострастно поздоровалась и приступила к делу:

— Дмитрий Аркадьевич, тут стоит Ходоров Михаил Акимович, говорит, что дальний родственник Елены Андреевны...

— Скажите, что из Ростова-на-Дону, — подсказывает Ходоров.

— ... из Ростова-на-Дону.

Видимо на том конце провода пытались вспомнить Ходорова, но не получалось, и консьержка передала трубку Акимычу:

— Нате, разговаривайте с ними сами.

Акимыч тут же решил взять быка за рога:

— Дмитрий Аркадьевич? здравствуйте! С вами говорит Ходоров Михаил Акимович из Ростова-на-Дону. Я давнишний друг отчима Елены Андреевны. У меня к вам есть разговор, если не возражаете...

— Я понял, четвертый этаж, квартира восемнадцать. Лечу.

— Вот-те раз! А говорили, что родственник, — консьержка удовлетворенно уличила Акимыча во лжи.

Четвертый этаж. Дверь квартиры № 18 гостеприимно приоткрыта. «Хороший знак», — подумал Ходоров, но все-таки нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась,

на пороге стоял хозяин квартиры, который только что с ним разговаривал:

— Входите, — хозяин пропустил гостя в прихожую. — Елены Андреевны еще нет, у нее спектакль. Если я могу вам чем-то помочь, буду рад.

Ходоров напрягся от аристократизма, исходящего от Бланка. Не успел он как следует рассмотреть хозяина этих апартаментов, как из соседней комнаты вырвался огромный белый пес с рыжим воротником и рыжими ушами, открыл пасть и издал предупредительный звук.

— Не беспокойтесь, — прижал голову собаки к своему бедру хозяин и тут же оглянулся на открытую дверь. — Дима, заberi Вертера.

Из комнаты вышел юноша, поздоровался с гостем и позвал к себе собаку. Юноша был высокого роста, худощавый, с графическими чертами лица и светлыми волосами. Он показался Ходорову даже знакомым...

— Я сегодня был в Никольском соборе, а рядом Мариинский театр. Дай, думаю, зайду к Леночке, а она уже к спектаклю готовилась. Вот мне адрес ваш дали... Я подумал, может лучше в домашней обстановке поговорить, — Михаил Акимович, не стесняясь, вытер подошвы туфель о коврик, давая понять Бланку, что стоять в прихожей он не хочет.

— Может быть, вы пройдете в гостиную? — сразу понял его Бланк.

— Вы так любезны! С удовольствием!

Просторная гостиная переливалась изумрудным тоном обоев и мягкой мебели. Благородный серо-зеленый тон ковра дополнял нарядность комнаты.

— Здесь живет хозяйка медной горы? — блуждающим взглядом осмотрел апартаменты гость.

— Прошу вас, садитесь, — хозяин указал гостю на кресло. — Я слушаю вас...

— Михаил Акимович, — подсказал Ходоров.

— Что вас привело к нам, Михаил Акимович?

— Сейчас в Петербурге проводится конференция Российского философского общества и меня пригласили в ней поучаствовать. Я, знаете ли, преподаю философию в вузе, — пояснил Ходоров свой визит в город. — Но решил воспользоваться случаем и зайти навестить Елену Андреевну. С ее отцом мы прошли Крым и Рим, и с ее отчимом дружим, и знаю я ее во-о-от с таких лет, — он красноречиво показал рукой.

— Михаил Акимович, может быть, мы с вами тогда перейдем на кухню? Чайку выпьем? — заинтересованно предложил хозяин.

— Да у меня собой и коньячок Кизлярский есть, и рыбка... к чаю, — охотно согласился гость и открыл свой дипломат, в котором среди толстых книг лежали бутылка и сверток.

— Вот и славно. Вы не против, если мы сына позовем, Димку? Мы его Димдимычем величаем.

— Очень кстати, любезный Дмитрий Аркадьевич! У меня никаких секретов от подрастающего поколения нет.

Стол был накрыт по-мужски быстро и рационально. Все порезанное не просвечивало насквозь, как это водится от потребности экономии и ради создания ви-

димости изобилия, а лежало на тарелках большими кусками.

Пока готовилось застолье, мужчины знакомились.

— Вы ростовчанин? — спросил Димдимыч.

— Не коренной. До войны я был москвич. Жил в бывшем Спасоглинищевском переулке, который теперь называется улицей Архипова. Хорошее было время. Наш дом считался уплотненным и был населен множеством жильцов и ребятишек — первое послереволюционное поколение. Вот представьте, двадцать два паренька из этого дома, составив две футбольные команды, без устали гоняли мяч на соседнем пустыре. Я тоже играл. И мы не были «дикарями». Начиная с 1935 года в Москве стали разыгрывать первенства по футболу между домоуправлениями. Нам купили спортивную форму и бутсы. А когда настал день выступать в матче на стадионе Юных пионеров, сборную дворовую команду провожали туда чуть ли не оркестром — в очень торжественной обстановке.

— Так вы могли стать футболистом?

— Мог, но не стал. И не потому, что мы тогда не заняли первого места, хотя нашего капитана Митю Лебедева пригласили выступать за сборную команду стадиона. Просто летом 1941 года мы все двадцать два человека ушли на фронт. Вернулись двое. Лебедев погиб под Смоленском, его брат Жоржик под Гжатском, в Севастополе Вася Журкин... Леонид Казаков, правый крайний, чудом уцелел, хотя был участником Сталинградской битвы и Курской дуги. Дивизию на Сталинградскую битву из добровольцев собирали, он перед

этим заявление в партию написал, решил коммунистом идти на смерть и пошел. От их полка остались невредимыми всего пятьдесят два человека. Я говорю это потому, что по-разному складывались фронтовые судьбы. Вот и мне довелось выжить.

— А вы в каких войсках воевали?

— Меня как спортсмена зачислили в ОМСБОН — знаменитую отдельную мотострелковую бригаду особого назначения... — Акимыч потерял руки и заключил. — Да, война отняла все — и годы, и здоровье, и ... Я ведь на первом курсе Московского университета учился, когда меня призвали.

— И после демобилизации Москву поменяли на Ростов? — удивился Димдимыч.

— Так получилось. Не положено мне было в Москве жить, понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Да, брат, это не сразу поймешь...

— Дима, ты не перебивай человека, что тебе можно знать, он сам расскажет, а что не нужно..., — оглянулся на сына отец.

— Я и приехал, чтобы поговорить по душам, — миролюбиво согласился гость.

Вертер тоже подсел к столу. Его голова возвышалась на уровне тарелок и огромные карие глаза сразу определили приятность пищи, но он вел себя деликатно, как и подобает всем аристократам.

После первого знакомства и сообщений, кто и где работает и учится, наступила пауза, когда обычно кладут еду на тарелки.

«Если люди улыбаются, — думал в это время Вертер, — это не значит, что они любят друг друга. Надо

быть осторожным. Всякое людское настроение проявляется ненадолго. Вот Димдимыч — это другое дело, он свой. А какой он взял с тарелки шикарный кусочек красной рыбки! Она изумительная».

Димдимыч отломил кусок от порезанной форели и протянул Вертеру, а сам, стараясь казаться равнодушным, с любопытством разглядывал гостя. Михаил Акимович по-дедовски похлопал юношу по плечу и предложил великий почин:

— За сына — Дмитрия Дмитриевича!

Мужчины чокнулись рюмками и приступили к намеченной программе.

— Когда Леночка была маленькая, — Ходоров приложил ладонь к носу, — она тоже так с нами сидела. Втроем — Колька, я и она. Они с Колькой вообще не разлей вода были.

— Михаил Акимович... — загорелись глаза у Димдимыча, но Ходоров его сразу перебил:

— Можешь звать меня Акимычем. Ты Димдимыч, а я Акимыч.

— Хорошо, Акимыч, — с удовольствием согласился юноша. — Почему они теперь даже не общаются?

— А мать тебе, не говорила?

— Она не хочет вспоминать какой-то скандал. Вы же, наверняка, знаете о нем, — Димдимыч приготовился внимательно слушать то, что столько лет от него тщательно скрывали и мать, и отец.

— Вот потому я и приехал. Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Но сразу

ответить на твой вопрос я не могу, он сложный и требует подхода.

— Сынок, если ты будешь перебивать человека, то разговора не получится, понимаешь? Вот сиди и слушай, что тебе говорят, — настойчиво повторил отец.

«Как глупы люди! Они редко соглашаются друг с другом, даже когда вместе живут. Отчего бы им не смолчать? И как им не надоели разговоры? Ну, этот новый вроде бы не враг. — Вертер чуть-чуть повел носом в сторону тарелки Акимыча. — У него на тарелке бутерброд с «Московской» колбасой. Я обожаю запах «Московской», зря они говорят, что она жестковата».

— Мне семьдесят один год, как и моему другу, Николаю Павловичу. Мы не простые ребята, и просто так, как бабы, кипятиться не будем, — не спеша произнес Акимыч, а потом опасливо протянул Вертеру кусок колбасы.

— Ну, я-то от Николая Павловича получил по морде очень даже просто так, — незлобиво напомнил Бланк.

— Да знаю я об этом, — согласился Ходоров, — но думаю, что ты тоже так просто не стоял и не ждал, пока он подойдет и ударит тебя, правда?

— Он к Елене приставал, а я ее защищал, — утвердительно кивнул Дмитрий.

— Вот то-то! А что значит приставал?

— Он кричал на нее, оскорблял меня, — оправдывался Дмитрий.

— У него своя правда, он ее от тебя защищал, чтобы ты ее не обидел. — Ходоров положил колбасу на хлеб. — Наливай, брат, еще по одной, а то не разберешься.

— Не понимаю, почему от меня надо защищать? — резонно заметил Бланк, наполняя фужеры.

— Потому что он привык ее защищать, понимаешь? — Ходоров поднял фужер: «За тех, кого нет с нами! И за Андрея Сергеевича Александрова, отца Леночки!» Мужчины молча отпили и Акимыч тихо дополнил сказанное:

— Некого Кольке было защищать и нечего, попробуй это понять!

— Ему никто не мешал..., — начал было Дмитрий.

— Ты не знаешь его, сынок! Можно я тебя буду называть так?

— Да почему бы и нет..., — согласился Дмитрий.

— Нет у нас с ним родных детей. Вот в чем наша беда. И за нее Заксенхаузену спасибо.

— Вы тоже там были? — спросил Димдимыч.

— Что значит тоже? Мы вместе с Колькой его прошили. Мы туда попали в сорок третьем. Два года отмантулили! А ты знаешь, что он там был?

— Знаю. Мне так кажется. Это концлагерь с экспериментами над людьми?

— Дьявол это с рогами. У Кольки был номер 52 685, у меня 52 686, у Сергеича, Леночкиного родного отца, 52 687. Можно сказать, что у нас с Колькой счастливые номера, раз мы там выжили и дальше по жизни каждый свой шаг делаем.

Димдимыч присвистнул, а у Дмитрия стал жестче взгляд. Есть не хотелось.

Акимыч бегло рассказал и про лагерь НКВД, и про строительство Волгодона, а потом спросил:

— Мама не говорила об этом?

— Не говорила, — протянул Димдимыч.

— Это неприятно, Димдимыч, стыдно, не престижно, потому, наверное, и не говорила. Лучше говорить о героизме, — у него появились сварливые нотки.

— Но Николай Павлович старше и мудрее, он мог бы сам спокойно обо всем рассказать, и не было бы никакого конфликта, — осторожно возразил Дмитрий.

— Вывод сомнительный фактически, — отразил Ходоров, — который говорит о твоей полной психологической безграмотности, сынок.

— Почему?! — выразил свое недоумение Бланк и покосился на Димдимыча.

— Ты обнови, сынок, — Ходоров постучал вилкой по фужеру.

— Я вам, друзья мои, хочу сказать, что прошлое имеет одну приятную особенность — оно было и прошло.

— Я понимаю, кто прошлое помянет, тому глаз вон? — чокаясь с Акимычем, добавил Дмитрий.

Акимыч кивнул, выпил до дна, а потом блестящими глазами посмотрел на Димдимыча:

— Димдимыч, а ты бы хотел иметь дедушку?

Дмитрий тяжело вздохнул и выразительно посмотрел на сына, а тот тут же включился в ответ на вопрос:

— Акимыч, только вы не смейтесь, но мне кажется, что я всегда чувствовал, что есть человек, который очень близок мне. Вы мне верите, да?

— Скорее да, чем нет, — задумчиво ответил Ходоров.

— Родители никак не могли меня понять, кого я имею в виду, — уверенно продолжал Димдимыч. — Я им тогда все про дедушку твердил и говорил, что он жив. — Димдимыч почувствовал толчок под столом, взглянул на отца и продолжил рассказ. — Мне всегда так каза-

лось. И знаете, я и позже не понимал, почему они так поссорились.

Димдимыч опять перевел взгляд на отца:

— Ты мне ноги отставишь.

— Видите ли, у сына иногда бывают довольно странные рассуждения, — осторожно пояснил отец. — Особенно тогда, когда он слишком долго играет на скрипке.

— Но эти «рассуждения», папа, иногда сбываются. Иногда я чувствую интересные вещи.

— Во сне! — на всякий случай уточнил Дмитрий.

— Да, к сожалению, я потом мало что могу вспомнить, но все-таки совпадения бывают довольно часто, — Димдимыч торжествующе посмотрел на отца.

— Это совпадения, — не хотел выдавать необычность сына Дмитрий.

— Вы верите в случайные совпадения? — спросил юноша Акимыча.

— Я верю тебе, Димдимыч. А насчет совпадений скажу только то, что знаю. Мать немецкого философа и психолога Карла Густава Юнга вела дневник необычных, случайных совпадений. Когда Юнг показал его своему авторитетному наставнику Фрейд, тот сказал, что это чушь. Но, заметьте! В конце своего научного пути Фрейд поделился, что если бы ему предстояло начать все сначала, он бы начал с парапсихологии. Вот так сквозь случайности пробивает себе дорогу необходимость. Не скрою, я удивлен и заинтересован, что вижу сейчас такого юношу.

— Я ведь не кажусь вам ненормальным? — перебил его Димдимыч.

— Ты не кажешься таким, а являешься им, только не обижайся сразу и дай сказать, — Акимыч сделал предупредительный жест рукой. — Вопрос в том, кого считать нормальным и что считать нормой. Таких людей и детей, как ты, раньше называли ненормальными, а сейчас считают нормальными и называют Индиго.

Вертер взял колбасу у мальчика и облизал его ладонь.

— Видишь, пес целует тебе руки. Он понимает, что ты не похож на многих других и любит тебя как сверхнормального! Я бы сказал сверхлюбит.

«Мир человеческий имеет четкую границу. Свои и чужие. Чужие могут стать своими, когда захотят любить и когда я полюблю их. Эта женщина, что поднимается сейчас по ступенькам, была чужая, а стала своя. Она кормит меня, чистит, ласкает. Но и я люблю ее и не обращаю внимания на ее резкий запах, который чувствуется уже на втором этаже», — подумал Вертер и, виляя хвостом, пошел к входной двери.

— Наверное, мама идет, — заметил реакцию собаки Димдимыч. — Вертер пошел встречать.

Михаил Акимович выпрямился и встал. Звонка в дверь не было, но все вышли встречать Елену.

— Дядя Миша, миленький, здравствуй! — Елена обняла гостя. — Ольга Леонтьевна сказала, что у нас такой гость, а я ушам своим не поверила. — Елена sluкавила, консьержка сказала ей о ростовском госте, и она думала встретить в квартире «папочку». Сейчас она обрадовалась Ходорову больше, чем он мог ожидать.

— А мы тут чаевничаем, — поспешил признаться Дмитрий, снимая с Елены плащ.

— Все понятно, — повела Елена носом к лицу мужа. — А я думаю, почему ты меня не встретил после спектакля?

— Это я помешал, Леночка. Нагрязнул к вам, как татары, без предупреждения, — засуетился Акимыч. — Я на конференцию приехал на два дня. Завтра уеду в Ростов. Больше дорога занимает, чем само дело, около полутора суток туда и столько же обратно, далековато вы живете.

Елена под села с мужчинами за стол, но тут же, оглядев содержимое стола, спохватилась:

— Коньяк почти кончился, есть нечего, сидят воблой об стол стучат!

— Минуточку, — вставил слово Акимыч, — рыбка наша, донская, прошу не оскорблять ее воблой.

— Ой, да это рыбец, знаменитый! — рассмотрела Елена. — Сейчас картошку поставлю варить!

Пока варилась картошка, выпили «за Елену Андреевну!». Она повторно предъявила гостю свое сокровище — Димдимыча, расхвалив его как самого лучшего скрипача на свете. Естественно, тому пришлось сыграть «Каприс» Паганини.

Вертер улегся посреди кухни, чуть вопросительно вытянув шею и положив голову на лапы: «Димдимыч — мой друг. Я рад, что живу рядом с ним. Я привык, что всегда сыт, что лежу на теплом ковре. Когда никого нет дома, я позволяю себе полежать на его кровати. Он догадывается об этом, но никогда не ругает меня. Мы гуляем с ним, и на улице я вижу таких же, как я, собак. Они голодны и напуганы, она боятся подходить ко мне, видя, как я силен и красив. Я понял: мы собаки, но мне

лучше, чем им. Поэтому я радуюсь тому, что имею. И не претендую на большее. Люди наоборот все хотят большего. Поэтому одни достигают, а другие завидуют им, становятся злыми и жестокими, а потом сплунут от этого».

С закуской затруднений не последовало.

— Картошечка, конечно, требует ручной работы, — хлопотала Елена, — но таковы условия игры «в рыбец». Извольте, мужчины, поработать и наливать.

— Как у тебя спектакль прошел? — посмотрел на супругу Дмитрий. — Ты перевозбужденная пришла после «Канавки».

— Ой, да нормально прошел, — не акцентировала внимание на своей работе заслуженная артистка России.

— Какой такой канавки, позвольте поинтересоваться? — спросил Ходоров.

— Ой, дядя Миша, да мы так окончание «Пиковой дамы»³³ называем, — смеясь ответила Елена своим певучим голосом, — сцену «У канавки», с летальным исходом.

— Ну, так за счастливый исход всех жизненных сцен, за здоровье всей вашей семьи! — Ходоров поднял фужер. — Мне, конечно, уже пора бы идти. Но чувство осталось, что я чего-то не договорил.

— Конечно, Акимыч! Вы обещали рассказать про детей Индиго, — Димдимыч подчеркнул последнее слово.

— Это дети, которых называют так за особый, си-не-фиолетовый цвет ауры, то есть невидимой оболочки вокруг тела. Но, наверное, не это главное. Не хочу загружать вас громоздкими жаргонизмами, скажу просто, что это дети нового сознания и стиля мышле-

³³ Опера П.И. Чайковского.

ния. Взрослые не всегда понимают их и часто не верят им. Но это удивительно творческие и интеллектуальные дети, которые, при всем при этом, непостижимым образом понимают мироустройство и обладают необъяснимыми способностями.

— У-у, какая у вас тут тема серьезная, — удивилась Елена.

— Это у вас в Питере сейчас эта тема фигурирует, вот и на нашей конференции она на одной из секций звучала. Видите ли, вся наша жизнь изменилась под влиянием науки, которая усиливает способность человека стать умнее, получать совсем другое развитие. А необычные дети — это и есть урожай онаученной культуры. Теперь идет речь о том, что человек изначально способен на большее, чем довольствовался раньше.

— Человек божественен? — насторожился Димдимыч.

— До тех пор, пока не присваивает себе власть и не определяет жизненные рамки общества под свою модель. А если начинает играть в Господа Бога, то становится обычным манипулятором.

Михаилу Акимовичу нравилось разговаривать с Димдимычем, но он все время думал, как найти подходящие слова, чтобы опять вернуться к примирению Елены и Николая:

— Здесь у нас, Лена, были разные темы, Дмитрий тебе расскажет потом, — произнес Михаил Акимыч. — Мне жаль, что с нами сейчас нет моего друга Николая Павловича, он бы порадовался вашему благоденствию...

— Как он там, жив-здоров? не женился? — сдержанно поинтересовалась Елена.

— Жив-здоров, не женился, работает в библиотеке — Акимыч смотрел на нее с готовностью отвечать на вопросы.

— В библиотеке? — воскликнул Димдимыч. — Разве он не сапожник?

— Ну, как же, всю жизнь им отработал, а теперь стал библиотекарем.

У Елены вопросов не было, она сказала только:

— Передавай ему привет.

— Обязательно, Леночка, — кивнул Акимыч. — И про внука расскажу, и про мужа, и про тебя. Это же такое событие, ты даже не представляешь! Но лучше, если ты сама ему позвонишь или приедешь.

— Нет, об этом ты меня не проси! Не могу я простить ему его пощечину, понимаешь? — она сразу вспомнила тот день, глаза Николая Павловича, горевшие огнем ярости, и еще более непреклонно добавила:

— Он даже не извинился за свою дикую выходку! — в ее глазах показались слезы. — Я чувствовала себя брошенной, отверженной. Он ни разу не поинтересовался, что со мной, как я живу! Он сначала приручил меня, а потом вытолкал в шею. И я должна перед ним заискивать?! Я должна его простить?!

За столом повисла тягостная тишина.

«Если люди плачут, это не значит, что они слабы. Так мне казалось раньше, когда я был маленьким, — думал Вертер. — Собака редко плачет. Собака плачет тогда, когда настал предел терпению и она хочет умереть, а не может. Человек часто плачет от своей собственной жестокости. Потому что не хочет научиться прощать».

— Какая ты категоричная, мама! — прервал молчание Димдимыч. — Давай я позвоню ему, мне не трудно.

— Блаженны миротворцы..., — попытался разрядить обстановку Акимыч.

Елена твердо посмотрела в его сторону и сказала:

— Если бы он прежде думал, что он делает, то никакие миротворцы ему не понадобились!

— Что ты хотела от него, мама? чтобы он был праведником? — вопрос сына прозвучал по-взрослому. — Человек, прошедший концлагерь, потом отсидевший на зоне ни за что, а я уверен в этом, должен был непременно сохранить веру в людей и иметь доброе сердце? Его предала страна, а он в нее наверняка свято верил, предала так, что он потерял всех друзей и родных, он должен был сохранить светлый облик?! Это — разбитый горем и идиотскими наказаниями человек. Разве он может быть сверхчеловеком при этой своей жизни?! Тебя не удивляет, как он не свихнулся и не пошел мстить за свои обиды и оскорбления? Как вообще сохранил человеческий облик и работает до сих пор?!

— Молодой человек, вы привели блестящий онтологический аргумент, — Ходоров восхищенно смотрел на подростка, не веря ушам своим. «Как глубоко и ярко он смог выразить то, что он, профессор Ходоров, собирался сказать за весь вечер!».

— Да, сынок, тяжело все это..., — потупила глаза Елена.

— Тяжела твоя холодность по отношению к нему, мама. И еще тяжело, что ты упрямо не хочешь ничего исправлять.

— Ты говоришь, как прокурор с предателем Родины.

— Не обижайся, просто давай все исправим!

Весна в Ростове-на-Дону отличается от питерской. Ходоров это ощутил уже в поезде на полпути к Ростовской области. Хмурое небо сменилось голубым и солнечным, проникающим в самую душу любителей дорожной романтики. Железная дорога вышла из леса и открывала степные просторы, охват которых сначала впечатлял, а потом надоедал из-за своей монотонности. Родное тепло проникало ночью через непроницаемые железные бока «Северной Пальмиры» и днем сквозь окна купе, открытые разгоряченными пассажирами.

Окутанный паром поезд пришел на станцию «Ростов-главный» в полдень. На первой платформе Акимыча встречала жена, вглядывающаяся в номера вагонов, которые, как объявил диктор, начинаются с головы поезда.

— Миша, я здесь, куда ты пошел! — закричала она ему, как только увидела, что он направляется в противоположную сторону.

— Шура! — Ходоров радостно побежал навстречу супруге. — Шурочка, солнышко, здравствуй!

— Давай эту сумку! — Александра Борисовна начала вырывать у него из рук большой пакет, — давай, говорю!

— Этот не отдам, там подарки, — отшутился Акимыч, — бери чемодан.

— Он неудобный, — не поняла шутку жена.

— Бери, бери! На! Чего ты не берешь? — куражился Акимыч, а потом поднял чемодан и пакет и понес к выходу, ворча догоняющей его Шуре: — Вечно, выставит напоказ, как беспомощного. Сама она поперет, видите ли!

— Ладно, не бухти, поняла уже, — говорила Александра Борисовна, быстро перебирая маленькими ножками в полусапожках, чтобы не отстать от него.

Когда они сели в автобус, Ходоров рассказал Александре Борисовне о своем посещении семьи Елены Александровой и добавил:

— Шура, ты знаешь, у них хороший сын, глубокий, талантливый, но что-то они скрывают. Я не пойму, на кого он у них похож. Чуть ли не на Кольку в юности.

— Какого Кольку?

— Зеленцова, какого еще. Странно все...

— Ты скажешь тоже! Может это и не их ребенок?

— Думаешь, приютили? — он отвернулся к окну и задумался. — Да нет, вроде бы и на Бланка похож...

Александра Борисовна в этот момент все-таки изловчилась и подняла загадочный пакет с подарками себе на колени и заглянула внутрь.

— Миша, а что за подарки?

— Ну, ты дае-е-е-шь, — нетерпеливо проговорил он. — Дома посмотришь!

— Ладно, дома, так дома. Ну, хоть сказать-то ты можешь? Сказать-то не тяжело!

— Вот ты любопытная! — покачал он головой, а потом приоткрыл пакет и показал пальцем. — Сверток видишь, там посуда.

— Какая посуда?

— Хрустальная. В поезде предлагали, дай, думаю куплю.

— Так что за посуда — тарелки, вазы...?

— Нет, сервиз коньячный.

— Тьфу! Зачем тебе сервиз потребовался для коньяка, что его из бутылки нельзя налить?

— Так это же подарок! Зеленцову Кольке подарок! — он подавил эмоции и добавил. — Я к нему сегодня в гости пойду.

— Сегодня? Только с дороги...

— А что я в дороге перетрудился что ли? Сегодня вечером и пойду, — утвердительно настаивал супруг, а потом произнес другим тоном. — Там на дне пакета серебро лежит.

— Серебро? Ложки, что ли?

— Господи, ну, что ты заладила: тарелки, ложки! Что у нас, ложек нет, чтобы их из Питера везти, за столько верст?

— Так ведь подарок, ты сам говорил.

— Тебе подарок! Брошка тебе и сережки — опять тебе.

Она запустила руку в глубь пакета, нащупала там пластмассовую коробку и заулыбалась, как ребенок. Акимыч, глядя на ее радость, удовлетворенно выдохнул:

— В «Пассаже» купил.

— Так ведь надо обновить, — затараторила жена. — Я тоже к Кольке сегодня с тобой пойду. Надену платьё

черное, с серебром хорошо будет. Прическу мою не замечаешь? — она отстранилась от мужа и покрутила головой, пока он не поднял вверх большой палец. — Ну, вот, а то я засиделась дома одна, а так хоть выйти в люди.

— Ладно, пойдем вместе, — соблаговолил к супруге профессор Ходоров.

День ощутимо прибавился. Когда Ходоровы вышли из дому в шесть часов пополудни, еще ярко светило солнце. В большом белом пакете с изображением государя на вздыбленном коне Михаил Акимович нес подарок для Зеленцова и гостинцы от семьи Александровых-Бланк.

— Привет питерцам! — встретил их хозяин.

— Здравствуй, Коленька! — защебетала Шура. — Миша не мог дома и дня усидеть, чтобы с тобой не повидаться.

— Принимай гостинцы со своей родины, брат! — Ходоров тепло обнял друга. — Да смотри, гостинцы не простые!

— Что-то тревожно, Акимыч.

— Чего ты всполошился?

— Так ведь «бойтесь данайцев, дары приносящих»³⁴, — хитро сощурился Николай.

— Начитался, грамотей. Нет там троянского коня! И встретили меня с распростертыми объятиями.

— Ну, давай, показывай, что привез.

³⁴ Из «Илиады» Гомера.

— Иди ты! А огурчиков положил, колбаски нарезал?

— Проходи, говорю.

— Тогда вот тебе, коньячный сервиз. Будешь пить, как аристократы, а не как пролетариат-гегемон, из горлышка.

Акимыч полез в пакет и медленно достал другой подарок. Это была очень красивая рамочка с фотографией, но которой, как розовый куст, расположились Елена, Дмитрий и Димдимыч.

Николай Павлович повернул рамку обратной стороной, но подписи на фотографии не было:

— Это ее семья? — взгляд его стал напряженным и сумрачным.

— Да, Колька. Только неправильно ты все формулируешь. Это твоя семья.

— Сын уже большой. Как зовут?

— Дмитрием, как и отца, а еще Димдимычем. Фамилия у него Александров, как у матери. Ему пятнадцать лет, он неординарный ребенок, но об этом чуть попозже. А это кто, узнаешь? — Акимыч ткнул пальцем в изображение Бланка. — Обидчик твой, враг твой лютый, которого ты убить хотел, а Лена не дала.

Николай всматривается в черты лица Дмитрия и смягчается:

— Да нет, не он. Значит, она все-таки замуж не за Бланка вышла.

Ходоров молчал, пораженный масштабом прошлого недоразумения. А Николай продолжал рассматривать фотографию:

— Русский человек, сразу видно. Красивый, северный тип красоты. Молодец, все-таки Ленка, послушала меня. А как она сама?

— Сама она цветет. Ей скоро на пенсию, а она Лизу в «Пиковой даме» поет.

— Ну и правильно, наш характер. Кто у нее муж по профессии, певец что ли?

— Коля, ты ослеп или прикидываешься? Это и есть Дмитрий Аркадьевич Бланк.

— Ты разыгрываешь меня. Это не Бланк.

— Это Дмитрий Аркадьевич Бланк, — монотонно повторил Ходоров.

— Он вроде раньше не таким был... — смутился Зеленцов.

— А ты... каким ты был, таким ты и остался...

— Ладно, надо выпить. Садитесь за стол, а то у меня что-то голова закружилась от этих разговоров.

— Коля, это давление, — тут же отозвалась Шура, — давай я тебе его сначала измерю, а потом уже будем думать, что пить.

Зеленцов сидит на диване, подоткнув под спину две подушки. Мысли его как головоломки, зацепившиеся в мозгу и никак не решающиеся. Жизнь удалась, имела свой смысл. Но ему не давала покоя бессмысленность конфликта с Еленой, а теперь уже и с ее семьей. Он отказался от прошлого, но ощущал его неизбежность. Ничего не было и ничего не осталось. Он замуровал свои чувства и сразу все потеряло какой-то глубинный смысл. Ну что стоит его работа, если ее взвесить на весах времени, с возможностью иметь семью?

На его шкафу стоят две фотографии в разных рамках. Подходя к первой и аккуратно смахивая с нее тряпкой пыль, он мог сказать: «Помню, мы ходили с Леной в театр на Елку...» Это была далекая история, которая вызывала очень приятные воспоминания. Отдельный эпизод в череде многих других. Слишком многое из тех воспоминаний потерялось, хотя его измученный мозг постоянными «как» и «почему» связывал лоскуты хороших моментов в единое целое и оно получалось довольно интересным — настоящее, вросшее в прошлое.

Но вот вторая фотография. Ее не надо очищать от пыли воспоминаний, она блестит настоящим и вызывает смятение души. Елена изменилась, она вознеслась так высоко, что стала далекой и чужой. Он должен гордиться ею, так ему скажет каждый, а у него опять мучительный вопрос о смысле всех его «отцовских» мытарств. Зачем было все это? Будущая жизнь представилась ему небольшим отрезком пути, конец которого очень близок. Он видел, что дом пустеет, в его вещах копошатся посторонние люди, его могила... Его могила здесь, в его сердце. Он не обвиняет ее, ни на что не жалуется, не требует отчета о взрослой жизни. Он просто хочет спросить: как она там?

Он всматривается в лица ее родных. Они ему неизвестны. И все-таки они кажутся невыразимо знакомыми. Что в них такого, что он о них знает? Ну, конечно! фотография похожа на ту детскую, где он, младенец, вместе с родителями — типовой семейный снимок. Только он, Николай Зеленцов, не вошел в этот кадр. Стоит ли начинать все сначала? Все происходит помимо нашей воли. Был шанс, теперь его нет. Никто не скажет, почему так получилось. Так надо и все. И теперь можно

сделать вид, что все эти люди на снимке его не волнуют. И фотография всего лишь красивый жест — на ней нет зовущей дарственной надписи. Фотография — это намек: жизнь тех, кто на ней изображен, удалась.

Картины, стоящие перед его закрытыми глазами, были не похожи на новую фотографию, они выдернуты из памяти его чернобелые воспоминаниями. У него много таких картин. Страдания последних лет вновь открывают клапаны желания иметь семью. Он снова смотрит на последнее фотоизображение. Он слишком честолюбив, чтобы страдать от одиночества, и независим, чтобы претендовать на их свободу. Но почему все-таки хочется спросить: как вы там? Энергия желания растет?

Он медленно размешивает остывший чай: «Я жил один и привык к этому, оттого что жил как все одинокие люди. Мне захотелось доказать, что я способен создать благополучие сам. И никто в этом не сомневался. Только я никак не мог понять, что во мне меняется. Видел, а понять не мог. А теперь этот «говорящий» снимок: «Ты скучаешь, дружище, по этим людям...» Я всегда был уверен, что жизнь не терпит повторений, но сейчас думаю, что эту истину можно уценить».

Глава 8.

«Бывает нередко такое, чего никак не ждешь»

*Сын не понесет вины отца,
и отец не понесет вины сына.
Иез. 18, 20*

Утро Елены Андреевны началось с неприятного общения об очередной командировке Дмитрия Аркадьевича.

— Сначала мы едем в Пятигорск. Там два концерта. Потом Кисловодск, Краснодар...

— Кавминводы — это хорошо, — старается быть спокойной Елена.

— А почему бы вам не поехать вместе? — свекровь мерно помешивает ложечкой чай. — А мы квартиру постоим с Димдимычем.

Елена молчит, стараясь не придавать значения неуместным репликам. Конечно, предложение в общем неплохое и спектакль можно было бы пропустить, но быть дома не на первых ролях — это не в ее стиле.

— У меня спектакль, — Елена ставит на стол бутерброды и краем глаза следит за реакцией свекрови.

Свекровь осталась при своем мнении и навязывать его больше не будет.

— Работа есть работа, — отозвался Дмитрий. — Кстати, Териковы вместе едут. А что! поездка не напряжная, можно и воздухом подышать.

— Леночка, да плюнь на все, и поезжайте вместе, — опять подключается свекровь. — Работа — это только часть жизни...

— Господи, а времени-то уже... Я опаздываю! — Елена вскакивает из-за стола и чмокает в щеку мужа. — Ладно, дорогой мой, до вечера.

Мать отвернулась, отложила в сторону ложку. Дмитрий замечает, что она как будто бы немножко похудела. Волосы ее стали равномерно серебристыми и она не закалывает их в узел, как раньше, а распускает по плечам. У мамы хорошие волосы, густые, пушистые, их не портит даже обильная седина. И лицо у нее по-прежнему светлое, нежное и еще не морщинистое, как у многих ее ровесниц. Только глаза в лучиках.

— Ты должен допить чай! — останавливает она Дмитрия за столом. — Дима, ты должен настаивать на своем счастье. Ты ведь хочешь, чтобы она поехала?

— Мама, у меня нет времени на нравоучения. Я должен идти на работу. Мне надо еще отвезти Елену.

— Дима, будь настойчивее и не отступай от своих желаний. Лена тоже могла бы считаться с ними. Ведь она воспринимает свои желания как должное...

— Но у меня нет никакого желания тащить ее с собой. Знаешь, в Тулу со своим самоваром...

— Ты не умеешь врать.

— Ну почему врать. Нелепо же постоянно навязывать свое общество.

— Дима, у тебя кто-то есть?

— Какая разница, мама, есть, нет... Мне пора.

Мать озадачилась другим поворотом дел. «Суетсяя они..., — думала она, — врут друг другу. Но, возможно, эта ложь временная».

Поезд подходил к Ростову-на-Дону в полной темноте. Опустив оконное стекло, Дмитрий смотрел на мелькающий огнями город. Край оконной занавески от встречного ветра бился ему в щеку, за спиной три пассажира готовились к выходу и о чем-то вели разговор, а он крутил в руках визитную карточку: «Ходоров Михаил Акимович... Ростов-на-Дону, улица Волкова...».

Дмитрий вглядывался в надвигающийся город до последнего момента, пока состав не замедлил ход у платформы вокзала. Он сдернул с верхней полки свою багажную сумку, вышел на привокзальную площадь и вдохнул терпкий воздух незнакомого города. Там он, не растерявшись перед назойливыми бомбилами, подошел к последнему из них и деловито назвал адрес. Он не согласился платить первую запрошенную цену, требуя половинной скидки, и, получив «добро», сел в такси, прильнув к окну.

Город виделся ему не таким, каким представлялся по рассказам Елены. По обеим сторонам дороги располагались кварталы домов, в которых жили десятки ты-

сая людей. Иногда они прерывались частным сектором, иногда нежилыми зданиями. Наконец машина переехала мост над неким водоемом и понеслась мимо многоэтажек. «Не здесь ли центр города? — подумал Дмитрий. — Вряд ли... Нет архитектурной старины. Совсем нет, новый район». Обогнув кольцо, по которому, несмотря на поздний час, бешено мчались один за другим автомобили, они остановились. Дмитрий вышел, огляделся по сторонам и подошел к подъезду дома, а потом поднялся на лифте на седьмой этаж.

— О-о-о-о! Дмитрий Аркадьевич! Дорогой! Добро пожаловать! Шура, к нам Дима приехал, Шура!

В проеме двери показалась невысокая пожилая женщина с настороженным взглядом.

— Вот, Шура, познакомься, это Дмитрий, Леночкин муж. Из Санкт-Петербурга, — Акимыч пропустил Дмитрия в единственную комнату, по пути ставя его сумку на стул. — Никак не могу привыкнуть к новому названию Ленинграда. Ты на гастроли в Ростов, сынок? Располагайся, у нас места хватит.

— Я возвращаюсь с гастролей по Кавминводам. Решил сделать крюк и завернуть к вам на денек.

— Всего на денек? — Александра Борисовна разочарованно замерла с расческой в руках.

— Я по делу приехал. И завтра в три часа дня мне надо уже выехать, чтобы не опоздать на работу. Помните наш разговор, Михаил Акимович?

— А то! И Николаю Павловичу рассказал про вас. И про Лену, и про Димдимыча, и про тебя. И фотографию передал. И оказалось, что он тебя не помнит, — Акимыч выдал новости газетной строкой.

— Как не помнит? — растерянно спросил Дмитрий. — А я как раз к нему намеревался... с извинениями. Думаю, если уж из-за меня вышла ссора, то мне и выкручиваться надо.

— Правильно решил, молодец! А то от них не дожدهшься, что Елена с характером, что Николай не уступает. А мы с тобой их все равно помирим. Я вот думаю, сегодня или уже завтра утром? Лучше, наверное, сегодня. Ты не против?

— Не против, конечно. Может, я у вас его адрес возьму и сам?.. — неуверенно произнес Бланк.

— Сейчас вместе поедem, — загорелся идеей Ходоров.

— Ты ничего другого не придумал? — Александра Борисовна всплеснула руками. — На ночь глядя человека из дома гнать.

— А ты, Шура, если боишься распорядок дня нарушить, оставайся дома.

— Нет, Миша, ты не в себе, честное слово. Кто с бухты-барахты дела решает? В такой час!

Но Акимыч распахнул шкаф, поднял вывалившиеся оттуда брюки и уже начал их натягивать на себя.

— Еще и в помятых штанах?! — ужаснулась супруга.

— Ты, Александра Борисовна, так ничего и не поняла. У них война идет больше десятка лет, им нужен мир, а я буду брюки гладить не спеша. Кто по тревоге форму гладит?! Без разницы, какая форма, лишь бы бойцы были в форме.

— А вдруг он спит? В такой час..., — попыталась зайти с другого фланга Шура.

— Э-э-э... В какой час? В одиннадцать? Ты видела, молодежь в это время только гулять выходит? — Акимыч, застегивая рубашку, посмотрел на Дмитрия. — Машину поймаем прямо у дома, у нас тут таксисты дежурят постоянно. А с Колькой только так и надо. Врасплох его застать и прижать к стенке. Дескать, какие у тебя там претензии к нам, а ну, предъяви! — он чуть остановился и перевел взгляд на жену. — В последний раз спрашиваю, поедешь с нами к Кольке?

— Ну халат-то надо переодеть, как ты думаешь?

— Она капуша, Дима, но без нее нельзя — давление, если что померяет и таблетку даст, — тихо сказал Акимыч, а потом крикнул из коридора жене: — Таблетки возьми, Шура.

— Да свои, открывай! — громко ответил Ходоров.

Дверь в квартиру открылась, и любопытные глаза высокого худощавого старика пробежали по Бланку.

Зеленцов кивком головы предложил войти, и ночные гости оказались в коридоре. Ходоров говорил возбужденно, его супруга тщетно пыталась понизить его громкость увещеваниями о позднем часе и отдыхающих соседях. Акимыч стихал, потом опять накручивался, пока, наконец, не осекся на полуслове:

— Чего ты нас в коридоре держишь? Мы уходить не собираемся. Веди нас в зал.

Все прошли в зал. Комната сдавлена дээспэшными шкафами из прошлого столетия, доверху набитыми книгами. Картины под стеклом дополняют обилие прямоугольных плоскостей.

Дмитрий поставил свою сумку возле дивана и сел рядом. Разговор шел напряженно. Дмитрий видел настороженные, вопрошающие глаза Николая Павловича и не замечал больше ничего. Он смотрел в эти глаза и от волнения односложно отвечал на вопросы.

Акимыч настоял на застолье. Пересев к столу, Дмитрий начал осматриваться. У другой стены книжные шкафы почти во всю стену. Пахнет старыми переплетами. Огромное количество книг. Из фанерного ящика между шкафом и стеной торчат какие-то железные палки, а на них розовато-желтоватые обувные колодки. Тень от бронзовой люстры падает на фотографию, стоящую на шкафу. Чей это снимок? Дмитрий вглядывается: Николай Павлович в длиннополном черном пальто и шляпе одной рукой прижимает к себе девочку в кроличьей шубке и шапке. «У нас нет такой фотографии Елены, — замечает Дмитрий. — На всех детских фотографиях она одна или с подружками, или с друзьями. Вот что странно».

— Сколько же мы с тобой не виделись? — Николай Павлович прямо смотрит на Дмитрия.

Дмитрий Бланк не видел Николая Павловича шестнадцать лет.

— Вот не подумал бы, столько лет... — По его взгляду Дмитрий понимал, что его появление не столько обрадовало, сколько испугало старика. Но вот его лицо стало спокойнее, он даже улыбнулся Дмитрию, как не очень близкому, случайно встреченному знакомому, и спросил:

— Какими судьбами?

— Был в Краснодаре, совсем рядом. Решил вас навестить...

— Благородно.

— Я подумал, не выгоните.

— А если б я к тебе приехал, выгнал бы?

— Приезжайте, не прогоню.

— Ладно, не обижайся. Что было, то прошло. Не хотел я, чтобы Лена в такой спешке замуж выходила. Да еще и за скрипача... Мне казалось, что за прок от этого ремесла? Жизнь в нужде...

— Да еще и с жидом... — осторожно напомнил Дмитрий.

— Ой, только еврейский вопрос сейчас поднимать не надо! — вмешался Ходоров.

Вопрос повис в воздухе. Зеленцов раскурил сигарету, затянулся и несколько другим тоном произнес:

— Знаешь, только в старости начинаешь осуждать бескомпромиссность молодости. А бежать от своей дури уже некуда...

Наряду с ершистым взглядом Зеленцова было в нем что-то такое, что обычно называют надежностью. Дмитрий это сразу почувствовал и расположился к нему.

Уставшие Ходоровы под утро вызвали такси. Мир был завоеван.

— Где мне лечь, чтобы часа два поспать? — спросил Дмитрий.

Николай Павлович ударил кулаком по подушке, лежащей на диване, и, пока вмятина медленно выпрямлялась, бросил сверху комплект нового постельного белья.

В полдень Дмитрий проснулся от канители на кухне. Он услышал, как струится вода, пыхнул газ, шипит масло на сковороде, позвякивает посуда. Ему стало неловко, что он до сих пор спал. Он встал с дивана и вышел в коридор.

Навстречу вышел Николай Павлович в фартуке и полотенцем в руках:

— Доброго утречка! — бодро поприветствовал он Дмитрия. — Давай приводи себя в порядок и за стол.

«Яичницу с колбасой пришлось готовить старику», — подумал Дмитрий, улавливая аромат и тщательно прочищая зубы.

От наличия блюд на столе Дмитрий онемел. Балык из осетрины, блюдо со свежими овощами и зеленью, жареная картошка, тарелка с корейской закуской и красная икра. Ко всему этому полагалась водка.

— Ну, что стоишь? Прошу. — Зеленцов показал на стул напротив. — Рынок недалеко. Пока ты спал, я сбежал и купил к завтраку. А то гости пришли вчера вечером, а есть нечего.

— Ну, с меня причитается..., — растерялся Дмитрий.

— Брось! Давай есть, а по ходу потолкуем.

Николай Павлович взял из литровой банки столовую ложку красной икры и запил ее вместительной рюмкой водки.

— Можно есть прямо так? — потянулся к банке Дмитрий.

— Так и надо. А ты думал, это наживка для рыбалки?

— Строго. Прямо как у Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй», — произнес как тост Дмитрий и выпил водку.

Ироническая самооценка понравилась Николаю Павловичу и он расхохотался. Нетрудно предположить, что после «разминки» разговор пошел спокойно и гладко.

За эти годы прошло много событий. Дмитрий фрагментарно посвятил Зеленцова в курс своей и Елениной деятельности, начал с рассказа о сыне, Димдимыче, о том, как он любит заниматься на скрипке, о чем мечтает. О том, что Дмитрий хочет видеть его успешным скрипачом.

— Как только на ноги встанет как музыкант, отдам ему свою скрипку, — похвастался он Зеленцову.

— Хорошая что ли скрипка у тебя? — поинтересовался Николай Павлович.

— Не просто хорошая, а сделанная руками знаменитого мастера. Был такой в Италии Гварнери Дель Джезу. Таких скрипок сохранилось несколько экземпляров в мире. Какие-то потерялись, некоторые, как музейные экспонаты, под стеклом. Так вот у меня...

— Лучше один раз увидеть. Она сейчас с тобой?

— Со мной. Я стараюсь не держать ее взаперти. Скрипка, как жемчуг, должна играть и сиять. Хотите посмотреть?

— Любопытно, — больше из вежливости согласился Зеленцов.

Дмитрий вернулся со скрипкой, открыл футляр и выпустил канифольный запах:

— Если заглянуть вот в эти отверстия — эфы, — показал Николаю Павловичу Дмитрий, — внутри черным шрифтом написано «Иосиф Гварнери сделал в Кремоне в 1734 году». На латыни написано, конечно. А рядом фирменное клеймо «I.H.S.». Это знаменитый гварнериевский шифр.

— Он означает..., — глаза Зеленцова ожили.

— Это сокращение от латинского выражения, то есть...

— «Иисус Христос — Спаситель», — обрадованно подхватил Николай Павлович.

— Точно! Еще эти буквы расшифровываются по-другому: «In hoc signo vinces» и трактуются орденом иезуитов...

— «Под этим знаменем ты победишь!» — точно перевел Зеленцов.

— Вы хорошо осведомлены в латыни! — удивился Дмитрий.

Зеленцов бережно берет из его рук скрипку и подносит ее к окну. Штора мешает ему, он резко дергает ее в сторону. Всматривается, направляет взгляд куда-то вперед, силясь вспомнить что-то очень важное. Опять смотрит на скрипку как-то сбоку:

— А это что за надпись, вот посмотри! — он возвращает ее владельцу.

— Внизу? — не глядя на инструмент, уточнил Дмитрий. — Это издержки времени. Кто-то, видимо, очень хотел увековечить и себя на этом инструменте. Может прежний владелец? не знаю, откуда эти «PZ»? мы пытались с отцом расшифровать, но... Монограмма в этом

месте не бывает, а ее гравировка матовая и сделана тонко. Возможно, скрипка была в ремонте и мастер оставил свой автограф.

— А прежний хозяин скрипки что говорил? — затаенно спросил Николай Павлович.

— Это скрипка моего отца, — заявил Дмитрий.

— Он был скрипач?

— Нет, он был владельцем скрипки.

— А такое возможно?

— Сколько угодно! Люди очень часто именно так и поступают — владеют скрипкой знаменитой марки и дают на ней поиграть талантливым скрипачам. Вот, например, Паганини именно так получил свою Гварнери...

— Твой отец сдавал ее в аренду?

— Нет, мой отец не сдавал.

— Почему, если можно было заработать на ней? — Зеленцов, казалось, торопил с ответом.

— Ну, не знаю, скорее всего, мать была против, — спокойно ответил Бланк, не понимая, почему Зеленцов так мусолит эту тему. — Я верну ее в футляр, хорошо?

Зеленцов, оставшись один на кухне, судорожно пытался понять, как скрипка его отца Павла Петровича Зеленцова оказалась у Бланка. «Мародеры забрали? — нащупывал ответ Николай Павлович. — Ну, да, дом пустой, «бери, не хочу» А как еще?». Волна неприязни подкатила к горлу Зеленцова.

— Да я и цену-то ее не знал, — появился на пороге кухни Бланк, — пока не закончил консерваторию и не начал крутиться в музыкальном мире. Мне ее не давали. Мать с нее пылинки сдувала.

— Сдувала, говоришь. Это что же значит, сам не ам и другим не дам? — произнес натянуто патристическим тоном Николай Павлович. — Так бы одни люди могли пользоваться, а другие получать удовольствие.

— Понимайте, как хотите, только она у нас лежала до моего совершеннолетия в искусстве.

«Странно для мародеров — забрать чужую скрипку из чужого дома и не только не продать ее за большие деньги, а и не прикасаться ней...», — подумал Зеленцов и вслух произнес:

— Интересный у вас в семье кодекс взаимоотношений. Твои родители живы?

— Отец умер, а мать жива. Живет в Мурманске. Всю жизнь работала на комбинате общественного питания, а сейчас на пенсии. Там и сестры у меня — близнецы. Но они обе замужем, живут с мужьями и детьми отдельно. Мать...

— Ты на мать похож? — неожиданно спросил Зеленцов.

— Да говорят..., — смутился Дмитрий. — Она родом из Вологодской области, поэтому мы с ней белокожие и светловолосые. Анастасия Ильинична, в девичестве — Круглова.

— Это что ж получается..., — вздрогнул Николай Павлович и уставился на Дмитрия.

Дмитрий понял это замечание по-своему:

— Получается, что я наполовину русский, как вам нравится... Николай Павлович, почему все-таки вы так не любите евреев?

Сердце у Зеленцова провалилось, и, стараясь не выдать своего волнения, он бросил на стол открытую пачку сигарет:

— Кури.

Дмитрий не курил, но отказаться ему почему-то было неудобно: «Еще неизвестно, что о нем подумает старик-антисемит». Он вытащил из пачки сигарету, Зеленцов щелкнул зажигалкой, и клуб дыма вышел из рта Дмитрия, спасительно заслоняя его от пронизательного взгляда хозяина.

Овладев собою и придерживаясь непринужденного тона, Зеленцов, наконец, сказал:

— Да, интересно девки пляшут...

— И все-таки, Николай Павлович? Ну, чтобы тему закрыть..., — настаивал Дмитрий.

— Ты про евреев?.. Ну, ладно, давай. Только чтобы дезинфицировать наши с ними разногласия. — Зеленцов посмотрел на кольцо дыма. — Понимаешь, Дима, у людей всегда есть разделения — «мы хорошие», «они плохие». Люди привыкли сравнивать даже тогда, когда и не надо этого делать. Например, сначала богатые хорошие — бедные плохие. Потом совсем наоборот — бедные хорошие, честные значит, а богатые — воры, значит плохие.

— А при чем тут евреи?

— Так ведь это принцип такой, поэтому и этнические типы всегда так разделялись. Вот евреи, например, считаются умными, трудолюбивыми, но при этом хитрыми, скупыми и «себе на уме». Образ такой сформирован под влиянием истории. Да и с ростовщицеством своим евреи этому образу помогли. Запущен черте

когда стереотип, перенесен на всех, и вот тебе уже и коллективное бессознательное: евреям быть позорно.

— Но надо понимать, что все люди разные, не может быть один как все...

— Я, Дима, когда из лагеря в товарняке ехал, я именно так и думал. Я тогда тоже был «плохой», как и все мы «не-герои». Я думал, почему я не достоин всеобщего уважения, ведь все по-разному и в плен попадали и вели себя там по-разному. Но я все равно был «чужим», как и те, что ехали рядом, — «предателем Родины».

— Тогда вы хорошо понимаете, как неприятно и тяжело быть изгоем, — Дмитрий вдавил окурок в пепельницу и прямо посмотрел в глаза своему собеседнику.

— Понимаю, — отвернулся к окну Николай Павлович. — Я за эти годы нажрался людского раздражения и хамства до отвала. А почему? Потому что кто-то должен был стать амортизатором всеобщей неустроенности. Одним надо было объяснить народу, почему война была долгой и такой кровопролитной — другие стали козлами отпущения. Долго искать не пришлось, нас там много было. «Они» — самая пагубная сила нашего государства. «Они» — воплощение всех пороков. «Они» — бездельники. Страна ждала праведной мести, а мы стали жертвоприношением. Потом подсчитали, что козлов больше двадцати миллионов, спохватились, что многовато на душу нашего блистательного народа. Сменили стратегию, дескать, интерпретация была такая! — Зеленцов махнул рукой. — Устал я от этого, понимаешь?

И мне хотелось быть «как все», ничего никому не объяснять и не быть должником.

— Отсюда и у вас этот образ врага?

— У меня?! Я в свое время утратил веру в такое единомыслие. И, представь себе, в голубом тумане телевизора умею видеть больше, чем там показывают. Нет, это большое желание уйти от разных образов и интерпретаций. Ты не думай ничего такого. На самом деле у меня тогда был совсем другой предмет неприязни. Не понравилось мне тогда, что ты вроде на Елене женишься, только если я вам квартиру куплю в Ленинграде.

— Я?! Я не претендовал ни на чью квартиру. Я знал, что получу ее от театра. С чего это вы взяли? Мы даже не обсуждали с ней эту тему! Сначала жили на съемной, а сейчас в собственной.

— Хитромудрая она...

— Женщин понять трудно. Тем более, что она, как мне кажется, вас любила. Не как дочь. Может быть я тоже что-то надумал... Но я даже ревновал.

— А за тебя она замуж выйти сразу согласилась?

— Мы поженились через месяц после нашей с вами размолвки. Но о квартире речи не было.

— Я понял. Спишем на ее артистичность.

— Николай Павлович, а ваша родня... Кто-то остался в живых?

— Даже страшно надеяться, — Зеленцов опять внимательно посмотрел на Дмитрия. — Но главное, что мы с тобой нашли и поняли друг друга.

Невесть откуда свалившееся открытие изменило отношения между Николаем Павловичем и Дмитрием, они

стали сложнее, чем были до того. Тайна, которую несла в себе скрипка Гварнери с дописанными буквами «PZ», сковала мысли Зеленцова. Он должен был скрыть то, как ему захотелось погладить остроконечные буквы инициалов, как захотелось рассказать их смысл и о прежнем владельце «Гварнери». Душа его ликовала оттого что он увидел свое прошлое и будущее — это был великий день в его жизни. Но теперь ему надо быть очень осторожным, чтобы не спугнуть свою удачу и не потерпеть разочарование. Он должен стать двулик, как Янус.³⁵

Николай Павлович невольно сделался сдержанным, и в разговоре с Дмитрием у него возникло внутреннее напряжение, внешне, может, и незаметное, но ощутимое для него самого:

— Когда у тебя день рождения?

— Первого августа.

— Так это вот уже, скоро. И сколько тебе будет?

— Пятьдесят четыре года. Мы с Леночкой ровесники.

— Так ты с сорок третьего? А что, отец не воевал?

— Воевал, но его забрали на фронт в сорок третьем.

— В начале войны, молодой еще был...

— Его не забирали до тридцати семи лет, «до особого распоряжения», был задействован на военном заводе.

Зеленцову ничего не удалось выяснить подробнее, кроме года и месяца рождения Дмитрия. «Меня забра-

³⁵ Древнеримское божество, устремленное одним ликом в прошлое, а другим в будущее.

ли 20 февраля, а он родился 1 августа 1943. Выходит, у нее уже три с половиной месяца беременности было? Ничего же не заметно было, и она молчала», — подсчитывал Николай Павлович. — Может он и не мой? Сказок не бывает...»

С далеким чувством нежности Николай Павлович пытался представить себе их с Настенькой семейные отношения. И не мог. Они не стыковались. Или может быть, ему не хватало воображения. Он не мог представить сидящего напротив очень взрослого человека маленьким мальчиком. Хотел думать, как о сыне, и не мог.

Длительное одиночество ведет к эгоизму. Он привык думать только о себе. Переболел, перелюбил, перехотел, пережил.

«Значит, Бланк вернулся и женился на ней. С ребенком взял. Моим...», — горькая мысль, как змея крепко сдавила сердце. — Я бы все равно опоздал на семь лет».

— Так отец у тебя моряк, раз вы в Мурманске жили?

— Он не моряк. Он был врачом-стоматологом. Специальность, конечно, уже после войны получал. А в Мурманске, ну, жили и жили, не всем же в столицах проживать. Кстати, очень хороший город.

Зеленцова охватило неосознанное чувство соперничества. Отодвинутая в самый дальний угол души мысль о Насте вырвалась наружу. Ее образ возник вместе с образами «той» жизни, когда ему было беззаботно хорошо. Девочка с пепельными волосами и белой кожей, наивные разговоры, чистые чувства... Он понял свой промах. Он должен был ее найти и за-

брать к себе вместо того, чтобы спрятаться и чего-то ждать.

«Воздаяние неотвратимо. Сначала думаешь, что «проживем и так, как распорядилась судьба». Потом, когда женского населения гарантированно больше, появляется другая мысль: «На наш век баб хватит». А сейчас просто тяготишься своей независимостью, будь она проклята!»

Как ни обидно, а Николаю Павловичу приходилось выкручиваться, чтобы не заикнуться о своей связи с Настей. Речь шла не только о его личных чувствах, но о жизни и чувствах женщины, родившей и вырастившей его сына. В конце концов, Зеленцов не знал, почему Настя вышла замуж за Бланка, и говорить о своих догадках было бы преждевременным.

— Как мать себя чувствует?

— Спасибо, нормально. Не жалуется, а там все может быть..., — Дмитрий сосредоточился на своих мыслях.

— Она приезжает к тебе в Питер?

— Бывает. Раз в год точно. — Дмитрий осторожно, словно опасаясь ранить словом, произнес. — Вот ведь распределение в жизни бывает: я не коренной петербуржец, а живу там целую жизнь. А вы родились там, а всю жизнь живете в Ростове...

«Как же так?! — рассеянно слушал его Николай Павлович. — И мы ни разу не виделись? Наверное, ей обо мне ничего не рассказывали. А фотографии? Неужели

она не узнала меня по фотографии? Не может быть! Может, и узнала, а сделала вид, что не знает...»

— Представляю, что обо мне думает твоя мать?

— О вас? — Дмитрий замялся, подтверждая опасения Николая Павловича.

— Ну да. Вы ведь рассказали ей про страшного злодея, который...

— Лена попросила меня ничего не рассказывать матери еще в день нашей свадьбы. Вообще ничего, чтобы не вызывать у нее... излишнее чувство беспокойства.

— И ты не рассказывал ничего? — недоверчиво спросил Зеленцов.

— Мать знала только долю правды. Она знала, что Елена сирота. Мы ведь не совсем заврались?

— Не совсем... И она даже не попросила показать фотографии?

— А вот фотографии у Елены только Андрея Сергеевича и Натальи Максимовны. Вашей почему-то нет.

— Вычеркнула, значит, меня из жизни Леночка. — Зеленцов произнес эти слова резко, но душа его в этот момент расправилась: «Не прячется Настя от меня. Она не знает о моем существовании».

Он взял с книжной полки рамку с фотографией семьи Бланк, посмотрел на нее и поставил на стол. Потом подошел к раскрытому окну, чиркнул спичкой, сложил руки лодочкой и раскурил сигарету.

— Я тебе не предлагаю, ты ведь не куришь, — произнес Зеленцов, повернувшись спиной к Дмитрию. — Это правильно. О здоровье надо думать.

— Да, я некурящий, — сознался Дмитрий. — Да, как-то нет необходимости.

— Ходоров говорил, что у сына твоего, Дмитрия, фамилия не твоя. Не хочешь говорить, не надо...

— Димдимыч носит фамилию Александров. Мы когда-то так решили. Два скрипача по имени Дмитрий должны же отличаться хотя бы фамилией!

— А твоя мать не против вашего решения была? Вот я бы не разрешил, — как бы невзначай уточнил Николай Павлович.

— Во всяком случае, из-за этого в доме не было ералаша.

— А из-за чего у вас бывает ералаш?

— Ну, раз уж мы с вами откровенны, то из-за приступов болезни Димдимыча.

Зеленцов вернулся к столу:

— Он чем-то болен?

— Честно говоря, отчасти поэтому я здесь. Раньше он каким-то непостижимым образом знал о вашем существовании и переживал наш с вами конфликт. Понимаете, Димка слишком эмоционально реагирует на жизненные события, слова, поступки. Но я чувствую, что причиной их является переживание родственного конфликта. Вероятно, такая реакция и дала нам сомнамбулизм.

— Он сомнамбула?! — прокричал Зеленцов. — Это такая редкость. Я не помню, чтобы в нашем роду...

— Мы не афишируем этого. Чаще таких, как он, называют лунатиками, их боятся, сторонятся. — Дмитрий горько усмехнулся. — Опять же он не такой, как все. Как вы или я. Он ходит во сне, когда чем-то сильно

впечатляется, когда безответно влюбляется, когда расстраивается...

— И ничего нельзя исправить?

— Пробовали гипноз, но его хватает на некоторое время. А транквилизаторы, знаете ли, не безвредны. Но его организм не дисфункционален, он функционирует по-другому. Димдимыч по-другому видит и слышит мир. Он не просто одаренный мальчик, который прилежно занимается музыкой и поэтому достигает похвалы своих учителей. Он неимоверно легко достигает того, что ему никто не преподавал. Его знания и умения — это невидимая цепь озарений.

— Тогда почему у вас с Еленой это вызывает волнения и, как ты сказал, ералаш? Ты, по-моему, гордишься им.

— Мы с Еленой работаем по очень плотному графику, «держим удар», и при этом всегда начеку, в напряжении от страха, что сын может нанести себе различные повреждения во время ночных блужданий по квартире. Кстати, мы живем на четвертом этаже.

— Он просто так ходит?

— Да нет же. Например, он может начать играть на скрипке.

— На «Гварнери»?

— На своей скрипке. Но она среди ночи тоже звучит — будь здоров! «Гварнери» я обычно держу в футляре и под замком в шкафу, чтобы он ее ненароком не испортил.

— Он играет набор звуков? — Зеленцов вспомнил, как однажды «Гварнери» неистово играла у его матери.

— Играет он во сне очень хорошо. Это не удивительно — у него уже есть автоматизм игры, а во сне он играет космически красиво. Невероятно музыкально! Но как сам факт игры в час или в два часа ночи объяснить соседям? В это время может заниматься только сумасшедший...

— Но он ведь не сумасшедший, — тоном адвоката сказал Николай Павлович.

— Конечно, нет. Это мы с Еленой — два сумасшедших оттого что все время создаем ощущение беззаботного праздника. Видим, что он начал уединяться в минорных ладах, — начинаем сразу бубнить про радости жизни. Девочка не реагирует на его звонки — вспоминаем «чем меньше женщину мы любим...». И собаку купили... — Дмитрий сокрушенно покачал головой. — Но я приехал к вам не за советом. Я хочу исключить все конфликты, которые были и есть в нашем окружении. Мне кажется, да и Елене тоже, он видит какую-то внутреннюю сущность нашего конфликта и не по-детски реагирует на нее. Он видит глубже причину той бытовой ссоры.

— Да что нам докапываться до первопричин? — Давай за нас! — Зеленцов стремительно проглатывает рюмку водки и сидит с закушенной губой, приходя в себя. По лицу его ползет румянец. — А знаешь, Дмитрий, мне даже нравится, что он не такой, как все. Думающий, что ли... Молодец, Ленка, не пенсионера родила!

— Николай Павлович, — собрался с мыслями Дмитрий, — вы приезжайте к нам в гости, ладно?

Зеленцов почему-то оттаял. Может, водка, а, может, ушла усталость от накопившихся обид или все вместе.

— Подожди, сынок, мы с тобой на посошок еще не пьем. — Зеленцов прикоснулся к руке Дмитрия и сжал ее с мыслью: «Природа все равно сделает тайное явным, даже если мне придется какое-то время притворяться другом семьи», а потом добавил. — Вообще-то я хочу с ним познакомиться. Лады! Приеду! Прямо сейчас не могу, но обязательно приеду.

— Я, честно говоря, не думал, что мы с вами когда-нибудь увидимся, сложные были времена.

«И я думал, что у меня уже ничего в жизни такого не будет. Не поверил, что можно вернуть все земное... А тот сон оказался в руку! — Николай Павлович улыбнулся грустной улыбкой. — Не-е-ет, старик, беги лошадка по кругу, коси глазом на шелковый занавес, который прикрывает от тебя настоящую жизнь».

— Да-а-а... Каждому поколению — свое, — сбивая привычную хрипоту, произнес Зеленцов.

На семьдесят третьем году жизни Николай Павлович Зеленцов вновь почувствовал запах и вкус жизни. Лежа в своей кровати, он думал, будто бы эти годы безнадёжного ожидания навалились на него опять.

Он привык к одиночеству и уже не боялся его. Но когда он узнал, что Настя жива и не где-то там далеко, а в реальной близости, только протянуть руку, он понял, что его любовь не смогли убить ни время, ни тяжелые испытания, и его надежда возродилась.

Слеза текла по щеке от внезапного и опять запоздалого прозрения: «Почему я не сказал Дмитрию правду?» Хотел ведь сказать: «Не уезжай. Останься со мной. Мне надо сказать тебе, что ты мой сын. Ты не Дмитрий Аркадьевич Бланк. Ты — Зеленцов Дмитрий Николаевич». На вокзале он даже приготовился было вот так напоследок ляпнуть...

Николай Павлович сдержался. «Струсил! — ударил он себя по лбу. — Надо было вместе с ним и ехать в Петербург. А я: «обязательно приеду!» Дурак! Старый трусливый дурак, так мне и надо! Фиговая конспирация, кому она нужна?! Можно было взять билет и в поезде все рассказать... Да что там трястись двое суток на поезде? на самолете — два часа и там. Сейчас бы уже с внуком познакомился, а я здесь сижу...». Он знал, что любовь не бывает беструдна и нежертвенна. Чтобы любить, надо быть смелым и умереть ради спокойствия и счастья другого.

«Нельзя медлить, надо налаживать отношения... со своей семьей», — наконец нашел он формулу своего спокойствия.

Глава 9.

«Надеюсь на лучшее»

Все наши беды происходят оттого, что мы пользуемся тем, чем надлежит наслаждаться, и наслаждаемся тем, чем надлежит пользоваться.

Августин Блаженный

В своем неумном стремлении «быть в строю» Елена Андреевна даже не заметила, что Дмитрий Аркадьевич на пару дней задержался на гастролях:

— Как прошли концерты? — чмокнула она в щеку мужа.

— Прошли на прошлой неделе.

— Ты не предупреждал, что задержишься, — сделала гримасу супруга.

— Я думал, что дома мне всегда рады, — уклончиво отвечает супруг.

Елена остолбенела:

— Нет и все-таки, где же ты был?

— Вот телефон. Можешь позвонить и проверить, там ли я был.

— Это что-то новенькое в практике твоих измен, — она взяла листок с номером в руки. — Номер не питерский. Чей это телефон, Митя?

— Это телефон импресарио, который занимается комплектованием штата в симфоническом оркестре Дюссельдорфа. Меня туда официально пригласили на работу. Где-то в сумке лежит контракт. — Дмитрий говорил легковесно, но Елена поняла, что он совершил очень серьезный шаг. «Значит, для него эта поездка была еще и определяющей? Теперь понятно, почему он не настаивал на моем присутствии». Взяв себя в руки, она решила все как следует уточнить:

— Где ты прослушивался?

— Я не студент. Это было собеседование. В Пятигорске.

— И на какой срок они хотят заключить с тобой контракт, на сезон?

— Нет, это предложение постоянной работы.

— Невероятно! — Елена почувствовала невесомость. — Ты мне никогда не говорил, что собираешься уехать из страны.

— А я и не говорю. Это предложение и все. Это признание моей состоятельности как артиста, понимаешь?

— И поездку в Германию ты вообще не планируешь? — она недоверчиво посмотрела на него.

— Не волнуйся, солнышко, планировать мы будем вместе, — Дмитрий похлопал ее по руке. — Контракт еще не заключен, и я не уверен, что хочу его заключать.

— Как не уверен? Это же хороший шанс зарабатывать приличные деньги!

— У нас с тобой и сейчас приличные деньги, — Дмитрий спокойно посмотрел на нее.

— А будет еще лучше! Кстати, а для меня там что-нибудь найдется, как ты думаешь?

— По всей Германии, тут и там, — Дмитрий начал куражиться, — в самых живописных уголках столичного пригорода расположены немецкие кирпичи. В них сладкоголосо поют бюргерские дочки тоню-ю-ю-ю-юсенькими бесцветными голосками. Ты затмишь этих серых воробышков мощным драматическим звуком и своей монументальной программой «Дашь Орлеанскую деву!»

— Ты считаешь, что мое место уже в церкви?

— Нет, дорогая, не только. В Германии есть и сеть музыкальных образовательных учреждений, в которых получают первые навыки пения все те же бюргерские дочки и сыночки. Ты можешь им привить нижнереберное дыхание и звукообразование, свойственное непревзойденной русской академической школе.

— Вот уж в музыкальную школу я идти не хочу.

— «Лучшие деньги» — это процесс. Но ведь ты не будешь искать легких путей, правда?

— Твои шутки надо понимать как отсутствие приличной работы для певицы? — расстроилась Елена.

Дмитрий понимал, что больше всего потеряет Елена. В ее возрасте с растрепанной нервной системой найти работу в европейском театре — это утопия. Елена тщеславна, на роль домохозяйки не подходит, и, хотя сейчас ее глаза горят желанием поехать за границу, она не представляет себе, насколько сильным будет ее разочарование. Дмитрий колебался в принятии решения и поэтому беспечным тоном, но больше самому себе, чем ей, сказал:

— Господи, ну что ты мудришь? Есть у тебя приличная работа. Можешь попробовать преподавательскую практику, а уж потом рваться на зарубежные заработки.

— Это значит, что ты поедешь в Дюссельдорф без меня, один?

— Это значит, что я не собираюсь никуда ехать.

Дмитрию хотелось поработать с новым составом музыкантов и почувствовать драйв от смены обстановки. В его мысли о новой славе ворвалась реплика жены:

— Но, Дима, а как же Димдимыч? Ты забыл, что его надо устраивать на учебу, на работу?

— Димдимыча? Устраивать? Ты с ума сошла! Он сам поступит в любой музыкальный вуз страны.

— Без «Гварнери»? — осторожно спросила Елена.

— Естественно. Вот чудачка! Он умеет играть, а я должен хлопотать о его зачислении?! И Димдимычу лучше учиться здесь, а не за границей. Объяснять «почему» тебе, надеюсь, не надо.

— Дима, подожди. Давай поговорим спокойно.

— Давай, Лена.

— Тогда ответь мне на вопрос, что ты теряешь, если подписываешь контракт, например, на один год?

— Этот контракт заключается не на один год, это другой контракт, как ты не поймешь?

— Ты хочешь сказать, что не сможешь вернуться обратно в свой оркестр?

— Вернуться, я думаю, я смогу. Но зачем мне уезжать, чтобы вернуться?

— А зачем ты тогда проходил собеседование?

— Ты стала еврейской женщиной, отвечая вопросом на вопрос.

— Конечно, стала. Кроме того, я стала рассудительной матерью, которая знает, что именно в Германии отличная школа психоанализа еще со времен Фрейда. Да разве только Фрейдом гордится немецкая психология?! Димдимычу нужна психологическая помощь.

— Тогда мы можем поехать и не на работу, а на психологические консультации и занятия. Так ведь? — логично рассуждал Дмитрий.

— Легко сказать «приехать». Там надо жить и знать все ходы и выходы. Это совсем другие деньги. Не отвергай это предложение, пожалуйста! Тебя ведь неспроста пригласили! Это шанс!

— Это предложение как марафон. Как эстафета, в которой побеждаешь и уже от факта победы получаешь удовлетворение. Я обошел остальных, представляешь? — у Дмитрия порозовело лицо. — Это еще и практика, потому что ты играешь, как на конкурсе, когда знаешь, что тебя оценивают профессионалы.

— Вот видишь! — Елена воодушевилась. — Тебе нужен свежий заряд. Ты засиделся здесь!

— Предложение, конечно, престижное. Но один я не поеду. А как же ты?

— Димочка, ты думаешь, я буду держаться за пенсию, за пять тысяч? Я поеду с тобой и с Димдимычем. Я согласна даже учить петь бургерских деток. Зато мы обновим свою кровь новыми эмоциями, впечатлениями, друзьями. Не отказывайся от этого контракта!

«Она тоже боится остаться здесь без работы. Она боится, что ее однажды выпрут из театра, как ненужную вещь, и дома она сойдет с ума от личной нереали-

зованности, — подумал он. — Почему бы и не уехать от такой судьбы?»

— Лена, но у меня еще одна новость.

— У нас день неожиданностей! Хорошая?

— Очень хорошая. Я был в гостях у Николая Павловича Зеленцова.

Улыбка сошла с вдохновенного лица Елены Андреевны:

— Ну, почему, когда я стою на пороге новой жизни, всегда появляется «папочка»? — она слащаво произнесла последнее слово и тяжело вздохнула. — Что ты там делал? Заметь, и опять без предупреждения. Говоришь «мы», а решаешь вопросы сам.

— Я не хочу, чтобы ты в спешке спотыкалась о порог своей новой жизни. Лена, мы с ним поладили.

— Пустой номер, — она печально улыбнулась. — Твоего усердия не оценят. Он занят собой. Он твердолюбый и бескомпромиссный.

— Мне он таким не показался. Он умен и добр.

— Это потому, что он по-ка-зал-ся. Он не есть такой.

— Знаешь, я видел вашу с ним фотографию. Ты там совсем маленькая девушка.

— А-а-а! Знаю, мне там девять лет. Я в кроличьей шубке и шапке.

— Лена, а почему у нас нет ни одной его фотографии? Он там, кстати, смотрится очень rispetабельно. Ты не должна его стесняться.

— У меня были фотографии, где мы вместе с «папочкой», но я их на нервной почве порвала.

— Ты так безапелляционна с ним, что у меня возникают подозрения, уж не влюблена ли в него ты была?

— С чего это ты взял такую глупость?

— А что, он видный мужчина, умеющий держать себя. На сколько он тебя старше?

Елена натужно засмеялась:

— Он с двадцать шестого года, — нарочито прошамкала она челюстями. — На восемнадцать лет.

— Ну, и что тут такого. Моя мать была моложе отца на двадцать лет.

— Не знаю, что там было у твоей матери, а я в «папочку» влюблена не была.

— А в глазах у тебя сейчас, — он притянул ее лицо, — чертики бегают. Значит, ты мне врешь!

— Ну, ладно, может быть в самом начале и то — самую малость!

— А он на тебя — ноль внимания. Ты и так и сяк, а все мимо, — смеется Дмитрий.

— Он умел дать понять, что ему не нравится человек! — намекнула Елена.

— Что ты так смущаешься? Это было так давно, пора бы все пересмотреть и простить друг другу. Вот мы с ним друг друга поняли. Классный мужик. Он обещал приехать к нам.

— Когда?

— Осенью, когда будет в отпуске.

— Слава богу, что не сейчас, — она услышала, как неестественно звучит ее голос. — А то у Димдимыча и вступительные экзамены, и контракт. Ты не рассказал ему о контракте?

— Димдимычу? Я только приехал, мы еще толком не виделись.

— Нет, «папочке». Вы же там долго разговаривали.

— Нет, какой смысл? Я еще не знаю, поедем или нет. Кстати, если ехать, то осенью.

— Ну и что, поедем!

— Тогда я прошу тебя съездить к нему. Вместе с Димдимычем.

— Ага, мы уедем, а ты останешься с Вертером, будешь его водить на прогулки утром, днем и вечером?

— На это время мы пригласим маму...

В связи с новой перспективой жизни Николая Павловича Зеленцова не грех вспомнить известную теорему Уильяма Томаса: «Если что-то мыслится реальным, оно имеет реальные последствия».

Аукающие гудки телефона разбудили семью Бланк в восемь утра. Хрипловатый голос с ростовским акцентом поздоровался и спросил Дмитрия. Димдимыч крикнул в спальню родителям, но голос остановил:

— Подожди! А ты Димдимыч?

— Да, а вы?

— А я дедушка из Ростова-на-Дону, который тебя никогда не видел, но который знает, что ты очень хороший парень.

Димдимыч понес трубку в свою комнату:

— День сюрпризов! — громогласно воскликнул он. — Я обвожу его в календаре красным кружком.

— Как поживаешь?

— Неплохо, а ты?

Николай Павлович не ожидал, что его так быстро назовут на «ты», но это оказалось очень приятно:

— И я, но хочу тебя видеть. И слышать. Ты же сыграешь мне на скрипке? Я люблю слушать скрипку.

— Классно! Я тоже не люблю баян, как и ты.

— Я не сказал, что я не люблю баян.

— Я и так понял.

В комнату вошла Елена и прошептала над ухом Димдимыча: «Димка, кто это звонит?»

— Мама, это звонит дедушка из Ростова-на-Дону. Помнишь, я тебе о нем говорил — он не умер. Он предлагает встретиться.

Елена округлила глаза, замахала руками и громко зашептала: «Да, тише ты, тише! Что ты так орешь?».

Трубка возмутилась:

— Кто это меня там уже отпевал?

Елена услышала ответ Николая Павловича, опустилась в кресло и замерла, прислушиваясь к разговору:

— Это же здорово, воскресать, а, дед? — замыл Димдимыч.

Зеленцов ждал аналогичного вопроса, но ответ у него все-таки получился другой:

— Как сказал бы гражданин Репин, «не ждали»...

— Ты зря сердишься, — Димдимыч разговаривал с ним, как с другом. — Разве родных могут не ждать?

— С чего ты взял, что я тебе родной дедушка? — Живо поинтересовался Зеленцов.

— У меня нет другого выбора.

— И у меня тоже.

— Ты хочешь, чтобы я тебя спросил, ждал ли ты моего звонка?

— Ты спросил, я отвечу: не дождался.

— Я любил тебя, несмотря на то, что ты отсутствовал в моей жизни все эти годы.

— Спасибо! Поэтому у меня еще нет памятника на кладбище.

— Значит, нам пора встретиться. Ты как?

— Думаю, что это может получиться, — Зеленцову непривычно отвечать почти без пауз.

— Конечно, получится, мы же референдум по этому поводу не будем проводить?

— Короче, когда ты выезжаешь?

— Сюрприз будет покруче, дед: мы нагрянем вместе с мамой. — Он отодвинул от себя трубку и громко спросил мать. — Да, мам?

Елена от неожиданности кивнула, а Димдимыч сразу продолжил:

— Как только результаты вступительных экзаменов в консерваторию будут известны, так мы у тебя. Впрочем, дед, загружай холодильник и застилай кровати в своем замке. Люди мы хоть и не меркантильные, но лучше уж сразу сказать, что поесть и поспать любим.

— Не бойсь, не оголодаете! Приезжайте. — Николай Павловича распирало от радости. — Телеграмму дайте..., — но в трубке уже послышались короткие гудки.

— Чем объяснить твою настырность? — психовала Елена по поводу желания Димдимыча взять с собой собаку.

— Сочувствием.

— К Вертеру. Мне ты не сочувствуешь?

— А почему я тебе должен сочувствовать? Ты не вызываешь сочувствия, даже если ты поведешь Вертера. Вы убойно будете смотреться! — Он показал жестами,

как это будет выглядеть. — Нет, мама, это слишком красиво. Вертера поведу я сам.

— «Дама сдавала в багаж...», — Елена развела руками, — это безумие ехать на неделю, через всю страну и с огромной собакой. Ты думаешь, Вертеру будет легко вынести такое путешествие?

— Вертеру будет легко с другом, ему без друга трудно.

«Надо же мне было докатиться до такого идиотизма, чтобы ехать неизвестно куда и зачем с этим конем?» — негодовала Елена в аэропорту, искоса поглядывая на собаку и толкая по мраморному полу поскрипывающий колесиками чемодан-трансформер.

— Собака поедет в отдельном помещении, — контролер отдал паспорт о прививках Димдимычу.

Интонация распоряжения не предполагала случайностей, Вертер это понял и вздохнул шумно и озабоченно: «Димдимыч мой друг. Если он меня сдаст в багаж, значит, так нужно. Страшно, но нужно терпеть. Он не забудет меня там». Димдимыч взял в ладони морду собаки и прошептал: «Вертер, друг, потерпи немножко. Только два часа и все, лады?»

Самолет разбежался, поднялся в воздух, лег на крыло, потом взмыл выше облаков. Вертер пьяными глазами сонно осматривал багажное помещение. Тошнота прошла, он положил голову на лапы и сделал вид, что спит. Где-то далеко от него по салону ходили улыбчивые стюардессы, приносящие воду в пластмассовых чашечках, а пес всем своим телом ощущал гудящее движение незнакомой машины. Когда самолет толчком коснулся

посадочного бетона, Вертер поднял голову, глаза его на секунду открылись. Он проверил, на месте ли мир, и снова лег ждать.

Вертер, виляя хвостом, встретил Димдимыча и его мать, испытывая странное чувство нереальности всего происходящего. Они вышли из аэровокзала, сразу сели в такси и поехали. Пейзаж за окном не захватывал воображение Вертера — дома, улицы, очень похожие друг на друга, иногда казались стоящими на месте. Их обгоняли то слева, то справа такие же похожие одна на другую машины. Вертер принюхивался к сухому и теплому воздуху города Ростова-на-Дону и тревожно думал: «Что будет дальше?»

Был полдень августовского выходного дня. Из подъезда дома Николая Павловича вышла женщина с сумочкой наперевес. «Не соседка ли? — подумала Елена. — Не заинтересовалась, значит, мы с ней не знакомы».

Они вошли в полумрак подъезда, вдыхая прохладный воздух старого дома. В незнакомом подъезде Вертер беспокойно дернул ушами и остановился.

— Вертер, миленький, не бойся! Привыкнешь! — потянул его за собой Димдимыч.

Сдерживая возникшую в коленях дрожь и прислушиваясь к своим шагам на ступеньках, Елена первая оказалась у знакомой двери с номером «4». «Эта крашеная дверь...», — медлила она нажать кнопку звонка, когда на верхней площадке звонко щелкнул замок и по ступенькам дробно застучали острые каблучки. Димдимыч прижался к стене и притянул поводок. Мимо кокетливо пробежала девушка, бросив на Вертера удивленно-любопытный взгляд, и Вертер радостно и вежливо гавкнул ей вслед. В гулком подъезде у него это получилось

громко и убедительно. Дверь с номером «4» отворилась сама.

— Лена? — почему-то удивленно взлетели вверх брови Николая Павловича.

— Аве, дед! и Дима, и Вертер приветствуют тебя!

— Не строй из себя римского сенатора, — одернула сына Елена и перешагнула порог. — Здравствуй, папочка! Ты почти не изменился, — солгала Елена, заметив худобу и морщины Зеленцова.

— Дайте хоть обнять вас, — Николай Павлович обнял Елену, притянул к себе Димдимыча, оглядываясь на собаку. — Не укусит меня?

— Он человечину не ест. Он добрый.

Зеленцов смотрел на Димдимыча, стараясь уловить свое сходство с ним и не скрывая потрясения. «И вся разница, что у него волосы длинные», — подумал он.

— Что ты смотришь на меня, как на Франкенштейна? — игриво произнес юноша. — Я тебя точь-в-точь таким, какой ты есть, представлял!

Елена перевела тревожный взгляд с сына на опекуна:

— Ой, говорила я тебе, не брать Вертера. Видишь, какие неудобства мы причиняем человеку.

Зеленцов посмотрел на настороженную собаку:

— Как зовут этого красавца? — он ласково провел рукой по собачьей голове.

— Имя этому умному псу Вертер, — отрекомендовал Димдимыч своего друга.

— А почему не Ветер? — сощурил глаза Николай Павлович.

— Имя дано ему свыше. В Правлении, — Димдимыч указал пальцем в потолок, — служебного собаководства Москвы!

— А у меня в юности был конь по имени Ветер. Мой самый понимающий и единственный друг.

— Хорошо, я думаю, Вертер привыкнет к тому, что в Ростове его будут называть Ветром. — Димдимыч снял ошейник с собаки и весело потрепал шерсть на загривке. — Смотри Ветер, оставляю тебя здесь и буду приезжать «до тебя».

Николай Павлович, что-то вспомнив, искренне рассмеялся. Его смех выдавал спокойную уверенность в том, что теперь жизнь пойдет на лад.

Осмотренная квартира псу, зовомому отныне Ветром, очень понравилась: «Две комнаты, ложись, где хочешь. Правда, площадь не такая просторная, как в Питере, зато хозяин не пендитный».

— Квартира какой-то тесной стала, коридор короче, комнаты сохлись, — оглянулась Елена по сторонам. — Мебель не менялась сто лет...

У Ветра был беспокойный сон. Он просыпался ночью, цокал на кухню, шумно пил из ведра воду и тяжело валился на пол у входной двери.

Наверное, его сны стали продолжением жизни.

Прошло три дня. Елена окунулась в мир воспоминаний. «Наш угловой магазинчик, — подумала она, открывая современную дверь. — Где теперь тот хлеб и бутылочное молоко? Где те серые курносые кульки с сахаром, гречкой, манкой? Где те «кара-кумы», «мишки», «раковые шейки», «трюфели»?» Теперь это другой

магазин, без ее ведома познавший пустые прилавки и талоны, перестройку со «сникерсами» и «пепси-колами», чужеземные консервы и колбасы... Но магазинчик показал здоровенный кулак большим супермаркетам и сохранил свое продовольственное лицо!

Елена бродила по городу в поисках знакомых лиц, медленно брела от центрального универмага до детского «Солнышка», заглядывала на прилавки магазинов, разглядывала афиши. Она была на Халтуринском. Дом, из которого ее, бог знает когда, за руку увел «папочка», не был помилован архитектурной перестройкой — с фасада дома давно убрали затейливую лепку и привели к строгому советскому знаменателю. Она поднялась на площадку своей прежней детской обители, но ее не помнили здесь. На углу дома разворачивался самосвал. Она остановилась, пропуская его, и еще раз оглянулась на желтоватые стены: «Прощай, дом! И ныне, и присно, и во веки веков!»

Елена больше не говорила себе: «Надо поскорее рассказать папочке, что мы навсегда уезжаем из этой страны». Она смотрела на него и видела одинокого старика, нуждающегося больше в бытовых разговорах и в листаниях газет. В оберегании. Ну, нет, она не может прямо сейчас отдать ему свою жизнь!

Да, он и не просил ее об этой жертве. Он смотрел красноречиво и не ждал никаких признаний. В позапрошлом веке кто-то сказал: «Старики нужны обществу для того, чтобы остальные чувствовали себя молодыми». Он уже знал, что так бесчеловечно думают многие и сцеплял пальцы рук, когда речь заходила о дороге на-

зад, в Санкт-Петербург, а потом упрямо вспоминал свое питерское детство. «Что он хотел сказать? — не понимала Елена. — Что надо забрать его к себе в Питер?»

К концу недели он стал меньше улыбаться и без конца повторять: «Что было, то было». Елена заметила, что неумолимый морализм Николая Павловича вступил в противоречие с непосредственностью и бесшабашностью Димдимыча. Причем на треп Димдимыча он реагировал, как на умные и дальновидные высказывания, не считая, как это было раньше, в ее детские годы (!), что дети должны знать свое место и вести себя сдержанно.

Димдимыч и Ветер дома не сидели. Подробному изучению подверглось все: улицы, парки, скверы, летние кафе. На улице они скупали пирожки с повидлом, мороженое, хот-доги, хрустели яблоками. Под вечер, разгоряченно дыша, они садились к столу:

— Самая красивая улица — Пушкинская, самые необычные украшения домов — кованые решетки, самые вкусные пирожные — в «Золотом колосе»...

— А раков ты еще не ел, — перебил его Николай Павлович.

— Как не ел, ел, конечно.

— А ну, садись! — старик поставил на стол пахнущее укропом блюдо с усатыми гвардейцами, которых сложилось не меньше сотни, и баллон пива.

Каждый едок был снабжен емкой плетеной корзинкой, как сказал дед, «сапеткой»³⁶, пол-литровым бокалом для пива и вафельным полотенцем.

³⁶ Большая круглая корзинка из прутьев тальника.

Во время трапезы, не отвлекаясь от зачистки панциря, Зеленцов спросил:

— А скрипка-то твоя где? Обещал поиграть...

— Обещал, поиграю. Только не сейчас.

— Ясное дело, сейчас играть не на чем.

— Завтра поиграю.

— На чем?

— ?

— Скрипки-то нет?

— Будет.

Утром Димдимыч ушел без Ветра. Консерватория, в которую он проследовал в поисках инструмента, произвела на него приятное впечатление. Разумеется не только своим центральным расположением на углу Садовой и Буденновского, но и внешним фасадом. Он увидел афиши, отметил про себя фамилии местных профессоров-скрипачей, а потом зашел в фойе и спросил охранника, в каком классе занимается один из преподавателей?

— Да он еще в отпуске. Спросите в триста девятом, когда будет профессор, — охранник проводил Димдимыча взглядом.

Димдимыч поднялся по лестнице, разглядывая себя в межлестничные большие зеркала, на третьем этаже тряхнул челкой, взял на резинку свои разлетевшиеся по плечам светлые волосы и, прислушиваясь к затаенным за двойными дверями звукам, вошел в длинный темный коридор.

В классе под номером 309 миловидная темноволосая девушка разучивала пассаж. Она сосредоточенно проигрывала звуки, постепенно ускоряя их движение.

Димдимыч рассчитывал увидеть парня и сразу обо всем договориться, но с ходу сориентировался:

— Миледи! Вы неотразимы.

Она послала ему взгляд, полный эмоциональных слов.

— Я только хотел спросить ваше имя, — Димдимыч показал рукой ускорение ее нот.

— Тамара, — не прерывая игру, произнесла девушка.

— Царица Тамара, — поправил ее Димдимыч.

Девушка отвела смычок в сторону:

— Александр Васильевич сказал, что будет завтра в двенадцать, — сказала она и собралась продолжить занятие.

— Суворов? — уточнил Димдимыч.

— Какой Суворов?

— Тот самый! Но я не к нему, а к вам.

— Ко мне? — удивилась девушка. — Мое время в этом классе — до полвторого, спросите ключ от другого класса. Я не уйду отсюда, пока не закончу заниматься.

— А я хочу предложить вам продолжить свое занятие нестандартно. Вы знаете, где в Ростове-на-Дону самые вкусные пирожные?

Он посмотрел на нее с таким обожанием, что она невольно улыбнулась:

— Я знаю, я ростовчанка, а ты?

— Нет, но глядя на тебя, уже сожалею об этом. И могу выразить это в звуке, — он осторожно взял из ее рук скрипку, посмотрел на нее и положил на плечо.

Скрипка запела свиридовскую «Метель» исключительно теплым сердечным звуком. В нижнем регистре он был подобен бархатному меццо-сопрано, а в верхнем

колоратуре. Покорив свою слушательницу, Димдимыч предложил:

— Я хочу познакомить тебя со своим дедом.

— Это еще зачем? — удивилась Тамара.

— Чтобы ты знала, что у меня есть не только талант, но и отличный дед.

Тамара недоверчиво посмотрела на Димдимыча и перевела взгляд куда-то вверх. Он порывисто схватил стул и придвинулся поближе к ней:

— Ну, тогда остается правда, и только правда, и ничего, кроме правды. Но обещай, что ты проявишь ростовское милосердие. Обещаешь?

— Попробую, — нерешительно согласилась девушка.

— Попробуй понять, Тамара, что я оказался в вашем замечательном городе без скрипки, а мой дедушка очень хочет послушать, как я научился на ней играть. Понимаешь?

— Ты хочешь одолжить у меня скрипку? — взгляд Тамары стал непреклонен.

— Я хочу еще большего. Я хочу, чтобы мы с тобой вместе пошли к моему дедушке.

— Ну, не знаю...

— Смотри, какие у тебя резоны. Во-первых, ты не расстаешься со своим инструментом. Во-вторых, ты бесплатно слушаешь гениального скрипача — меня. Ой, я уже не знаю, что будет «во-первых». В-третьих, и даже, в-четвертых, ты познакомишься с прекрасными людьми — моим дедушкой и моей мамой. Кстати солисткой Мариинского театра. Ой, я забыл про Вертера!

Еще ты знакомишься с моим ласковым и ужасно шерстяным сенбернором.

— Так ты из Петербурга?

— Из Санкт-Петербурга, не надо неточностей при указании на великое!

— А пирожные? — лукаво поинтересовалась Тамара.

— Легко!

— Дедушка, бабушка! Встречайте нас, мы пришли! — радостно крикнул в темном коридоре Димдимыч.

Ветер оказался в числе первых приветствующих. Затем из кухни показался Николай Павлович и послышался сочный голос Елены Андреевны:

— Что ты опять придумал? — показала она сама. — Какая я тебе бабушка?

— Ой, мамочка, не зарекайся! Никому от судьбы не уйти! — Димдимыч вывел вперед Тамару и представил матери и деду.

Елена Андреевна, глядя на Тамару, склонилась к мысли, что «мимолетное знакомство никогда не бывает серьезным выбором» и проследовала обратно в комнату. Тамара, принимая условия игры, кокетливо улыбнулась деду:

— Я набралась наглости и пришла к вам в гости.

— Тоже мне наглость! Вот если бы ты сказала, что придешь к нему жить..., — Димдимыч смутил девушку и, взглянув, как пополз по ее лицу густой румянец, он тут же извинился и добавил:

— На самом деле, я был бы рад с тобой жить. Ты все-ляешь вдохновение.

Димдимыч играл для Николая Павловича Зеленцова свою вступительную программу. Играл, как сказали бы педагоги-наставники, убедительно.

«И откуда у него это умение? — удивлялся Зеленцов. — Не играть, нет. Играть — это понятно, это школа, это получение удовольствия от скрипки. А вот умение отстаивать свою индивидуальность, откуда? Я боялся быть изгоем, а он получает от этого свой кайф. У него душа, как необитаемый остров, и он наслаждается своей свободой от чужих мнений. Кто сказал, что таким, как он, трудно жить? И по большому счету, в чем его трудности? Только в том, что он смотрит на свою луну, не затуманенную смогом потребительских амбиций? И хорошо, что над ним не довлеет стереотип восприятия мира. Его глаза, как глаза совы, ночью видят больше, чем днем. Пусть смотрит на луну, если он видит больше, чем при дневном свете».

— А пирожные? — напомнила Тамара.

— Люди! Мы с Тамарой пошли в «Колос» укреплять связь... ассоциативную связь между пирожными и скрипкой.

Они убежали так же неожиданно, как и пришли.

— Вот видишь, — Елена обрадовалась поводу начать задуманный с Николаем Павловичем разговор. — Его гиперактивность удручает. Теперь ты видишь, как я живу и что мне приходится терпеть. — Она под села за стол рядом с Зеленцовым. — Он тянет в дом девушку, которую не знает совсем. Ни ее фамилии, ни кто ее родители, ни где живет, ни сколько ей лет. Что мне делать?

Зеленцов спокоен, он решительно на стороне внука:

— Любить...

— Его причуды, прежде всего ему, не дают по-настоящему любить, — ответила Елена. — Он всегда бурлит, как шампанское, а жизнь другая, она требует спокойной рассудительности.

— Он рассуждает по-своему и он по-своему последователен в своих поступках.

— Это ненормальность. Порой он ведет себя, как сумасшедший.

— Ты думаешь, что он сумасшедший? Ничего подобного! Идеи сумасшедших не слишком противоречат общественным установкам. Люди потому и сходят с ума, что упираются в эти установки. А он не больной, он от стандартов каким-то непостижимым образом застрахован.

— Ты не врач. Поэтому ты не можешь воедино связать его поведение с его ночными кошмарами.

— Они так часто случаются?

— Последнее время нечасто, но врач все равно рекомендовал его лечить самым серьезным образом. И мы решились на комплексное лечение, папочка.

— Вы хотите положить его в больницу?

— Нет, мы хотим обратиться к хорошим специалистам в Германии. Мы уедем туда на некоторое время...

— И ты, и Дмитрий бросите работу, чтобы поехать в Германию? — недоверчиво сморщился Николай Павлович.

— Дело в том, что Дмитрию предложили работу там, а это возможность не просто съездить и показать Димидыча специалистам, а хорошенько пролечить его.

«Вот в чем соль, — сразу подумал Николай Павлович. — Они хотят уехать за границу и забрать с собой Димдимыча».

— Лечение психотропными препаратами превратит его в посредственность, — категорично заявил Зеленцов. — Разве ты не понимаешь, что этого нельзя допускать? А как же его учеба, он только поступил в консерваторию?

— Дмитрий договорится как-нибудь. Вообще-то академический отпуск на первом курсе не дают, но мы попробуем оформить для него индивидуальный план. Будем приезжать на сессии. Все равно возможностей за границей у него будет больше, чем здесь. И вообще это комфорт, понимаешь?

«У нее давно своя формула жизни, которая утверждает понятие «комфорт», — с горечью думал Николай Павлович. — Комфорт, как волшебник, разрешающий все конфликты. И в чем волшебство? Все очень просто и функционально: только в разделении людей. Макиавелли в новом прочтении. Не надо много общаться, чтобы не вступить в ссору. Как пишут газеты, муж с женой, чтобы не ссориться, должны разговаривать не больше двадцати двух минут в день. По такой формуле можно перестроить человека и всю его человеческую жизнь. Но почему она не думает, что с помощью этой формулы можно добиться и совершенно обратного результата: люди просто перестанут общаться и понимать друг друга. А потом и ценить жизнь».

— А Димдимыч знает о таком решении? — голос Зеленцова стал хрипеть и он прокашлялся. — Или это будет неожиданным сюрпризом?

— Димдимыч готов менять планы каждый день. Я думаю, что идея поехать в Германию ему понравится больше, чем сидеть на лекциях в консерватории.

— Значит, не знает... Лена, скажи честно, ты хочешь избавить его от увлечения скрипкой? Почему он должен начать немедленно лечиться, только поступив учиться? От чего конкретно, от сомнамбулизма? От гиперактивности?

— Его надо привести в норму, — начала твердить Елена.

— Ты говоришь глупости. И сама об этом знаешь. Тебе надо привести в норму ваши отношения с Дмитрием. Тебе надо привести в порядок, прежде всего, себя. А для этого вам надо побыть вместе в какой-то новой обстановке. Вот это другое дело. Это я понимаю.

— Ты опять со своими наставлениями! — с укором в голосе ответила она.

— Да, нет же. Просто ты совсем не изменилась за прошедшие тридцать лет. И внешне ты так же очень хороша! — поспешил добавить он. — Но действуешь, как в бородатом анекдоте: «В семье должен руководить кто-то одна». — Он обнял ее за плечи. — Я не желаю тебе зла и не хочу, чтобы ты стала несчастна. И понимаю тебя. А потому, хочу уберечь от скоропалительных решений. Вы точно решили ехать?

— Да, — она отстраненно смотрела на стену. — Это наш шанс.

— Хорошо, пусть это так и будет. Поезжайте, попробуйте пожить по-другому. Но дайте шанс и Димдимычу.

— Легко говорить, не зная ситуации.

— Тогда расскажи, в чем ее сложность и будем действовать по принципу «от общего к частному».

— Во-первых, я боюсь оставлять Димдимыча одного в квартире. Ясно, почему? Во-вторых, в общежитии Димдимыч не сможет жить. В-третьих, чтобы хорошо устроиться там, нужны большие деньги и нам придется продавать квартиру.

— И все сложности? — улыбнулся Зеленцов. — Это горе все не горе, это горе не беда!

Сначала он подумал дать им денег на покупку жилья. Он мог бы продать недостроенный дом с участком, приобретенный на те самые деньги, что когда-то Елена у него требовала. А потом ему пришла в голову другая идея:

— Послушай, что я тебе скажу. Учиться в консерватории наездами — не дело, академический отпуск Димдимычу не дадут. Переведите его в Ростовскую консерваторию...

— Уровень, папочка... Это неравный обмен.

— Подожди, не перебивай пока мысль не ушла. Лена, престижный вуз — это «детки на папиных тачках» и песни до утра. Это счастье? И вообще, при чем тут уровень, если мальчик не сможет вообще посещать занятия. Тут надо думать одновременно и о нем, и о вас. Пусть он поучится здесь, допустим год. За этот год вы сориентируетесь, надо вам там оставаться или нет. Вдруг затея ваша не сработает? К тому же, и квартиру не придется продавать. Все-таки — это Санкт-Петербург. И он вас безоговорочно принял.

— И поэтому ты предлагаешь ему пожить с тобой?..

— Временно. А что тут такого? Место, ты знаешь, есть. За мной ухаживать не надо, я сам себе хозяин, — его глаза наполнились жизнью и родственный импульс моментально передался ей.

Поворот ее головы и рукопожатие были красноречивее ответа:

— Надо подумать...

Димдимыч, действительно, на удивление быстро согласился на изменение обстоятельств. Он не уговаривал родителей остаться, ничего не меняя. Идея пожить годик у деда воодушевила его, знакомство с Тamarой убедило в целесообразности «неравного обмена». И с сентября 1998 года он приступил к занятиям в Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова.

Ветер не ошибся, когда Димдимыч уехал за вещами в Питер: «Меня оставили здесь жить». Но он обрел еще одного надежного друга — Николая Павловича. Теперь Николай Павлович частенько подменял Димдимыча на утренних и вечерних «дежурствах по району», правда, в нарушение установленных правил, он позволял Ветру гулять без поводка, отчего Ветер благодарно смотрел ему в глаза.

«Вот скажи мне, добрая душа, — обращался он к собаке, — неужели все настоящее случается неожиданно? Вчера я был беспросветно одинок, а сегодня уже дед. Вчера жизнь казалась бессмысленной, а сегодня я нужен своим самым близким людям. Значит ли это, что сегодня они не знают, что мы родня, а завтра узнают и не пропадут... ну, теперь уж навсегда?».

Ветер клал ему голову на колени, поводил красным веком, с готовностью слушал дальше, а потом думал о своем: «Я чувствую все происходящее раньше человека. Человек боится перемен и не успевает понять, что произошло. А мне это подсказывает мой нюх. Я сразу понял тогда, что наша поездка окажется продолжительней, чем думали люди. Но перемены оказались не страшны. Теперь у меня стало больше любимых. Они по очереди приходят, приезжают, по очереди ласкают меня, по очереди дают мне понять, что я им нужен. Вот и сейчас он так ласково почесывает мне спину, что я могу так сидеть хоть целый час».

Глава 10.

«Первая любовь никогда не забывается»

*Настоящая любовь похожа на
пламень свечи. Сколько бы ты ни
зажег от нее других свечей, первое
пламя остается целым.*

Старец Епифаний (Феодоропулос)

В конце сентября в Ростове-на-Дону стоит отличная погода. Безветренные солнечные дни все как на подбор. Солнце поднимается выше и по утрам не дает забыть о приближении холода, а бурная зелень только чуть-чуть тронулась желтизной. Осы атакуют прилавки с фруктовым разнообразием запахов, пауки заплетают свои липкие нити между деревьев, перелетные птицы напоследок щебечут суетливо-пронзительными голосами.

Будничны обрывки фраз людей, сменивших белую обувь на черную. Они роятся на автобусных остановках, пренебрегая приятной пешей прогулкой и атакуя замедляющие ход автобусы.

За двадцать минут Николай Павлович Зеленцов вполне бы доехал до переулка Ашхабадского, но в городе пробки. Транспорт стоит, а Николай Павлович долго стоять не может. Он вышел из автобуса на площади Ле-

нина и широко шагая пошел вверх до Ставропольской улицы.

Сегодня в библиотеке выходной день. Появилась возможность провести свою вотчину, давно там не был. Все дела какие-то...

Зеленцова никогда не привлекало вынужденное безделье, он с детства был настроен на другой ритм жизни. Положенный выход на пенсию в 1985 году он проигнорировал и проработал еще шесть лет, до тех пор, пока на обувной рынок не хлынул поток дешевой импортной обуви и не замерли цеха родной Микояновской фабрики.

Николай Павлович несколько месяцев терпел без работы, но друзья, видя, какого напряжения это ему стоит, подбросили идею организовать общественную библиотеку. Сначала затея работать без всякого вознаграждения за свой труд казалась ему малозначительной — ловить, мол, блох! Потом задумался, нужно ли ему реноме отшельника? И взявши на себя немало хлопот и забот, Николай Павлович начал трудиться на общественном поприще — в выделенном помещении в цокольном этаже девятиэтажки.

Методом субботников друзья помогли ему привести в порядок полуподвал, создали уют, оборудовали стеллажи для книг. Знакомые Николая Павловича и жители дома несли книги, цветы в кадках, настольные лампы. Два месяца длилась подготовительная работа, и за это время библиотечный фонд общими усилиями составил около полутора тысяч томов. Учредители новоявленной библиотеки решили, что посещение ее будет свободным, но минимальный возраст читателей не должен быть младше двенадцати лет. Однако уже через неделю открылась дверь и на Николая Павловича посмотрел

карапуз-первоклассник: «Дяденька, а почему мне нельзя?» Тогда возрастной ценз упразднили.

Из числа друзей Николая Павловича нашлись помощники для ведения инвентарной ведомости и формуляров, каталога и систематизации, переплета и «лечения» очень старых изданий. Оглянуться не успели, как книжный фонд вырос до пяти тысяч экземпляров, среди которых были редкие, раритетные, дореволюционного года выпуска книги.

Этот проект не остался абстрактным детищем вложенных сил, когда муниципалитет признал библиотеку культурным центром района и взял ее под свое крыло. Зеленцову была положена зарплата, а библиотеке вывеска — «Районная библиотека».

Зеленцов, привыкший работать с точки зрения целесообразности дела, снова почувствовал себя в своей стихии. Только теперь он читал и читал. Еще бы! Это только кажется, что должность библиотекаря тихая и спокойная. Это если не знаешь, какие бывают читатели и что бывает, кроме выдачи книг. Сколько читателей — столько характеров. К каждому надо присмотреться, насколько образован, какие интересы, что любит читать, что ему предложить, а потом поговорить о прочитанном, понять, какую книгу дать в первую очередь и какие помочь подобрать. Работа, в целом, диспетчерская. Зеленцов должен был следить за тем, чтобы нужная книга попала, прежде всего, в те руки, в которые должна попасть.

Вчера, например, прибежал паренек за фантастикой, а потом вдруг спросил:

— А правда говорят, что вы в концлагере были?

— Правда, — нехотя ответил Зеленцов, а про себя подумал: «Кто-то уже настучал».

— А про вас книжка есть?

— Зачем это про меня книжку писать? Книжки про героев пишут или вот фантастику, — он положил перед ним «Мастера и Маргариту». — Читал такую?

— Так это ж в школе рассказывали...

— Просвещенный, оказывается. Ну, интересная книга, как думаешь?

— Да сложная слишком...

«Раньше мы многого из того, что есть сейчас, не читали, да, и не знали, что такая литература вообще есть, — думал Зеленцов, идя по дороге. — Дураком себя порой чувствуешь, когда приходит кто-нибудь и называет имена, которые и слыхом не слыхивал. Раньше бы все это иметь! Наверное, к такому же выводу придут и те, кто сейчас совсем читать не хочет. В формулярах книг всего по три-четыре записи. Иллюстрированные дорожные журналы из киосков читают, а настоящих книгоцеев мало стало. Тоже ведь до поры до времени. Удивятся однажды: «Слепой я!» Мне, чтобы чуть-чуть понять себя, вон сколько литературы нужно было перелопатить! Но не все счастливы бывают прозрением. Общество-то делится на тех, кому надо сейчас и все сразу, и тех, кому ничего не надо — «жертвы обстоятельств». Хотя если разобраться, и у тех и у других одна беда: «Не хватает». Одним на «Мазератти», другим на хлеб».

— Сосед, вы дом продавать будете? — окликнул женский голос Николая Павловича. — А то спрашивали тут, ценой интересовались и номер телефона оставили.

— Нет, не продаю, — ответил он, справился с заедающим замком на воротах и вошел в свою недостроенную обитель. Дом был одноэтажный из шести комнат с большим подвальным помещением и открытой верандой, огибающей юго-западные стороны. Внутренность дома пугала объемом предстоящих работ. По сути дела, была выведена только сама кирпичная коробка, да окна вставлены. Посреди предполагаемой столовой стоял громоздкий старый табурет в разноцветных масляных пятнах, на него и присел Зеленцов, размышляя, с чего начать отделочные работы. «Веранду все-таки придется заделывать кирпичом или как еще... снег заметает зимой и пол весь в снегу, сгниет... Слава богу, вода подведена, хоть руки помыть есть где. А вот газ... чтобы провести, надо еще согласовать с Горгазом, потом газовщиков... Стены оштукатурить, полы надо стелить... Да-а-а-а, много работы... Или впрямь продать его...».

Николая Павловича не покидало смешанное чувство — с одной стороны, нельзя бросать недостроенную мечту, а с другой — уж больно много эта мечта заберет сил. Дорога причудливо изогнулась, и он оказался в небольшом сквере, в глубине которого стоял довольно современный дом со светлой остроконечной крышей с крестом. «Неужели костел? Здесь?», — он подошел ближе. В стеклянную дверь шла вереница ребятишек-школьников с учительницей. «Посмотрю и я», — присоединился к экскурсии Зеленцов.

Зал оказался белым и просторным. Свет лился прямо с потолка и непривычно для римско-католической церкви освещал каждый угол и изображение. Все сидели

на деревянных скамьях и слушали монахиню, которая в джинсовой одежде больше напоминала экскурсовода:

— ...другая заповедь Христа гласит: «Возлюби ближнего твоего, как себя самого; на сих двух заповедях утверждается весь закон... — сестра Моника показала рукой на изображение на стене.

Ребятишки, рассеянно постигая грани католицизма, оглядывались по сторонам и ерзали на скамейках. Пока монахиня говорила об истории храма и о христианской вере, они разглядывали четки, оставленные прихожанами, двигали подставками для коленопреклонения, листали книжицы для литургии.

«Церкви как изменились! — удивился Зеленцов. Алтарь здесь тоже не такой, как запечатлелся в памяти Николая Павловича при просмотре империалистических фильмов. Стилизованный беломраморный горельеф с изображением Христа и апостолов в гипертрофированном размере невольно наводил на мысль, как течет время и меняются стили.

«Последний раз я был в церкви, когда наш вологодский священник бабушку отпевал». Николай Павлович почему-то в этот момент перекрестился и прошептал: «Царство ей небесное!».

Сестра Моника, заметив его жест, сказала, что католики крестятся слева направо и не тремя пальцами, а всей рукой, а потом добавила погромче, глядя на Зеленцова:

— Если хотите, можете поставить свечи.

Николай Павлович положил в жертвенный ящик сторублевую бумажку, зажег свечу и воткнул ее в песок перед скульптурным изображением Девы Марии. Рядом

с ним встала молодая учительница, мельком посмотрела на него и сказала:

— С праздником!

— Спасибо, — ответил он, — а какой праздник?

— Ну, как же! Вера, Надежда, Любовь и мать их София, сегодня же тридцатое! — она отвернулась и, глядя на пламя своей свечи, быстро зашептала: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою: благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». «Ишь, как тараторит! Как из «калашникова», — удивился он. — Успеет ли Богородица ее услышать и понять?» Она суетно перекрестилась справа налево, а потом по-солдатски быстро повернулась к ребятам и довольно громко и четко скомандовала:

— Нам уже пора. Быстренько собираемся и выходим к автобусу.

Зеленцов, невольно подчиняясь общему распоряжению, медленно пошел к выходу. «Приходите», — сестра Моника чуть тронула его за рукав. Он обернулся, кивнул, еще раз окинул взглядом светлый зал костела и мысленно произнес: «Господи, помоги мне, пожалуйста! Я тоже хочу, чтобы меня возлюбили, хочу быть счастлив и думаю, что имею на это такое же право, как и все». Опять не по-католически перекрестился и мысленно шептал, выходя на улицу: «Глубочайшее знание неспешно и интимно, его парадоксы можно постигать всю жизнь...».

В костеле Николай Павлович был единственный раз, впрочем, и церковь он как-то не привык посещать, по-

своему веря, что Бог есть повсюду и что Он его возвращает к истине. Постижение смысла жизни не стало для него религиозной практикой. У него была своя практика. Практика поиска шепота своего сердца как прочного инстинктивного стержня. Был период, когда он находился, словно в дебрях, в своих амбициях и страхах. Он болел болезнью сомнения.

Но сейчас умудренное воспоминаниями и побуждениями сердце говорило ему, где белое, а где черное, где родина его жизни. Почувствовав вкус своей неуверенности и воссоединения с истинной природой, Николай Павлович перед сном всегда смотрел в небо: «Господи, как Ты думаешь, успею ли я облачиться в чистое белое?»

Планерка по организации Международного музыкального фестиваля достигла своего апогея, когда из окна донесся мелодичный звук скрипки. Ничего особенного, в консерватории музыка звучит повсюду. Светлая гармония не вызвала любопытства и удивления у проректоров и деканов, важно сидящих в глубине кабинета и обсуждавших глобальные вопросы.

И все же ректор присмотрелся к круглому фонтану, что величественно дополняет угол центральных улиц города и здания вверенного ему не первый год прославленного учебного заведения. Декоративно-монументальная скульптура фонтана изображала колхозниц, поддерживающих корзину богатного урожая, а струящаяся копной тонких нитей вода его символизировала.

В фонтане, стоя по колено в воде, играл юноша. Вокруг толпились студенты струнного отделения и заинтересованно останавливались прохожие, поддавшиеся настроению момента.

Ректор, в прошлом хороший музыкант, а ныне профессор и покладистый человек, подавил невольную улыбку, подошел к окну и замер от увиденного. Исполнителя он узнал сразу. В тот момент, когда юноша доиграл до тоники, кто-то с энтузиазмом предложил:

— Триста тому, кто залезет на бабу!

В фонтан ринулись еще двое со скрипками. Ректор отбежал от окна и, рывком открыв дверь, выскочил из кабинета. Когда он подбежал к фонтану, студент первого курса Дмитрий Александров, уже оседлав бронзовое изваяние одной из тружениц и, свесив ноги ей на грудь, под общий хохот толпы играл Брамса.

— Вам не надоело развлекаться? — взвинченно крикнул ректор, протиснувшись между стоящих. Он говорил повышенным тоном, но толпа, настроенная на свою волну, не заметила его, и он побагровел от крика. — Марш отсюда! Быстро!

Студенты притихли, Александров отвел смычок и начал спускаться вниз. Обтекающий прохладной водой, Дмитрий Дмитриевич стоял перед ректором, едва сдерживая смех и сдувая капли воды с инструмента. Из толпы весельчаков у фонтана осталось пятеро студентов.

— Вам доставляет удовольствие играть здесь? — строго спросил ректор, оглядывая всю компанию. Но по выражению лиц он сразу понял, что вопрос был неуместен, так как удовольствие они, действительно, по-

лучили огромное, и добавил. — Всех прошу немедленно пройти в мой кабинет.

— А что нам будет? — произнес кто-то.

— Будет результат, пропорциональный затраченной вами энергии, — вздохнул ректор.

Отчислений не последовало. Администрация вуза в планерном режиме оказала действенную помощь в воспитании будущих музыкантов-исполнителей, представляющих облик всей российской культуры в мировом сообществе. Потом, выпроводив студентов по домам, поохали о падающем уровне культуры молодежи, о цифрах и проблемах приема, о том, что «берем всех подряд без разбора»... Уже после экспромтного разбирательства один из присутствующих предложил:

— А почему бы нам один из концертов не вынести на открытую городскую площадку? Это привлечет большее внимание публики.

— Будет декабрь, батенька, — сокрушенно покачал головой ректор, мысленно отвергая нелепую идею, — фонтаны будут закрыты, знаете ли. Хотя, Александров, тот, что забрался на скульптуру, мне кажется, сыграл бы и на льду.

Димдимыч еще не знал, что такое свобода, но уже начал свободно дышать. Его натура не ограничивала себя каждодневными скрипичными экзерсисами, требуя экстравагантных подвигов для личного пользования. В веселом бешенстве молодости он постигал не менее серьезные ценности, чем классическая музыка — дружбу и любовь. Он рождался повторно, теперь уже в своем воображении и на свой манер.

Димдимыч не стал посвящать деда в случившееся не потому, что вел двойную игру, а просто потому, что не

придал этому большого значения. Тем более, что вечером должна прибыть его мебель из Санкт-Петербурга и надо организовать ее разгрузку и установку. С этим проблем не было, за месяц он оброс друзьями и знакомыми, которые то и дело звонили, приходили, уходили, возвращались, передавали приветы. Ветер всех знал, встречал, вилял хвостом, лизал и обожал. Он, как и Димдимыч, тоже был начисто лишен элитарных ориентаций: «Димдимыч не встречается с людьми, которых можно назвать плохими».

— Нет, диван мы не будем убирать отсюда, дед, — Димдимыч плотно приставил его к противоположной, освобожденной от секретера, стене. — Диван нам с тобой нужен. Я на раскладушке спать не хочу, когда бабушка приедет.

Николай Павлович остолбенел.

— Ты что, дед, не хочешь, чтобы она приезжала? — Димдимыч испытующе посмотрел на Зеленцова. Он искренне думал, что дед должен возликовать: «Ну, наконец-то!», а вместо этого он стоял, как деревянный. — Ну, извини... Но я ей уже сказал, что можно. Она своя, поверь. Она нас с тобой не стеснит, точно.

Николай Павлович в глубине души ожидал, что встреча рано или поздно произойдет, но не думал, что Димдимыч организует ее так спонтанно, поэтому взял себя в руки и поинтересовался:

— Ты ей звонил?

— Нет, я ей телеграмму дал: «Приезжай. Хочу пельменей». Для нее это пароль. Думаю, что на следующей неделе она приедет.

На вокзал встречать Анастасию Ильиничну побежал Димдимыч. Николай Павлович был в библиотеке и, сославшись на то, что «сегодня раньше никак не могу», оттягивал момент неизвестности. В его воображении возникали тревожные картины встречи с той, которую он любил. «У меня, кажется, поднимается температура..., — дул он себе на грудь, — это от безумия». Он задавал гипотетические вопросы и отвечал на них, но ответы чем-то не удовлетворяли его:

«— Ну, здравствуй, Коля! — скажет она. — Что же ты столько лет скрывался от меня?

— Так получилось, — отвечу я. — Ведь ты была замужем, и мое вмешательство в твою устроенную жизнь было бы непристойно.

— Да, — ответит она, — может, ты поступил правильно, кто знает, как у нас с тобой получилось бы.

— Да, — отвечу я, — жизнь прожита каждым из нас по-своему. Ничего не вернешь».

Николай Павлович понимал, что для Насти это встреча окажется тоже неожиданной. И возможно неприятной. За долгую жизнь порознь у них изменились взгляды на жизнь, интересы, круг родных и знакомых. Он начал строить версии ее отказа от дальнейших встреч:

«— Не ожидала я тебя здесь увидеть! — удивится она.

— Неужели я стал такой страшный, что ты пугаешься? — подумая я.

— В наши годы, Коля, уже ничему не удивляешься. Но с такими загадками ты переборщил! — скажет она.

— Разве плохо, что мы встретились? — спрошу я.

— А зачем нам с тобой встречаться? Дважды в одну реку не войдешь, — ответит она».

Но стремление к желаемому у него превешивало депрессивные умозаключения, и он доставал из памяти приятные моменты их встреч. Ее лицо сейчас выглядело для него расплывчато, он успел забыть его мелкие особенности и сразу подумал: «Узнаю ли я ее? А вдруг она стала похожа на сморщенную старуху...» Эта мысль родила другой мысленный диалог:

«— Здравствуй, Настя, ты не сильно изменилась, — скажу я.

— Не придумывай, Коля, — скажет она, — мы с тобой должны были измениться и изменились.

— Но ведь мы помним друг друга.

— Помним. И хорошо, что мы помним нашу молодость. Что смотреть на старость!».

Николай Павлович взял из ящика губку для чистки кожи и аккуратно отполировал туфли. Потом он представил себе Настю в своем убого выстроенном шалаше. Закомплексовал, что не успел достроить дом:

«— Не разбогател, — подумает она.

— Я решил упростить свою жизнь.

— Зачем? Сейчас такие возможности жить комфортнее, — не согласится она.

— Для меня все эти суперсовременные удобства — это лишняя головная боль. Они отнимают время.

— Наоборот. Все новые приспособления облегчают нашу жизнь. Можно делать все быстро — стирать, убирать, считать, даже печь хлеб, чтобы оставить больше времени для себя, — скажет она.

— Я могу прожить и без всего этого. Я даже получаю удовольствие от своей домашней работы. Подняв голову от подушки, я не включаю телевизор, а выхожу на улицу и вижу, как поднимается красочный рассвет за макушками домов и деревьев. Я вижу закат чаще, чем жующие в своих машинах и вечно говорящие по телефонам те, кто хочет обогнать время.

— Не знаю, смогу ли я понять твои чудачества? — испугается она.

— Та права, простая жизнь, такая, какой мы жили раньше, в действительности очень сложна.

— Ты живешь в замедленном темпе. Я так уже не смогу».

Неопределенность ожидаемого лихорадила Зеленцова. От того, как пройдет их первая встреча, о чем они будут говорить, насколько искренни станут их слова, зависит дальнейшее общение или не-общение. Озабоченный невозможностью войти в реку дважды и желанием встречи с Анастасией, Николай Павлович взял из ведра заранее купленный огромный букет цветов и решительно пошел домой.

Ветер, виляя хвостом, вышел в коридор вместе с ней. Из комнаты падал мягкий свет и ее фигура казалась молодой. Димдимыч обнимал ее за плечи. Оба молчали, когда Николай Павлович подошел ближе.

Она сделала шаг навстречу. Она изменилась, но не испарился ее неуловимый флюид притягательности. Он узнал ее, свою Настю. Он быстро шагнул к ней и обнял. Она положила ему на грудь руки:

— Я приехала.

Он обнял ее крепче, чтобы она не увидела его слез. Пена белых хризантем посыпалась на пол.

— Вот это и есть твой дедушка, — сказала она, не глядя на Димдимыча. — Я тебе говорила о нем.

Димдимыч опустил на корточки и запустил пальцы в волосы. Глаза его стали красными.

«Если люди плачут, — подумал Ветер, — они слабы и у них нет слов, чтобы что-то объяснять друг другу. Особенно, если они плачут тихо. Тогда людям надо помочь». Он лег рядом с Димдимычем на пол, повернулся на спину, прижал передние лапы к груди и, улыбаясь, высунул свой большой розовый язык: «Не надо плакать. Рассчитывайте на меня».

Димдимыч открыл окно. Звездный осенний вечер. Сквозняк колышет легкую ткань штор, за светом фонарей присматривает прищуренный глаз месяца. Скатерть неосторожно залита красным вином. Он вышел на балкон и оттуда слышал негромкие слова разговора.

Стараясь не выдать своего волнения, Анастасия промокнула пятно салфеткой и поинтересовалась, была ли у Николая женщина.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

— Не судьба, — сказал он и вкратце посвятил ее в свои странствия.

Ему не терпелось узнать, как она попала в Мурманск, как жила эти годы, но главное, почему она не ждала и не пыталась найти его. Сначала он спросил о Дмитрие.

— Хорошего я вырастила сына, — с довольной улыбкой ответила она. — Талантливый, трудолюбивый, умеющего сострадать. Сколько бы они с Леной не прожили, она запомнит годы, проведенные с Дмитрием.

Она посмотрела на него своими лучистыми глазами и еще больше оживилась:

— Если бы ты был у них в Питере, ты бы удивился, какая у них удобная мебель. А подушки, салфетки! Какая красивая посуда! Лена может выпечь хлеб в форме цветка в специальной печи «Санио» или фигурно порезать колбасу на комбайне «Хитачи». Я уже не говорю о видео и другой технике, которая есть у них дома. И это все Дмитрий. Он умеет превратить свое жилище в настоящий рай! — На высокой ноте восторга она вдруг сникла. — У меня такого нет. Я живу без шума технологических достижений.

— Ты об этом жалеешь?

— Да не особо... Просто дети выросли, разъехались. Вот и Дима с Леной уехали в Германию.

— И тебе не с кем посидеть у телевизора, — продолжил он ее мысль.

— Что делать, если это уже метафора современного домашнего очага.

— Это чересчур оптимистичная метафора. Телевизор только помогает скоротать время. День приходит и день уходит, а мы еще больше прессуем его, вдыхая непрерывные телепрограммы.

— А разве у нас есть выбор?

— Выбор есть всегда. Разве не замечательно просто почитать, погулять, сказать кому-то хорошие слова или посидеть за чаем. Не для того, чтобы укорачивать время. Ты умеешь вязать или разводить цветы?

— Умею, конечно. Но у меня в этом нет необходимости. Вязаные вещи сейчас не носят, в магазине можно купить любой трикотаж. А цветы... Те, что у меня на подоконнике, остались незамеченными.

— Мне нравится, когда женщина выращивает цветы. А еще нравится, что ты можешь сесть в поезд или в самолет и сбежать от своего технологичного «домашнего очага», — поддерживал он ее. — Я раньше постоянно куда-то ездил. Был в Самарканде, на Байкале, на Алтае, объездил Кавказское побережье. А сейчас понял, что могу получать удовольствие и от того, что имею. — Он повернулся и потрепал за ухо сидящего рядом Ветра. — Правда, Ветер, нам с тобой хорошо?

Ветер преданно посмотрел в глаза Николаю Павловичу: «Ты, конечно, прав, мой двуногий друг. И это здорово, что ты гуляешь со мной по утрам, а не нанимаешь человека выполнять эту работу. С одним из наших братьев такой человек гуляет. Они оба похожи на включенных в розетку. Это хорошо, что мы с тобой плутаем по улицам и не торопясь сидим на лавке, пропуская взглядом прохожих».

— Пес привык к новому имени, — заметила Анастасия. — Он любит тебя, как твой конь. Помнишь, какой красивый был твой Ветер!

— Помню, конечно, — благодарно улыбнулся он, а потом внезапно решил прояснить сомнение:

— Скажи, почему ты вышла за Бланка?

Анастасия в раздумье опустила взгляд к столу, провела пальцем по скатерти и приглушенно заговорила:

— Я бы не вышла, если бы похоронки на тебя не было.

Он молчал, она продолжала:

— Похоронка пришла на Яблочный Спас. Димочка еще совсем крошечка. Голод у нас страшный был, не знаю, как мы тогда с ним не умерли?! Чудо какое-то! Хорошо еще, твой дед, Петр Пантелеевич, нам что-то иногда подбрасывал. Люди в деревне, знаешь, не очень-то... к тем, кто вне брака рождает. Димке месяцев десять было, с фронта Аркадия демобилизовали. Ты, наверное, не помнишь? Они жили в соседнем селе. Но в те годы все друг друга знали. Знали, кто вернулся, кто погиб.

— Он раньше окончания войны пришел?

— В июне сорок четвертого, получив инвалидность из-за травмы ноги. Тридцать восемь лет ему было тогда. Выложил на стол из вещевого мешка хлеб, две баночки с супом и завернутые в бумажку котлеты, размером чуть побольше спичечного коробка. Назывались они, я помню, «комбинированные» — из лошадиного фарша и жмыха. Не уговаривал он меня. Сказал только: «Настя, выходи за меня. А Димку я как своего родного воспитаю». И остался у меня до утра. Знаешь, как на селе — никто не говорил, что мать-одиночка — травмированный человек или хотя бы морально неустойчивый человек. Утром соседка по всему селу разнесла: шлюха! И я сказала Аркадию: «Увези меня отсюда». Стали думать, куда ехать. А у него сестра в Мурманске. Собирались долго, никому дармоеды не нужны. Да еще с таким мокрым и крикливым грузом. За это время Победу отметили и брак в сельсовете зарегистрировали.

— Ты любила его? — тихо спросил Николай.

— Не сразу, но любила. Страх одиночества к любви привел.

— Нет, я понимаю тебя...

— Вряд ли. Я и сама не все про себя понимаю. Прожили мы с ним двадцать два года, родила я от него двоих девчонок. Десять абортот от него сделала. Не ругались, не дрались, троих детей на ноги поставили. Может, романтики особой и не было, но было уважение друг к другу, а это немало. Тогда ведь люди гнались не за восторгами и страстями. Кто мог надеяться на большую любовь?! Старались жить вместе, чтобы помогать друг другу.

— Но годы и заботы тебя не состарили.

— А нам, Коля, и нельзя стареть. У нас забот еще на целую жизнь.

— Слава Богу! — Он поднял бокал и сказал. — Знаешь, Настенька, те, кто не познал любви и страстей, несчастные люди. Если бы не ты, я бы никогда не был дедом.

Димдимыч вернулся с балкона:

— И если бы не я, дед! — он звякнул своим бокалом с ними. — Я понимаю, прошлое для вас — это тотальный наркотик, но давайте выпьем за настоящее!

Пушкинская улица, с 1835 года больше ни разу не переименованная, улица пешеходная. Основное впечатление от нее — странное чувство, что ты здесь уже был. Конечно, если начать разглядывать детали, то окажется, что есть дома оригинальные, каждый по-своему, а есть и похожие на те, что во всех больших российских

городах. Дело в том, что эту улицу-бульвар не нужно разглядывать, то есть постоянно поворачивать голову и водить глазами с одной достопримечательности на другую. Пушкинскую надо созерцать — видеть ее перспективу взглядом в упор. Охватить взором своеобразную анфиладность деревьев. Вот тогда она оставляет впечатление размаха. Возможно, именно эта идея в свое время посетила мастеров, украшавших ее и расположивших на пути следования мерные ряды причудливых деревьев и разноцветных петуний, провожающих своим летним ароматом.

Интересно, целовал бы здесь Александр Сергеевич Наталью Николаевну? Мальчишки и девчонки, по уши влюбленные, целуются. А Пушкин? походя? Вряд ли. Скорее всего, нет, потому что внешний декор и обновленный плиточный фарватер не превращают пространство в место. Честно говоря, юнцы, собирающие шумные компании в весенне-летний период и нарушающие симметрию стихийным освоением, попросту говоря, составлением скамеек в некий круг, тоже не справляются с прямолинейным духом улицы. Утром симметрия возобновляется и снова провожает пешеходов в долгий путь сквозь широкополосный ветвистый строй.

— Сходите на Пушкинскую, — предложил утром своим старикам Димдимыч. — Это, конечно, не Невский проспект, но по ней можно долго идти и разговаривать.

На самом деле, им было все равно, по какой улице идти. Между их последним прощанием и первой встречей лежала пропасть, готовая или поглотить все чуждое, что разделяло их, или развести по разным берегам жизни. Подсознательно им хотелось уйти в свои воспоминания. Им надо было уединиться, потому что надое-

ло думать о каких-то там социальных и физиологических процессах.

Анастасия Ильинична взяла Николая Павловича под руку:

— У тебя красивое пальто, — признала она его вкус.

Он бережно похлопал ее по руке.

— Женщины обращают на тебя внимание.

— Я не видел. Где?

— Не оборачивайся, а то неудобно.

— Неудобно или неприятно.

— Для меня неприятно.

— Почему?

— Я хочу чувствовать себя уверенно.

Он обнял ее за талию:

— Ты капризная.

— Да, но это мой единственный недостаток. Разве у тебя их нет?

— Есть, я храплю.

— Я слышала.

— Это мешает тебе спать?

— Не мешает. Я плохо сплю.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому что вертится какая-нибудь ненужная мысль.

Они постелили газету на скамью и сели рядом. Он взял ее руку и спросил:

— Ты все время думаешь, что будет дальше?

— Да.

— И боишься чего-то?

— Просто я стала осторожной и предусмотрительной.

— Вот и еще один недостаток! Назовем его... трусостью!

— А ты ничего не боишься?

— Только времени, которое так спешит, когда становишься счастливым.

— Коля, сказок не бывает.

— Кто сказал?

— Ты как маленький. Что ты будешь говорить, когда я уеду в Мурманск?

— А ты уже хочешь уезжать?

— Дети, внуки, квартира — все требует внимания, — проговорила она. — Там мой дом.

— Настя, послушай, — ласково начал он. — Разве ты не можешь остаться со мной? Ведь мы любим друг друга, что же еще надо?

— Зачем нам спешить, Коля, — ответила она. — От нас уже ничто никуда не убежит.

Время бежало незаметно. Они заполнили его большой культурной программой. Приходя домой, они вместе садились за стол и чаевничали, каждый раз покупая что-нибудь вкусненькое. Ветер, согласившись с традицией пробовать лакомства, зачарованно сидел возле стола.

Анастасия Ильинична, ласково поглаживая склоненную голову Ветра, однажды сказала:

— Как у вас в Ростове тепло! Даже не верится, что осень на дворе.

— Бабушка, а может, ты улетишь оттуда к нам, в теплые края? — вопрос Димдимыча повис в воздухе.

— Знаете, чего у вас в Ростове не хватает? Нашего моря Баренцева. Я думала, Дон — река могучая, а вышла на набережную — другой берег как на ладони видать. А море наше — ни конца, ни края! Зимой оно не замерзает, в морозные дни над водой стоит такой черный туман, что никакой видимости и только маяк дает звуковые сигналы для кораблей, заходящих в мурманский порт. А летом белые ночи, настоящие. Солнце за горизонт вообще не заходит, спать ложимся, как днем. Красивые места!

— Но, зато зимой жизнь при сплошном электрическом свете — не подарок. Чуть рассветет и опять ночь, — Димдимыч тут уж отхлебнул чаю со знанием дела. — Хотя реку с Баренцевым морем равнять нельзя, конечно.

— Да не только река, и природа совсем другая. Вот, например, морошка. Она ведь вкусней клубники!

— Ты говоришь, как рекламный агент. Ты еще про северное сияние расскажи.

— Правда. А северное сияние — это непередаваемая красота! Коля, ты его когда-нибудь видел?

Он покачал головой:

— Знаешь, а я ведь с тех пор не был даже на Вологодчине, — оправдываясь, сказал Николай.

— Наше время оттуда ушло. Там теперь другие живут.

«Если бы можно было все вернуть назад!» — думал Николай Павлович Зеленцов.

Все эти годы он боялся заявить о своем праве на любимого человека. Бесконечным рутинным трудом он вытравливал желание встретиться с любовью юности.

Но идея всеобщего блага, служению которого он посвятил свою жизнь, так и не смогла вытеснить его сокровенного желания. Труд не компенсировал его. И мечта не давала ему спокойно жить. Он чувствовал свою вину в том, что поступился ею. Наилучшее побуждение «не тревожить душу любимого человека своим неуместным присутствием» встало сейчас совершенно другой стороной: во чье именно благо он так поступал?

Он отказался от видов на будущее, самонадеянно считая, что не заслуживает его. Какая прямолинейная разумность! Какой герой! Какими последствиями обернулось его геройство? Он сам себя вычеркнул из жизни — своей, Настиной, своего сына. А сейчас... Получите кредитную квитанцию, распишитесь и извольте-с уплатить по тем счетам.

Анастасия Ильинична погостила в Ростове-на-Дону всего две недели.

Разбирая мелкий шрифт ее билета, Зеленцов подумал: «Поезда привозят не только счастье, но и разочарование». Истратившись на сопротивление своей досаде, он был вынужден признать решение Анастасии.

До железнодорожного вокзала они доехали на автобусе по Большой Садовой, который не пришлось ждать и который довез их раньше, чем надо.

На вокзале Николай Павлович принялся к тонкому аромату ее духов и не выпускал ее руки до тех пор, пока не объявили посадку. Потом они заторопились, побежали на платформу и, наконец, остановились возле вагона.

Он порывисто обнял ее, поцеловал в щеку и, провожая взглядом, растерянно спросил:

— Мне ждать или я свободен?

Она повернулась, улыбнулась и ответила:

— Я приеду.

Зеленцов понял, что разочарование иногда скрывает надежду на счастливый, независимый от него самого дар. Он посмотрел в небо и улыбнулся: «Моя судьба не тяжелее других судеб».

Родители позвонили Димдимычу в тот же вечер, справиться, как дела. Они не знали, что Анастасия Ильинична была в Ростове и только сегодня уезжает назад в Мурманск.

Находясь во власти переживаний, вызванных невероятной новостью, Димдимыч не сразу рассказал о ней, а сначала деликатно потянул разговор. Однако его распирало от неизвестных фактов собственной семейной истории, и, вместо традиционных «я должен сообщить» или «у меня есть новость», он сказал просто:

— Я нашел дедушку, которого ждал еще в детстве.

Трубка в ответ ахнула и на мгновение замолчала, чтобы разразиться вопросами:

— Что ты такое говоришь? Ты в себе? Ты не пьян?

— Я не пьян. Моя бабушка Анастасия Ильинична Бланк и мой дедушка Николай Павлович Зеленцов в гражданском браке имеют сына — моего папу Дмитрия Аркадьевича. Но теперь, правда, не Аркадьевича, а Николаевича.

Трубка захныкала, а потом в ней раздался баритон:

— Дмитрий, послушай меня внимательно. Только не клади трубку. Я сейчас оформляю тебе гражданство, ты скоро приедешь жить к нам. Настройся на это. Ты меня понял?

— Не сейчас, папа. Пусть Европа немного передохнет от нашествия new Russian³⁷. Папа, я думаю, что лучше всего тебе оформить визу и приехать в Ростов. Ты, наконец, должен прояснить отношения со своим настоящим отцом.

— Сынок, что это за история? Откуда ты это взял?

— Папа, если ты по-прежнему считаешь меня придурком, то, во-первых, мне незачем ехать к тебе в Германию, а во-вторых, ты можешь проверить «эту историю», позвонив бабушке. Имей ввиду, она только сегодня села в поезд и приедет не завтра утром.

— Трубка опять замолчала, а потом осторожно сказала:

— Сынок, я никогда не считал тебя придурком. Что у вас там происходит?

— То, что должно было произойти много-много лет назад, но оттягивалось.

— Почему?

— Какой неловкий вопрос, папа! — Димдимыч позволил себе расслабиться. — Он риторический.

— Неужели это правда?

— Кстати, на чьей скрипке ты сейчас играешь?

— На своей, разумеется, а что? Ты тоже хочешь на ней поиграть? Подожди...

— Ты играешь на скрипке своего деда, — перебил его Димдимыч. — И ты, и я — мы генетически подвержены скрипичной болезни. Ты можешь это сразу понять?

³⁷ «новых русских».

— Нет, — честно сознался отец.

— Вот поэтому тебе и надо приехать в Ростов и выяснить все, что касается твоей, нет, нашей семьи.

— Но я был в Ростове и мне Николай Павлович ничего такого не рассказывал. Бред какой-то или я сплю!

— Прости старика за это. Он тогда, так как и ты сейчас, был в полном шоке.

— Что там такое со скрипкой, скажи еще раз, я не понял?

— Буквы «PZ» на ней означают «Павел Зеленцов». Это его скрипка, скрипка твоего деда и моего прадеда. Он был ее владельцем и на ней играл. Правда, это было домашнее музицирование.

— Я сегодня не усну.

— Правильно, тебе надо собраться в дорогу. И лучше бы тебе вернуться назад.

— Не фантазируй. В любом случае, завтра я не приеду. Скорее всего, через месяц.

— В таком случае, позвони бабушке. Лады? А потом, как знаешь...

Глава 11.

«Счастлив тот, кто доволен своею судьбой»

*Ужели потому, что не могу выпить
целой реки, не брать мне и в меру полезного
для меня?*

Св. Кирилл Иерусалимский

Димдимыч закончил консерваторию. Он перспективный скрипач. Так называют тех, кто может стать лауреатом Международного конкурса. Он может быть хорошо оплачиваемым музыкантом, но для этого одной заявки в Прагу мало. Нужно играть и играть. Его родителям, оформившим его заявку, небезразлично, как выступит на конкурсе сын, поэтому они звонят из Германии с недельным интервалом:

— Димдимыч, чего ты упираешься, приезжай к нам, — предлагает отец. — Здесь ты сможешь заниматься с полной отдачей.

— Понимаешь, — вторит ему мать, — человек, который распыляется, не может быть результативен в главном деле жизни. Если ты хочешь добиться результата, ты должен отбросить все второстепенное.

— Деду 80, Ветру 10, кто из них второстепенное? — раздумчиво отвечает Димдимыч.

— Сынок, от того, как ты будешь строить карьеру, зависит твоя будущая жизнь, — увещевает отец. — Хотя бы лет десять ты должен поработать только на себя.

— Отец, ты полностью доволен своей жизнью? — прямолинеен сын.

— Может, ты не хочешь ехать на конкурс? — обиделся отец.

— Не уверен, что мне необходим его результат... Участие в конкурсе такого масштаба должно иметь конечную цель. Какую? Обойти всех оркестрантов? Устроиться на работу за границей? Получить работу в столице?

— Тогда зачем заниматься скрипкой? можно выбрать другую специальность, чтобы быть, как все, — удивляется мать.

— Я занимаюсь скрипкой, потому что в этом занятии все зависит от меня. I am that I am³⁸. Неужели мне никак нельзя не изменять свои габариты? Пока.

— А как же честолюбие? Оно должно быть у настоящего мужика! — настаивает мать.

— Мама, разве у настоящего мужика должна быть только такая работа, которая приносит большие деньги? А совесть? А семья?

— На что же ты собираешься содержать свою семью, чтобы успокоить свою совесть?

— Пока на заработки от одной или нескольких работ. Я должен найти то, что будет мне не чуждо. Так делают все умные современные люди.

³⁸ Я есть то, что я есть (англ.).

— Ты не современный, Дима, ты слепец. А когда ты прозреешь, может быть очень поздно.

— Папа, мне кажется, что я пока должен добровольно побыть слепым, чтобы лучше видеть после.

— Чтобы разочароваться, а потом опуститься? Пойми, в нашей профессии очень важно не потерять время.

— Папа! Слава, о которой ты грезил, привела тебя не в райские кущи, а к неврастении, разве что за рубежами Родины.

— Здесь я живу в полном комфорте. Ты видел, что у меня свой дом, «Мерседес», мобильный телефон, ноутбук с универсальным интернетом, через который я могу не только связываться с кем угодно, но и перестать ходить в кино и в книжные магазины. Твоя мама давно забыла, что такое газовая плита и ручная мойка посуды, она заказывает продукты с компьютерного склада и пользуется новейшими косметическими средствами. Мы живем цивилизованно, комфортно и просто.

— У моего дедушки была пригоршня оловянных солдатиков, а у бабушки одна тряпичная кукла, и это не мешало им жить просто и не помешало стать нормальными людьми. Я сейчас живу медленнее, чем вы, но то, что это плохо — спорно. Компьютер у меня есть, стиральная машина — само собой, Windows можно, конечно, поменять на новый. Есть мобильный телефон, машину я куплю. Что касается приготовления еды и мытья посуды — это не проблема, это, можно сказать, активный отдых.

— Ты даже не отдаешь отчета в том, как ты своим юродством ограничиваешь себя! Тебя узнает мир, если ты вырвешься из своего мира!

— Многие отличаются непониманием ограничения... Но всему свое время.

Сложные переговоры. Они считают, что их гениальный сын должен жить в необыкновенных условиях, он — что жизнь зависит не только от условий, а еще от чего-то другого. «Чего-то» не проговаривается вслух и, наверное, поэтому никак не определится материально. Даже на ультимативное «семья должна жить вместе», он отвечает: «Это правда. Наконец-то, мы понимаем друг друга», но не покупает билет в Дюссельдорф в один конец.

Николай Павлович открыл калитку высокого металлического забора, и Димдимыч с Ветром оказались на приусадебном участке, по колено заросшем травой. Трава оттеснила дом на задний план, словно давая понять, кто здесь хозяин. Кусты бесхозной сирени, как тропические дебри, вымахали вдоль забора в двухметровую высоту, а ее побеги деловито завоевывали свободную территорию. Единственное дерево, сохранившееся после возведения фундамента и разбавляющее зеленый окрас участка яркой желтизной плодов — жердѣла. Ее дикие мелкие абрикосины, не дождавшись рачительно-го хозяина, падали у порога, создавая желто-красный азиатский орнамент ковра, привлекающего хоровод ненасытных ос.

Димдимыч окинул взглядом нерукотворную природу, вдохнул ее аромат и восторженно спросил:

— Это наш сад?

«Очень запущенный Баскервиль-холл!» — подумал Ветер, по-своему помечая кусты по периметру.

— Да я уж продавать хотел, — неуверенно откликнулся Зеленцов. — Еще в девяноста девятом...

— Почему?! — обернулся на него Димдимыч. — Почему надо избавляться от такой красоты? Или ты боишься национализации, дед?

— Я боюсь, что мы с тобой забодаемся эту «красоту» приводить в божеский вид. Работы непочатый край и на участке и в доме. Вот потому он столько лет и стоит как недвижимость. Думал, умру, а ты в наследство вступишь и сам решишь, что с этим домом делать — продавать или достраивать. За участок в черте города очень хорошие деньги дадут. Мне ведь сейчас и своей квартиры хватает. А тут подумал, раз ты к родителям не собираешься, тебе надо приличное жилье...

«Нет, мужики, от недвижимости избавляться не надо. Ее надо беречь — это мы, собаки, знаем!» — Ветер, довольный пробежкой по территории, боком толкнул ногу Димдимыча.

— Правильно подумал, дед. Жалко, что ты раньше не показал этот дом. Мы бы его давным-давно благоустроили. Но с другой стороны, разве у нас с тобой план и сроки поджимают?

— Да здесь и без плана ясно, что работать придется каждый день с утра до ночи.

— Но ведь ты хотел иметь свой дом, когда покупал все это?

— Хотел... Сколько лет снимал квартиру, пока она мне в собственность не перешла? Да, считай всю жизнь. Вот всю жизнь и мечтал иметь свой дом.

— Тогда придется осуществлять мечту, дед.

Отпихивая ногами осыпавшиеся плоды, они шагнули на порог дома. Дед нашарил в кармане ключ и смущенно открыл дверь. На них дохнул прохладный воздух кирпичных стен. Димдимыч присвистнул, а потом сказал:

— Хоромы можно сделать! «Нурул Иман Палас»³⁹ не факт, но добротный house⁴⁰ точно. Мансарда — это хорошо, а второй этаж ты принципиально не захотел строить — архитектурная причуда?

— Да как-то двухэтажные тогда не строили. Мне предложили проект, я согласился. По-моему, неплохой, а? — Николай Павлович по-хозяйски открыл две межкомнатные двери и прошел на веранду.

— Сейчас архитектура, конечно, более взбалмошная, но и из этого квадрата, если очень постараться можно сделать модерн.

— Пойдем, я тебе погреб покажу.

— Еще и погреб?

— Ну, может, ты решишь, что место под гараж...

Широкое и вместительное помещение под домом, действительно, могло быть оборудовано как гараж за счет отдельного входа и продуманной вентиляции. Распахнутая настежь дверь потоком дневного света вспугнула летучую мышь, она метнулась к выходу, но, облаянная Ветром, забилась где-то под потолком.

³⁹ Дворец брунейского султана (22 гектара крыш, покрытых золотой черепицей, 1778 комнат – 300 млн \$).

⁴⁰ Дом (англ.).

— Проем надо расширить и поставить ворота, — решил Димдимыч, — а здесь площадку для заезда обязательно продумать.

Николай Павлович удивлялся сметливости взгляда Димдимыча, тому, как внимательно он осматривал каждое помещение и, стараясь вернуть парня к реальности, произнес:

— Плохо, что газ не подведен, а на это разрешение нужно. Вот, кстати, из-за этого погребца, с ним проблема будет. Тоже неизвестно, сколько будет стоить ее решить.

— Нет, дед, коробочку тебе сложили хорошо! — Димдимыч как будто пропустил мимо ушей замечание деда. — Столько лет не садится и нигде не трещит!

Димдимыч настежь распахнул окно предполагаемой столовой и повернулся лицом к деду:

— Когда же ты его возвел?

— В начале девяностых.

— Ух, ты! В самый завал!

— Ну, да. Участок хороший подвернулся, надо было быстро капитал вкладывать.

— Деньги на сберкнижке хранил? — прищурил глаза Димдимыч.

— Как только сумма приличная накопилась, снял и сразу в участок вложил.

— А коммунисты считали, что любое накопление капитала есть воровство, — подзадоривал его внук.

— Потому и невинные «горбачевские» кооперативы налогами глушили, чтоб не путались под ногами? — распалялся Зеленцов. — А потом по-гайдаровски многолетние сбережения населения в пыль превратили.

— Это ты про ваучеры вспомнил? — не уступал в интересе Димдимыч.

— Да не только про ваучеры. Ваучеры простого человека — это бумажки для безграмотных. «Владельцами заводов, газет, пароходов» они их не сделали. — Зеленцов раскурил сигарету. — Первоначальное накопление капитала в стране, знаешь, когда осуществлялось? В семнадцатом году. А как? Грабежом. А ваучеры — это что? Идея раздачи конфискованного после революции. И ведь тоже накопление капитала! Как? Во-первых, в 1992 повышением цен без индексации сбережений и без возможности приобрести хоть что-нибудь в собственность на свои же деньги. Все рубли взяли и отняли, — Зеленцов пыхнул дымом в окно. — А во-вторых, обесцениванием самого ваучера процентов на девяносто, так как эта доля была изначально предназначена «лучшим» собственникам, инвестиционным фондам, которые на фондовых махинациях и разбогатели. Ваучер стоил три тысячи, как килограмм колбасы тогда.

— Всего?

— Всего. Видишь, ты не знал об этом. А кто на себе прочувствовал, помнит. Так вот. Когда все, кто это на себе ощутил, умрут или забудут, то остальным это горе покажется небольшим. Так устроена людская память: все, что сейчас незначимо, забывается.

— А каким образом ты не позволил себя облапошить?

— Ни одни бухгалтеры способны постичь горизонт экономики! — хитро подмигнул дед.

— У тебя кубышка в какой валюте сохранилась?

— Чтобы и ее не отняли — в твердой, — слегка прищурив правый глаз, запальчиво произнес Николай Павлович.

— В «капусте» или в off shore⁴¹? Дед, да ты весьма экзотичный собственник для своего времени! А кровь не леденела, что можно в тюрьме оказаться, вкушая дух коммерческой свободы?

— Не леденела, — дед вдавил окурочек в старую консервную банку, стоящую на подоконнике. — У меня биография экзотичнее, чем у «шестидесятников», которые не нахлебались так, как я. Страх — он тоже имеет предел. Я отбоялся свое. Кстати, я раньше «Camel» курил и мне не приходилось бутылки сдавать.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское?

— Ой, не говори так! Это адвокаты переделали, чтобы поговорку «не пойман — не вор» как-то облагородить. Ты так и спроси: «Воровал?»

— Я не грубиян...

— Я ни рубля за свою жизнь не украл, — ответил Николай Павлович с вызовом. — У меня и в мыслях не было украсть у кого-то хоть что-нибудь. Но закон сначала сказал: «Не смей!» и я подумал, что есть, наверное, такие, которые обойдут его. Вот я и решил упредить и пойти против течения.

— Закон обольстил тебя?

— Получается, что да. Но я тоже не лыком шит — зарплату получал в триста рублей, да подрабатывал на заказах, считай почти столько же. По тем временам это хорошие деньги.

⁴¹ «Вдали от материка» (англ.); анонимное владение собственностью. Отсутствие коммерческой деятельности в стране регистрации, позволяющее скрыть или свести к минимуму налоговые отчисления.

— А налоги?

— Само собой. И от жертвы Красному Кресту, ДОСААФу, профсоюзу, не уклонялся, исправно облигации покупал. И копил. Так что знай наших! — Он побарабанил по банке с окурками и, решив сменить тему, заговорщицки посмотрел на внука. — Ты мне вот что скажи, похож я сейчас на дряхлого старика?

— На комплимент напрашиваешься? Сам знаешь, что ты не дряхлый. А еще ты не пафосный, не заумный. Ты и сына, и дом, и дерево — все успел, хотя и шел своим путем. В тебе есть качественная простота. И как ты ее сохранил при уголовных пинках фельдфебелей и наркомов?

— Ты думаешь легко не вспоминать о них крепким словом?

— Думаю, что нет.

— Вот именно. Туго было. А потом я стал спрашивать себя, куда они засунут свой прикуп?

— Но ведь живут же!

— Может, и да. Вопрос, как?

— Многие припеваючи...

— Ну, знаешь, библейские законы не рассчитаны на одно поколение. Все в жизни распределяется пофамильно. — Николай Павлович помрачнел. — Я очень стараюсь о них не думать. Жизнь ведь может быть разной.

— Ну, и правильно. Не пекись о чьих-то грехах, думай о себе, о настоящем. Сколько сейчас забот спокойных и радостных! Вот дом надо довести до ума.

— Денег, наверное, много надо? За наши с тобой духовные труды не много теперь платят. Но у меня еще кое-что осталось.

— Да, напрячься придется... Между прочим, на первых порах нам и знакомые инвесторы могут помочь. Ты инвестициями из поверженной Германии не побрезгуешь?

— Это от Дмитрия с Еленой? Не стоит, Дима. Мы сами как-нибудь.

— Подожди, дед, мы ведь их не грабить собираемся, а подвинуть к выгодным вложениям капитала.

— Ну, не знаю. Я тоже должен оставить наследство сыну и внуку.

— Да, брось ты! Мы все друг другу должны и неизвестно, кто кому больше. Ты уже оставил вон сколько!

— Ну, не так, как у тебя в Германии, там родители, небось, постарались?

— Кстати, а почему ты думаешь, что они навечно там осядут? Может они как раз в этот дом и приедут.

— Думаешь? — оживился Николай Павлович.

— Уверен.

«А я бы не откладывал переезд, а остался бы здесь прямо сейчас. Классное место и его охранять надо. Гав!» — Ветер устремился к забору, увидев соседа.

— Ветер уже считает себя хозяином, — прокомментировал Димдимыч. — В общем, дед, смотри. — Димдимыч уперся рукой в косяк двери. — Хоть Папа Римский и советует поспешать не торопясь, нам медлить нельзя. Потом, сами мы с тобой, хоть и упрямся рожками и ножками, красиво не сделаем — здесь профессионалы должны работать. Значит, нам надо срочно найти хороших мастеров, которым мы скажем: «Сделайте нам кра-

сиво» и они сделают. Ну, а уж садом сами будем потом заниматься, урывками.

— Для перемены напряжения, — дед тоже скрыл за легковесным тоном переполняющие душу положительные эмоции.

Тамара любила перед зеркалом долго причесывать волосы. Она вообще не ходила к модным парикмахерам, не доверяя никому свое богатство. Когда она снимала переливающийся зажим, они лились блестящей темной волной по ее спине, скользили по плечам на грудь, обнаруживая свою силу и тяжесть. Говорят, шикарные волосы она получила в подарок от прабабушки гречанки, которую ее родители никогда не видели, но на которую ссылались, дабы подчеркнуть хорошее происхождение. Отец должен был бы иметь сходство с бабушкой, но, ни его нос, ни глаза, ни лоб, ни тем более, волосы не отдавали оттенком Эгейского моря. Отец и мать Тамары носили фамилию Харлампиди, но были просто симпатичными людьми.

Не нужно было долго заниматься поиском ответа на вопрос, почему Димдимыч, имеющий склонность души оглядываться на девушек, непременно возвращался к Тамаре. Тамара была старше его на год и научилась принимать его темперамент как должное, не застревая на своих обидах. К двадцати трем годам она обрела настоящую женскую сексуальность, которая приводила его в трепет одной только походкой. В двадцать девять лет Тамара была свободна, вернее, не-зависима. Здесь есть тонкая граница, отделяющая банальную принадлежность мужчине и власть над ним. Она понимала, что

полигамные проблемы для Димдимыча еще не решены и ждала, когда он сам придет к определенному решению.

Вопрос «Чего желала Тамара?» Димдимычу был ясен не всегда, именно поэтому они иногда ссорились и расставались. Его сложная натура интуитивно чувствовала, что Тамара стремится к красоте и гармонии в оформлении быта, к внешней привлекательности, поэтому у нее одной из первых девушек консерватории появилась собственная бордовая «десятка», в которую она со знанием дела заливала бензин на сэкономленные наличные деньги и на которой бесстрашно рассекала по переполненным улицам. Ему нравилось, что она никого не критикует и не наживает себе врагов. Например, когда он спорил с дирижером, она не боялась вставить какое-то смешное слово, чтобы вовремя дипломатично разрядить обстановку. Димдимыч понял, что Тамара не трудоголик. Она загорается, когда берется разучивать новый материал, но потом заставляет себя продолжать над ним работу. Она трудится, но филигранности при этом добивается не всегда. Однако эта черта не раздражала Димдимыча. Забавляясь, как она начинает сердиться, если ей жизнь подбрасывает неприятный сюрприз, он деловито показывал ей рациональный прием, например, как лучше сыграть или выучить музыкальный фрагмент, а потом, упиваясь малиновым запахом ее губ, предлагал пирожных.

Родители Тамары были знакомы с Димдимычем и препятствий для их встреч не чинили. Периодически они спрашивали ее, когда они поженятся, на что она давала разнообразные оптимистические ответы. Конечно,

они не знали, что во время их отъездов на курорты Димдимыч перебирался в комнату Тамары. И только Роза Исааковна Мирельштейн, соседка Харлампиди, иногда замечала-таки, что «Тамарочка играла вчера не просто хорошо или мелодично, а... кошерно!». Она неважно выговаривала букву «р», отчего она западала куда-то в глотку, но родители Тамары, как ей казалось, понимали смысл этого слова.

Через три года их редких интимных встреч Тамара узнала, что у Димдимыча лунатизм. Однажды среди ночи она не почувствовала его доменного присутствия у своего тела, пошарила рукой по пустой простыне, а потом сообразила, что скрипка, которую она слышит, звучит наяву, а не во сне. Она как бешеная вскочила на этот звук, обнаружила Димдимыча играющим в гостиной при ярком свете луны, подошла ближе и все поняла. Она не испугалась, не закричала ему, чтобы он просыпался и шел в кровать, не рвала у него из рук инструмент, тем более что он звучал вполне благозвучной незнакомой темой. Она мягко обняла его своим горячим телом, подождала, пока он проснется, и увлекла обратно в постель.

Наутро он бормотал ей что-то невнятное, избегая встречи с ее пронизательными миндалевидными глазами, но она очень просто прервала его бредовые объяснения:

— Я знаю, такое иногда случается с людьми. И что это не лечится.

— А многие думают, что по ночам у меня вырастают рога и хвост, — благодарно откликнулся Димдимыч.

Расчесывая волосы, Тамара прислушивалась к движениям своего тела, нехотя позволяя Димдимычу касаться своей груди.

— Том, я тебя опять хочу, ты такая маленькая.

— Отстань, наглец, тебе пора одеваться.

— Том, ну, давай еще, а?

— Иди, одевайся!

— Томочка, кошечка, а ты так пойдешь, да?

Она критично взглянула на него и произнесла:

— Как долго мужики остаются глупыми!

— Тамара стала феминисткой! — патетично произнес Димдимыч. — Она пришла к радикальному осознанию гендерных различий.

— Димдимыч, мы с тобой на работу опоздаем.

— Тома, мне кажется, что у тебя машина сломалась, — озабоченно произнес он.

— С чего ты взял?

— Мы скажем дирижеру, что у тебя сломалась машина.

Он снял со стула свою рубашку и набросил ее на Тамару.

— Ты опять собираешься играть с ним в «кошки-мышки»? Вы можете серьезно разругаться, — она сняла ее с себя и начала одеваться. — Дима, ты понимаешь, что можешь из-за своей непосредственности потерять работу в оркестре?

— И тогда я покину этот провинциальный город и отправлюсь на заработки в страны Европы. — Он ко-

мично подогнул штанины брюк. — В коротких штанах и в тирольской шапке с фазаньим пером.

— Кстати, Дим, ты собираешься ехать на конкурс?

— На какой конкурс?

— Ну, ладно, не кривляйся! Ты поедешь на Международный конкурс?

— А ты как хочешь, чтобы я поехал или нет? — взгляда его потерял веселость.

— Дим, конкурс в Праге ты уже пропустил, теперь еще один шанс. Я думаю, что тебе надо поехать, потому что тебе здесь неинтересно...

— Почему мне неинтересно, — он обнял ее и поцеловал. — Почему ты думаешь, что мне с тобой неинтересно?

— Потому что ты чертовски талантлив, — она отстранилась от него. — Тебе надо играть в другом месте.

— Ну, ты и сравнила, Том! Неужели мой образ так infernalен⁴², что я должен играть в аду? Ладно бы сказала, божественно талантлив. Тогда бы я еще подумал поехать на конкурс или пойти сейчас на репетицию, чтобы играть с небожителями рангом пониже.

— Ты можешь сказать серьезно? Да или нет.

— Серьезно, я еще не решил. Это серьезно.

— Дим, а ты никогда не думал уехать к родителям за границу?

— Том, ты хочешь пожить с моими родителями?

— При чем тут я! О тебе речь, Дим.

— Нет, Том, речь сейчас о тебе. Я чувствую. Так ведь? — он взял ее за руку и начал водить пальцем по ладошке.

⁴² Исполнен дьявольскими красками.

Тамара выдернула руку:

— А ты больше ничего не чувствуешь, нет? — она посмотрела ему в глаза и закатила истерику. — Ты не чувствуешь, что у меня давно нет месячных? Что меня тошнит? Что у меня болит грудь, когда ты прикасаешься к ней? Посмотри на эти черные круги под глазами, они не проходят по утрам! Что бы это могло значить, а Димдимыч? Ты про это ничего не читал?

Он силой притянул ее к себе, прижал к груди и прошептал:

— Я читал, Том, что в таких случаях люди женятся.

— Ты бы не женился, если бы... — она продолжала всхлипывать.

— Я люблю тебя. Зачем нам сейчас «если бы». — Он долго наслаждался ее чувственным ртом, а потом серьезно спросил. — Мы сразу распишемся или как?

— Ну, что ты! — она вытерла щеку от набежавшей слезы. — Надо по-человечески, все-таки.

— Том, ты знаешь, как это делают люди? — он снова перешел на шуточный тон. — Нам, человекообразным, это неизвестно.

Она не выдержала и рассмеялась, вздрагивая плечами.

— Знаешь, Том, я не люблю плясовую музыку, а на больших сборищах без нее никогда не обходятся. Я не люблю больших сборищ.

— Дим, я только говорю, что надо подготовить родителей.

— Они у тебя до сих пор не готовы к тому, что ты однажды выйдешь замуж, Том?

— Ну, они же не знают, за кого я выйду замуж, — она приняла его игривый тон.

— Вот те раз! Ты еще скажи, что таких как я, у тебя пруд пруди.

— Может быть, они так и думают.

— Твое «может быть» укладывается только в жанр утопии. Голова Розы Исааковны с тяжелым начесом давно знает правду. Она-таки молчаливая? — он интонационно передразнил Тамирину соседку, а потом согласился с условием любимой. — Ладно, давай сохраним бытовое благочестие — оповестим всех.

Через десять дней на сотовом телефоне Тамары появился незнакомый номер:

— Алло!

— Алло! Здравствуйте, я мать Дмитрия Дмитриевича Александрова. Вы Тамара?

— Да, здравствуйте.

— Тамарочка, мне Дима рассказал, что вы скоро поженитесь. И я рада, честно.

Несмотря на мелодичное признание красивого сопрано, Тамара почувствовала, что Елена держит дистанцию.

— А вас зовут Елена...

— Зовите меня Еленой, отчество совсем необязательно. Я считаю себя европейской женщиной.

— Как хотите, — индифферентно ответила Тамара. — Елена, вы в Ростове?

— Нет, я звоню из Дюссельдорфа. Я выпросила ваш телефон у сына для того чтобы вас поздравить. Я получила по электронной почте вашу фотографию и в

восторге. Такую девушку невозможно не любить.

— Спасибо, Елена.

— Я поняла, что вы с Димочкой связаны не только узами любви, но и одной специальностью. Как это важно! У нас с мужем никогда не было разногласий на профессиональной почве. И надеюсь, не будет и у вас.

— И я надеюсь.

— Я думаю, что мы с вами подружimsя. Я уже по вашему голосу это чувствую.

— Я не возражаю.

— Тогда мы с вами будем вместе наставлять Димдимыча на путь истинный, ладно?

«Поздно, Клава, пить боржоми, когда печень полетела...» — усмехнулась про себя Тамара и уверенно произнесла:

— Да он меня не очень-то и слушается.

— Ну, что вы! Он должен вас слушаться, — безапелляционно сказала Елена, а про себя подумала: «Это плохо, если он тебя не будет слушаться. Это не дело». — И я буду вашей союзницей.

— Спасибо, — промолвила Тамара, не понимая, куда она клонит.

— Тамара, вы знаете о том, что Дмитрий должен обязательно поехать на Международный конкурс скрипачей в Геную?

— Он мне сказал, что еще не решил.

— Да нет же! Все уже решено. Я не пойму, что он жеманничает, как барышня. Он готовится?

— Ну, он играет...

— Он всегда играет. — Односложные ответы будущей невестки досадовали Елену. — Я спрашиваю, он готовится к конкурсу?

— А почему бы вам самой у него не спросить?

— Я думаю, что вы должны ему помочь определиться.

— Елена, разве Вы не знаете характер Димы? Он живет по своим законам, никому не подражая и не позволяя менять свои решения.

— Я знаю. Потому я и обрадовалась, что теперь вы сможете на него воздействовать. Вам надо, понимаете, надо его убедить в том, что он должен поехать, — тон Елены был властный и жесткий.

Тамара тоже не стала маскироваться под тихоню:

— Мне надо родить здорового ребенка. Это все, что мне пока надо. И ему, я думаю, тоже.

На другом конце провода повисла пауза. Глаза будущей свекрови блеснули слезами, она поежилась в кресле, но терпеливо продолжила:

— Простите, это звучит как банальность. Конечно, ребенок на первом месте. Но ребенок должен расти в обеспеченной семье, и вы должны быть настроены более радикально к переменам настроения Дмитрия. Сегодня он не хочет повышать свою квалификацию, а завтра будет поздно.

— Хорошо, — устав от напряженного разговора, уклончиво ответила Елена. — Я поговорю с ним.

— Вот это другое дело, Тамарочка. Постарайтесь его убедить, я прошу вас. Я еще позвоню, если позволите.

«Попробовала бы я не позволить!» — подумала Тамара.

Неожиданно для себя Дмитрий Дмитриевич заметил, что его любовь к Тамаре из страстно-сти преобразовалась в иное состояние, более сильное, чем то, что было все годы их знакомства. Всплеск восторженности, новизна чувств, эротика страсти, привычка гарантированного присутствия трансформировались в нежность. Любящий пересыпать свою речь иностранными словечками, он называл это чувство по-английски *factual*⁴³. Теперь между ними возникло то действительное, настоящее, что накрепко связывает мужчину и женщину.

Свое новое самоощущение Дмитрий Дмитриевич связывал с чувством ответственности перед тем существом, которое станет его продолжением. Теперь для него стали особенно небезразличны родовые корни и история фамилии. Было время, когда он разрывался между фамилиями Бланк и Александрова. Комплекс ребенка знаменитых родителей заставлял его чуть слышно проносить свою фамилию во время учебы, чтобы не думать, что он только отсвет от своих выдающихся предков. Он невольно делил похвалу напополам с матерью: «Это Леночки Александровой мальчик! Какая прелесть, как талантлив!» Похвала, которая почти всегда начиналась с «Леночки Александровой», оставляла в его душе досаду, как будто он всего лишь выполняет Леночкину волю. И даже имя Димдимыч скрадывало собственную душевную полновесность за блистательное имя отца. Теперь

⁴³ Фактическое, истинное.

возник третий вариант, позволяющий ему вырुлить на самостоятельную дорогу.

Елена не знала, что Дмитрий впритык успел отправить заявку на конкурс под фамилией Зеленцов и получил официальное подтверждение о включение его произведений в программу. Переделка документов вызвала в «казенных домах» полное недоумение, дескать, отличная фамилия, зачем это надо. Но Дмитрий, подшучивая над разными каверзными вопросами, и не распространялся о действительных причинах перемены.

— Дед, — сказал Дмитрий за ужином, показывая новый паспорт, — теперь мы с тобой оба Зеленцовы.

Николай Павлович поперхнулся и покраснел, а Тамара ахнула:

— Я родителям сказала, что выхожу замуж за Александра!

— Ничего страшного, Том, скажешь, что передумала и выйдешь замуж за другого. Тебе ведь правда, все равно, за кого выходить?

Ветер вскинул голову на внезапное волнение и оживление. «Что она так нервничает, что у Димдимыча две фамилии? — подумал Ветер. — Вот у меня два имени. Ну и что? Интересно, какая у меня фамилия? Бланк, Александров, Зеленцов или Сенбернар? По звучанию, лучше всего последняя. Она выигрышно подчеркивает мои древние корни. Жаль, что люди редко называют ее».

Объявление о выступлении Зеленцова Дмитрия Дмитриевича его родители, специально приехавшие на конкурс, встретили по-разному. Дмитрий Бланк поднял бровь и хмыкнул, Елена Александрова поджала губы и вряд ли слышала целиком программу сына.

На конкурсе он играл на «Гварнери», которую вручил ему отец:

— Ты должен играть на роскошном инструменте, — сказал он. — Когда меня не будет на этом свете, наша «Гварнери» перейдет к тебе.

Музыканты говорят, что прославленные инструменты имеют не столько неповторимое звучание, сколько духовно-философскую нагрузку. И они правы — мастерство исполнителя заключается в его исполнительской манере. Совершенная манера исполнения делает совершенным инструмент. Негордая скрипка Дмитрия Зеленцова, сделанная руками хорошего современного российского мастера, звучала неотличительно от «Гварнери» глубоким и патетичным звуком, особенно в пьесе Альфреда Шнитке.

Легендарный инструмент, к которому Дмитрий прижимался щекой, исполняя конкурсную программу, передавал дух культуры *bel canto*⁴⁴, веками воспеваемый на итальянской земле. Уникальность дарования Дмитрия, проявившаяся еще в детские годы, пела голосом всемирной красоты и голосом всемирной истины: «Под этим знаменем ты победишь!»

Никаких чудес не произошло, когда по результатам конкурса Дмитрий был объявлен лауреатом I степени и встречен аплодисментами академического зала.

— Ну, что, Зеленцов-младший, я рад, — обнял сына отец. — Теперь ты понял, сынок, что надо идти вперед?

— Скорее почувствовал, что костюмчик жмет в подмышках.

⁴⁴ Прекрасное пение.

Глава 12.

«Уметь наслаждаться прожитой жизнью — значит жить дважды»

*Есть две добродетели, создающие
спасение человека: вера и любовь.*

Преп. Феодор Студит

За девять лет Николай Павлович привык встречать и провожать Анастасию Ильиничну. Каждый год она приезжала поездом или самолетом. Каждую осень в октябре он отмечал именины сердца.

Он медленно ходил с цветами по залу ожидания, где толпились люди, встречающие самолеты из Мурманска, из Москвы, из Петрозаводска... Он не находил себе места, двигаясь взад и вперед. Здесь невозможно читать — не читается, сидеть — не сидится, думать о чем-то серьезном — не думается. Но, очевидно, без взвинченности волнующего часа ожидания он не почувствовал бы приятного томления души.

Кто-то рядом окликнул Николая, он обернулся, замер, вглядываясь в толпу, голос показался знакомым. Немного успокоившись, решил, что померещилось, и

продолжал искать глазами Анастасию, пока с другой стороны не услышал:

— Коля!

Он остановился, ощутив в сердце внезапный толчок, и оглянулся. Анастасия стояла в элегантном светлом плаще с накинутым через плечо темным газовым палантином и отличных лаковых туфлях. Волосы ее переливались серебром, а глаза лучились радостью. В этой женщине живет душа и великая искренность, наверное, поэтому при взгляде на нее можно сразу сказать: «Она добрая женщина».

— Настя! Какое счастье! — просиял он. — Подумать только, как я мог не заметить тебя сразу.

— Я тебя сразу узнала... — сквозь слезы прошептала она, и это были первые слова, которые она смогла произнести.

— Пойдем, — он коснулся губами ее лица.

Она теплой ладонью гладила его щеку.

Вокруг бурлила толпа, люди проталкивались — кто на выход, кто к приезжающим, — задевали свои сумками и пакетами.

Николай ловил на себе взгляды людей, которых, видимо, удивляло, что двое стариков идут, держась за руки, как школьники. Это радовало, и он крепче сжимал Настину руку, а она всякий раз отвечала ему коротким пожатием.

— Настя, я говорил тебе? — с нарочитой серьезностью остановился он на улице.

— Что? — Она вскинула на него сияющие глаза.

— Что я тебя люблю?

— Кажется, нет, — лукаво улыбалась она.

Он чмокнул ее в щеку, они захохотали и ускорили шаг, словно их застали на месте преступления. Потом шли то медленно, степенно, то почти бегом, смеясь и переходя на игривый тон. Они не заметили, как такси подъехала к дому и как перед ними выросла дверь подъезда.

После шумной улицы на лестнице совсем тихо. Поворот ключа раздается по всем этажам. Войдя в неосвещенную прихожую, Николай притянул Настю к груди и сразу почувствовал мягкость ее тела.

— Ты опять на неделю? — шепотом спросил он, чувствуя на своей щеке ее дыхание.

— На две, — так же шепотом ответила она. — У меня билет на самолет на двадцать девятое октября.

Они уселись на диване, бросив вещи посреди комнаты, и Настя стала рассказывать о том, сколько забот с внуками, хотя они и выросли, как сложно жить детям в эпоху перемен. Говорила она больше, чем нужно с излишними подробностями то, что было ясно и так. Он не столько слушал, сколько смотрел на нее — на ее сосредоточенное лицо с милым прямым носом, на тщательно подкрашенные брови. Как искусно и незаметно она пользуется косметикой! Маленькая, седая и хрупкая женщина, так властно вошедшая в его судьбу, была рядом. Она внесла в его холостяцкий дом то новое и необычное, что заполнило и в корне меняло его жизнь. Он уже успел понять ее, хотя еще многого не знал о ее прошлом, не был знаком с ее дочерьми, внуками. Впрочем, и не докапывался, слушал только то, что рассказывала она сама. Он увлекся ее непосредственностью, что даже

не услышал какой-то обращенный к нему вопрос. Настя удивилась:

— Ты не слушаешь?

— Я смотрю.

— Тогда я буду молчать, а ты смотри.

Он провел рукой по ее волосам:

— Нет, мне нравится, когда ты говоришь. Даже все равно о чем.

Она недоверчиво подняла брови и он добавил:

— Ты напрасно оправдываешься. Разве я не понимаю, что у тебя масса дел кроме меня?

— Да, — смутилась она, — но меня все время мучило, что ты меня ждешь.

Телефонный звонок разрезал пунктиром тишину уединения. Оказалось телефон стоит рядом с диваном. Николай Павлович схватил трубку:

— Да, я слушаю.

— Дед, ну ты встретил? — нетерпеливо кричит в трубку Димдимыч.

— Да, мы с бабушкой приехали, — поспешно ответил он.

Анастасия Ильинична встrepенулась:

— Это Димдимыч? Где он, почему он звонит? — Она выхватила трубку из рук Николая Павловича. — Димдимыч, маленький мой, ты где?

— Я дома, а вы почему еще не выезжаете?

— То есть как, дома? — она перевела удивленный взгляд на Николая Павловича.

— Я на Ставропольской улице, ба-а-а. Я там теперь обитаюсь, дед не говорил?

Николая Павловичу ничего не оставалось, как раскрыть сюрприз до срока. Он в двух словах сказал, что

они с Димдимычем достроили дом, что там просторно и уютно, но лучше один раз увидеть.

— А я-то, старая дура, даже не обратила внимания, что Ветра нет!

Дом еще издали показался Анастасии Ильичне добротным и сделанным со вкусом. Его окружал небольшой сад, аккуратно окантованный кустарником и сохранивший из всех цветов октябрины, которые дружной толпой окружали дорожку к дому. Причудливая японская сакура листву сбросила, зато калина помахивала желтыми листьями-платочками и притягивала взгляд красными бусами ягод.

Ветер, лежавший на пороге под ажурным навесом, приветственно встал, размахивая хвостом, и философски глубоко подумал: «Зачем они куда-то отсюда уходят?»

Они вошли в освещенную мелкими яркими лампочками прихожую. Шкафы и зеркала — все находилось на своих местах. Из прихожей двери вели в столовую, гостиную, жилые комнаты и службы. Николай с Настей свернули на веранду, комнатными цветами превращенную в зимний сад. Через высокие окна виднелся розовый закат, уводящий взор в серую гряду облаков.

— Смотри, сколько птиц в небе кружит! Это перелетные?

— Нет, это грачи, они зимуют здесь. Прилетели они с поля, в октябре еще есть чем поживиться, — объяснил Николай Павлович. — Тебе нравится здесь?

— Я как в раю! — восторженно произнесла она, любясь пейзажем из окна.

Услышав бабушкин голос, Димдимыч подошел незаметно и сгреб ее в объятия:

— А я уже неделю живу в этом хоме⁴⁵. Мы с дедом успели к твоему приезду. Так что welcome⁴⁶, бабуля!

— Ну, раз уж ты Димка меня с одним сюрпризом опередил, я тебя опережу с другим, — дед красноречиво посмотрел на внука.

— Дед, ну, может, потом, — Димдимыч выразительно показывал на часы. — Чуть-чуть попозже, а? Дед, ну, это тот кролик, которого фокусник извлекает из шляпы в самый-самый нужный момент.

— Да что вы еще от меня скрываете? — Забеспокоилась Анастасия Ильинична.

— Да не что, а кого, — улыбнулся Николай Павлович. — Наш Димка, кажется, женится.

— Как женится?!

— Ба-а-а! ну, это же так естественно ожидать от гармоничного человека андрогенических, а не гомосексуальных склонностей. Мне почти двадцать восемь, ей двадцать девять лет. Нам пора.

— Это правильно. Но скрывать такой серьезный шаг? — она всплеснула руками.

— Ну, бабушка, понимаешь, так бывает...

— Как это «так»? Она беременная, Дима?

— Ты догадливая, однако. Чуть-чуть беременная.

— Через пять месяцев у нее это пройдет, — иронично прокомментировал Николай Павлович.

— И где же эта девочка?

⁴⁵ Доме (сленг. от англ. — at home — дома).

⁴⁶ Добро пожаловать! (англ.)

— Нет, бабушка, мы сейчас о женщине Тамаре говорим. Она скоро приедет. Она сейчас у родителей, но должна приехать через часик. Ты обязательно с ней познакомишься!

— Коля, да у вас тут загульная жизнь! — начала понимать Анастасия Ильинична.

— Нет, дедушки это не касается, — Димдимыч сделал резкий жест ладонью. — Можешь верить, не сомневаясь! У него сплошная схоластика куртуазной любви. Я так пока не могу.

— Как твоя работа? — она начала приходить в себя.

— Работа, работа и еще раз работа. Я всецело отдался оркестру, бабушка! Работа с моим инструментом — forever⁴⁷. Кстати, мы с Тамарой на работу ездим парой — оркестранты мы с Тамарой.

— А, это та самая девушка, которая у тебя когда-то была?

— Да, бабушка. Как гласит французская поговорка, а французы знают, о чем говорят, — мы всегда возвращаемся к своей первой любви.

— Настя, он, слава богу, уgomонился. — Николай Павлович покачал головой. — Кого у него только не было...

— Да, дед, придется завязывать. Семья — это privacy, — улыбнулся Димдимыч.

— Что еще за прэйвеси? — недовольно поморщился дед.

— Это тайна и неприкосновенность, дед.

— Коля, а Дмитрий с Еленой знают об этом? — вспомнила бабушка.

⁴⁷ Навечно, навсегда (англ.).

— Знают, — ответил за Димдимыча Николай Павлович, который не драматизировал ситуацию.

— И как они? — настороженно спросила Анастасия Ильинична. — Леночка не ругалась?

— А я никому и не обещал уйти в монастырь, чтобы скончаться там в ореоле святости, — произнес Димдимыч.

— Да чего ей ругаться, что она, наконец, бабушкой станет? — спокойно произнес Зеленцов. — Они собираются скоро приехать. Мы за это время с Димкой к свадьбе приготoвимся. Жаль, что ты на свадьбу внука не останешься.

В день отъезда Анастасия Ильинична принарядилась, с утра напекла пирогов с морковью и с яблоками и, дожидаясь, когда Тамара приедет с работы, оделась и вышла в сад.

Стоял ясный, прозрачный полдень. На редкость теплая для этой поры осени погода приятно согревала душу. Она присела в плетеное кресло-качалку и наблюдала — за птицами, что сидели на калине, за травой, которая изумрудно выбегала на засыпанную желтыми листьями дорожку, за облаками, которые мелкими обрывками ваты недвижно стояли в голубом небе. «Осень оказалась самым стремительным временем года», — подумала она.

— Погода летная, — услышала она рядом голос Николая Павловича.

— Нам уже пора в аэропорт? — сонно спросила Анастасия Ильинична.

— Думаю, да. В городе пробки, можем опоздать... Да и Тамару не надо волновать.

— А она уже приехала?

— Только позвонила, сказала, чтобы мы выходили, она не будет заезжать во двор. Они с Димдимычем ждут в машине.

— Да, надо идти.

Они сели на заднее сиденье, удобно откинувшись на высокую спинку. Полный тревожного волнения Николай Павлович всю дорогу молчал. Мимо проносились придорожные дома и деревья, все в лучах яркого южного солнца. Вот поднял полосатую руку шлагбаум железнодорожного переезда, за ним глухая стена какого-то предприятия. В бегущей картине автомобильного окна то слева, то справа догоняют, опережают, сигналият грузовые и легковые автомобили. Вот и город как будто заканчивается. Полукругом появились посадки желтобурых деревьев. Стела с взлетающим в небо самолетом. Дорога поднимается наверх и по ней снова бегут и бегут автомобили.

Вот так же несколько дней назад они ехали на автобусе и радовались встрече. Может быть, сейчас им навстречу в том же автобусе едут другие радостные люди, которые целый год, храня воспоминания, ждали друг друга?

«Тяжело что-то», — подумал Николай Павлович и взял за руку Анастасию Ильиничну.

Она молча посмотрела на него, улыбнулась и ответила рукопожатием.

Они подъехали за полтора часа до посадки и вышли из машины в зал ожидания.

Димдимыч, весело балагурия, потянул Тамару на второй этаж в кафе, деликатно оставив стариков попрощаться.

Они медленно и молча шли вдоль сидящих пассажиров и встречающих, и для них обоюдное молчание было полно особого смысла, как молчания общности, а не разлуки. Они сели на свободные места, но расслабиться не получалось. Вопрос о том, когда она приедет, застревал у Николая в горле:

«Спросить, не спросить? Да надо ли спрашивать? Она сама все понимает, пусть и решает сама... Притихла, наверное, заплачет», — подумал он и сказал:

— Настя, я хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Я знаю, — коротко ответила она, и по искоркам в ее глазах он понял, что она сейчас думает.

— Так мне ждать, или я свободен? — голос его был хриловат от волнения.

— Я думала, что ты это раньше спросишь. Еще утром.

— Она поднялась с места и спокойно сказала. — Коля, мы с тобой уже не можем быть свободны.

— Да, — он тоже встал.

— Нет, ты пока посиди, подожди меня. На этот раз недолго. Я схожу сдать билет.

Еще не успев свыкнуться с так долго ожидаемым и внезапно пришедшим счастьем, Николай не пустился за Анастасией вслед. Он сначала сидел, сцепив на коленях пальцы, а потом порывисто достал из кармана мобильный телефон и набрал номер Димдимыча:

— Димка, вы где?

— Да рано еще, дед. Мы еще в кафе.

— Где в кафе?

— Где-где, на втором этаже.

— А деньги ты еще не все просадил?

— Да не беспокойся, есть еще.

— На всех хватит?

— Чего это тебя распирает?

— Настя сейчас билет сдает, остается, понимаешь?

— Теперь, да. Так надо смываться отсюда поскорее, пока не передумала.

Так в доме Зеленцовых в ноябре состоялись две свадьбы — одна тихая и душевная в домашнем кругу у старших, шумная и нарядная у младших.

Димдимыч сразу увидел маму и отца, прибывших с огромными баулами. Они увиделись, обрадовались, расцеловались. Родители деловито нагрузили молодежь сумками уже в аэропорту. Изредка поглядывая на невестку, Елена зачарованно смотрела на сына:

— Боже, как ты красив! — бесцеремонно говорила она в присутствии Тамары. Потом, вдруг спохватившись, добавляла. — Красивая пара должна и жить красиво. Посмотрите на нас!

По-эмигрантски помолодевшие, набравшие вес и горор, родители Димдимыча вельможено присутствовали за большим столом разномастной родни. И только муж знал, что Елена до крови расковыряла большой палец на левой руке. «Дима, — шептала жена ему на ухо, — мы ведь не поболтать и обаять приехали. Мы ведь за Димдимычем. Мы должны их увезти из этой дыры». «Подожди, Лена, не сейчас», — отворачивался он. Тогда Еле-

на заводилась, переходила на покровительственный тон и опять начинала хвастать знакомствами с кумирами.

Но Харлампида, не давая осечки, говорили, что тоже не лыком шиты. Они представляли родство с влиятельными греками-киприотами, чуть не до Зевса-громовержца, и армянами второй эмигрантской волны — эмирами Востока.

Дмитрий Бланк смотрел какими-то бездомными глазами, и Анастасия Ильинична видела, как он их закрывает, когда ест. «Как восхитительно вкусно! — приговаривал он отбивную, и на ухо матери: «В Германии еда отвратительная, дизайн хороший, но лучше не есть. И цены пиратские». «А твое творчество, сынок?» — всматривалась она в его напускную солидность. «Более-менее», — ответил он. — Она почувствовала его драму, а Димдимыч уже знал ее.

— Отец, у нас дом большой, — произнес он с горечью.

Расстояние безжалостно делало свое дело — общих тем для разговоров близких родственников оказалось немного. Только о прошлом можно было погрузиться, посмеяться и посплетничать. Но и оно отодвинулось вдаль. Обстановка российского города, навеянная ностальгией по хрущевско-брежневской эпохе, развеялась, как только через неделю Елена и Дмитрий сели в самолет в обратный рейс.

Николай с Анастасией не расставались. Каждый вечер был наполнен смыслом и они непривычно торопились, боясь что-то не успеть. «Жить надо без промедления и отсрочки», — повторял он чье-то изречение и

с нетерпением ждал окончания рабочего дня, когда они могут побыть вдвоем. Она заботливо ждала его дома, живя в непрерывном ощущении счастья. Они пили восхитительный чай с клюквой и ели потрясающие макароны с сыром! Она мечтала познакомить его со своими девочками в Мурманске, а он купил удочку, рассчитывая летом вместе с ней ездить на рыбалку. «У Акимыча есть катер в Недвиговке. Мы летом поедem туда, и ты увидишь, какая у нас рыбалка. А вода — там она неправдоподобно голубая и прозрачная! Ты можешь просто сесть и бултыхать ногами в воде», — мечтал он. А пока они совершали изумительные променады по городу! Николай Павлович продал квартиру на Соколова, выплатив кредит за ремонт дома. Но они часто заходили в тот район, между Суворова и Пушкинской, который хранил их воспоминания.

Они оживились, удивляя внуков своей энергией. Домашняя работа, без которой не обходится быт, приносила удовольствие от приятного разделения между собой. Он раскатывал тесто, она лепила вареники, он носил воду — она поливала цветы, он мыл пол — она гладила белье. Она научилась набирать текст на компьютере и отправлять электронные письма родным, он начал писать воспоминания о своем детстве и юности.

Ветер жил в своем временном темпе. Когда наступили холода, он разваливался в прихожей на ковре, чтобы наблюдать все движения хозяев, размышляя о жизни и засыпая под рокот человеческой речи. Раз ему приснился сон, что он оказался один среди незнакомых людей. Он убегал, не обращая внимания на низкие ветки кус-

тарника, он бежал быстрее, наступая на битое стекло, он лаял и звал на помощь, но силы его были на исходе. Его подцепили на поводок и повели куда-то прочь. Лапы его дрогнули, упираясь обману, и он приоткрыл глаза. «Сплю или нет? — удивлялся он. — Какой паршивый сон. Нехорошо собаке гулять одной. Одиночество — не радость».

Неожиданно его мысли прервал телефонный звонок. Знакомая мелодия на мобильном телефоне призывала Николая Павловича. Ветер поднялся на ноги и подошел к полке, на которой пел и поворачивался плоский аппарат. «Гав!» — предупредил он Николая Павловича. Но тот разгребал во дворе снег и был, по-видимому, возле ворот. «Гав!» — громче повторил Ветер.

Дверь открылась и дохнула морозным воздухом.

— Ты чего лаешь, Ветер? — огляделся по сторонам Николай Павлович.

Ветер повилял хвостом и снова подошел к замолчавшей трубке.

— А-а-а, Димка звонил! — Николай Павлович нажал на «соединение». — Да, Дима, я слушаю.

— Дед, мы с Тamarой будем отмечать Новый год у ее родителей. Ты не протестуешь? Так что бабушке передай, чтобы она не очень перетруждалась.

— А что так неожиданно, Димка?

— Новый год неожиданный?

— Ты неожиданный!

— Ты напрасно удивляешься, дед. Мы с Тamarой не только ходим парой, но еще и в ногу с вами. На предмет неожиданностей.

Решение пригласить гостей в дом возникло у Николая Павловича так же неожиданно:

— Настя, у нас сегодня дом свободный.

— О чем ты, Коля?

— Внуки ушли к родственникам Тамары. Мы можем заткать пир на весь мир. Позовем ребят?

— Зови.

Так Настя познакомилась со всеми Колиными друзьями.

Раскрасневшиеся Ходоровы пришли вовремя. Акимыч шумно открыл входную дверь:

— Ну, что, молодежь? Говоря словами Пушкина, как «жизни мышью беготня»? Как живется-может в палатах каменных?

Потом он прошел по дому, заглянув в открытые двери, и воскликнул:

— В таком доме только праздники отмечать, а не на поминках сидеть.

— Ну, что ты про поминки-то заговорил, Миша, — дернула его Шура.

— Да потому что в таком доме жить и радоваться. Здесь вопрос Пабло Неруды: «долгая старость — награда или расплата» не актуален. Здесь надо спрашивать об интимной жизни молодоженов. Так что давайте, друзья, ополчимся против беса печали!

Все загалдели, зашумели, зашаркали. «Девочки» властвовали на кухне, сервировали стол, «мальчики» ворчали о несовершенном законодательстве и наряжали елку. Потом все суетно рассаживались, менялись местами с женами, наконец, кое-как сели, решив, что это не главное.

Была зажженная елка, были шампанское, вина, коньяк. Вздрогнули по первой, вспомнили про перерывчик

небольшой. По предложению тамады Акимыча пили понемногу, чтобы не сразу захмелеть, но предновогоднее настроение к одиннадцати уже взяло верх.

— Ну, что, девочки, поднимете еще по стопарику за нас молодых? — предложили «мальчики».

— Ну, разве что за нас, молодых! — поддержали их «девочки».

Чокнулись бокалами и сразу выпили дружной компанией. Никто не церемонился с именами-отчествами, хотя Люда, Аня, Ваня, Вова... в минувшем году достигли почтенного возраста. Пили понемногу, отпивая, потом тянули звонко и дружно: «Скажи, скажи-и-и-и, какая выюга тебе оставила свой снег...»

— Ох, ты и тараторишь, Маруся! Только и слышно: «говорю и говорю».

— А ты не слушай, коли не нравится, я с Настей разговариваю.

— Да уж теперь и мне расскажи.

— Вот я и говорю: муж мой приспособился... Знаешь, Настя, я ведь недавно замужем, как и ты. Я в семьдесят пять только первый раз замуж вышла. Но он у меня такой хороший, бывший летчик, герой.

— «Молодая была немолода»⁴⁸. Да ты не отвлекайся от темы, к чему там твой Гришка приспособился, говори.

— Он у меня оглох на левое ухо. Так вот. Когда он меня слушать не хочет... Ну, это когда я про уборку говорю или куда сходить надо, он поворачивается ко мне этим самым ухом. И думает, я не замечаю.

⁴⁸ Ильф и Петров. «Двенадцать стульев».

— А ты, зараза, небось с другой стороны обходишь и здоровое ухо своим трепом ему засоряешь? А чего ты сегодня его с собой не взяла?

— Да, это она, поблуда, налево пошла, — глаза Ванечки смотрели на нее с прищуром.

— Правильно, Маруська, надо же долг ликвидировать за столько лет девчества! — рука Акимыча легла на плечо соседки.

— Да с правнуком он сидит, пока дети отношения выясняют. Не живет им спокойно, хотя и Новый год на дворе.

— Ой, да они такие дурные бывают, я вот тоже удивляюсь, — поддержала ее с другого конца стола женственно-округлая Аннушка. — И мои тоже периодически устраивают себе нервотрепки.

— И тебе тоже? — осторожно и проницательно посмотрел на нее Акимыч.

— Не-а. Когда они ссорятся, я говорю: «Сейчас я вам станцую» и делаю так, — она встала, оперлась руками на крышку стола и стала ритмично пританцовывать, напевая: «Ах, вы, сени, мои сени...».

Комичные движения старушки вызвали дружный смех.

— Смешно, да? — остановилась Анна, — и мои сначала смеются, а потом мирятся. А я думаю, кто-то не может найти любовь, кто-то понимания, а я иногда не могу найти два одинаковых туфля. Они у меня, собаки, все на один цвет. Выходишь из дому, на одной ноге один, а на другой совсем другого фасона туфель...

— За наших смысленных девчонок надо еще стопнуть! — Акимыч щелкнул пальцами по горлу, уточняя контекст предложения.

Мужчины тянули бутылочные горлышки к рюмкам, женщины разгоряченно подбадривали их, пока не забрезжил рассвет.

Николай Павлович задумал книгу воспоминаний, писал вручную на работе, когда не было посетителей, и дома в свободные часы. Настю он назначил машинисткой, а Димдимыча своим литературным секретарем.

— Как думаешь, — обращался дед за советом, — если я назову ее «До седьмого колена»?

— Любопытное название! Почему до седьмого колена? Ты решил проклясть своих врагов?

— А что, прославлять нельзя до седьмого колена? Вот считай всех Зеленцовых, — он начал загибать пальцы, — Петр Пантелеевич, прадед твой, Павел Петрович, я, Дмитрий Аркадьевич, он все равно наш, Дмитрий Дмитриевич.

— Пятеро только, дед.

— Как пятеро? А малыш? Ты говоришь, УЗИ показало мальчика, — это уже шестеро. Но о будущем тоже думать надо, вот и перспектива.

— Ну, дед! Ты хочешь и не родившихся младенцев в соавторы взять?

— Конечно, Дима. Я не роман начал, а историю характера Зеленцовых. Почему мои правнуки не должны знать, какими были их прадеды? И почему бы им не продолжить нашу историю?

— М-м-м-м, — внук повел глаза в потолок. — Ты только про мужскую половину рода пишешь?

— Нет, конечно, я пишу про всех, кто встречался на моем пути. Я долго жил один, а это, видимо, очень полезно — пожить в одиночестве. И вот я понял, что каждый, кого я знал, что-то привнес в мою жизнь и каким-то образом изменил меня. И не имеет значения, какого пола и окраски были эти птицы. Но ты прав, такое название может вызвать совершенно другие ассоциации. А как насчет «Чаша жизни»?

В выходной день Николай Павлович писал уединенно, сидя спиной к окну, к свету, но уже дважды в течение часа выходил «попить водички». Потом объявил, что «как-то недомогается», «обойдется». Бодрился, продолжал заниматься делами, пока, наконец, не решился вызвать врача.

Врач приехала, послушала сердце, измерила давление и посоветовала наутро сходить в поликлинику на электрокардиограмму.

Кардиограмма «сказала», что надо в стационар. Димдимыч настоял на госпитализации и сидел в больнице, пока бабушка не забрала с собой одежду деда, чтобы тот не сбежал.

Неделя прошла в сборе информации о его организме, так как таковой вообще никогда не собиралось. Дед чувствовал себя молодцом, острил с врачами и просился домой.

Анастасия Ильинична, видела, что Николай находится на подъеме и в то же время уже не справляется с ним. Запивая водой выданное утром лекарство, Нико-

лай Павлович рассказал Анастасии, что как-то раз в Заксенхаузене немцы им выдали какие-то таблетки, а потом, нагруженных тяжелыми рюкзаками, погнали идти без остановки километров сто. «Откуда только сила появилась? Думал, умру, а смертельной усталости не было. И должен был умереть, а не умер. Это они тогда такой препарат придумали, который может превращать человека в неустанный робот»⁴⁹. А я пью-пью таблетки и все в постели лежу...». Анастасия решила сегодня же позвонить Дмитрию в Германию, может быть, там найдется какой-то чудодейственный препарат.

Елена не пускалась в долгие разговоры со свекровью и через два дня, через десятые руки, «сердечное» суперлекарство было доставлено в Ростов-на-Дону. Николай Павлович выпил таблетку, другую, третью, а потом спокойно сказал жене:

— Многие мои друзья умерли. И враги тоже умерли. Я как умел, молился за них. Ладно, Настя, если смерть не обманешь, то ее тоже надо полюбить.

Она окаменела лицом, но продолжала надеяться и верить, что все будет хорошо.

Однажды с Димдимычем в больницу пришла Тамара. Живот ее был таким большим и круглым, что она с трудом усаживалась на стул. Николай Павлович показался ей задумчивым и уставшим, не таким, как рассказывали дома Анастасия Ильинична и Димка.

49 Наркотик *energiepille* — кодовое название Д-IX. Апробирован фашистами в Заксенхаузене на заключенных, которых нагружали мешками по 15 кг и заставляли без отдыха проходить расстояние свыше 110 километров.

— Господи, помилуй! — не ожидал Николай Павлович. — Ты как добралась сюда, моя хорошая, с такой ношей?

— Вот пришла проведать вас и сказать, что тоже ложусь с понедельника в больницу.

— Уже рожать? — насторожился дед.

— Нет, пока еще недельки две сохранять, а потом только, — в глазах ее прочитался испуг.

— Не бойся, Тома, у тебя диагноз лучше, чем у меня.

— И вы обязательно поправитесь, Николай Павлович, чтобы правнука нянчить, — улыбнулась она.

Прошла еще неделя, а состояние Зеленцова не улучшалось. Делали анализы, обследовали, давали таблетки, а силы уходили. С утра до вечера Анастасия Ильинична была рядом с ним, и ей казалось, что привычная жизнь людей идет как-то параллельно ее нынешней, что она попала в другое жизненное измерение.

— Настя, ты какими судьбами в нашем районе? — окликнула Шура.

— Здравствуй, Шура, в больницу хожу к Коле.

— В БСМП положили? Что с ним?

— Вторую неделю. С сердцем у него...

— А мы с Мишей и не знали. Можно к нему?

— Сходите, конечно.

— А ты-то сама как? Трудновато, наверное?

— Ничего, пока справляемся с ребятами. На автобусе неудобно.

— А Тамара не подвозит на машине?

— Тамара уже не водит — восемь месяцев.

— Ну, держитесь! А мы когда к Коле соберемся, позвоним, как его там найти.

Дмитрий Аркадьевич Бланк вышел из дому необычно рано. Репетиция начиналась в десять, но сегодня ему пришлось идти пешком из-за того, что его машина почему-то не заводилась — заглохла вчера вечером, когда он въехал в гараж. Он попробовал заменить аккумулятор, но включалась передняя панель, показывающая температуру за бортом и время, а двигатель не отзывался привычным голосом.

С мыслью об автосалонных хлопотах Бланк остановился на пешеходном переходе, дожидаясь, пока загорится зеленый сигнал светофора, а неотвязная мысль о ремонте продолжала движение: «Хорошо, если надо будет только щетки поменять, это не так дорого, как машину».

Мимо на дозволенной скорости, не обгоняя и не нарушая правил движения, привычно шли автомобили разных марок. Из-за угла показался тяжелый грузовик, груженный щебнем тонн на пятнадцать, когда по внутренней полосе ехала «Шкода». В какой момент у «Шкоды» вывернулось и отскочило колесо, никто не понял. Шофер грузовика крутанул руль, но его занесло вправо и понесло прямо на тротуар. Шофер сильно нажал на тормоз, рванул ручной, но инерция автомобиля оказалась больше его усилий.

Пожилой водитель вылез из грузовика. Увидев мертвого человека, сел на поребрик, трясущейся рукой нашарил в кармане сигарету и закурил.

О смерти мужа Елена сообщила Димдимычу сама. Она так безумно рыдала в трубку, что потрясенный, сын повторял только: «Мама, мама, не надо...» Услышав обрывки их разговора, Анастасия Ильинична поняла, что произошло что-то жуткое. Вдруг ее осенило и она кинулась к внуку: «Жив?» Он развел руками и разрыдался.

Ветер ждал старика Палыча, к которому совсем привык, но он не приходил. Звонок и плач Димдимыча насторожили его: «Людей что-то очень беспокоит. Неужели что-то случилось с дедом? Дед очень добр ко мне, он любит меня». — Ветер почувствовал внутри себя стук сердца: «Мне там больно. Почему мне так больно?»

Анастасия Ильинична словно окаменела, пока Димдимыч бежал в аэропорт, договаривался о срочном вылете, совершенно автоматически выполнял все необходимые дела. Казалось, ему содействовало все. За день она превратилась в ледышку, а он переплавился в зрелого человека. Взявший на себя ответственность всем распоряжаться, он потряс ее холодную руку:

— Хоронить где?

— Здесь, — промолвила она.

Улетая за телом отца, Дмитрий убедил всех ничего не говорить деду и держать его в неведении до более подходящего момента. Было ясно, что деда нельзя волновать.

Ночью, оставшись одна, Анастасия Ильинична разговаривала со своим Димочкой, как с живым, о том, как она его ждет, что они должны жить одной семьей, что ему надо бы прекращать работать на износ. Она не ве-

рила, что его нет, думала, что это недоразумение и оно рассеется, как только туда приедет Димдимыч. Убедив себя, что скоро все прояснится, она шептала: «Господи, научи меня оправданиям твоим»⁵⁰.

Во сне она увидела своего Димочку, живого и невредимого, который нежно гладил ее руку и говорил: «Пойми, мама, я не умер. Просто кончилась моя земная жизнь, порой красивая, порой грустная, как и положено этой жизни». «Я так за тебя волновалась, — перебирала она его волосы, — когда же мы с тобой увидимся?» «Пока не увидимся, мама, — улыбался он, — ты нужна сейчас отцу, помоги ему!» «Он плох, Дима, — тоска сжимала ее сердце, — очень плох, я не знаю, как быть». «Принять все, как есть, мама, — спокойно ответил сын. — Мы все становимся едиными с вселенной. В прахе или в пепле, неважно». «Почему же я так боюсь смерти — твоей, Колиной, да каждого из нас? — удивлялась она его спокойствию. «Потому что мы одержимы жизнью и боимся ее потерять. Мы пытаемся ее продлить любыми способами, забывая о главном режиссере». «О смерти?» — нашла она ответ. «Да, нет же! О Боге! — удивился он, что она не понимает этого. — Он призывает каждого из нас в положенный час, ни минутой раньше, ни минутой позже. И не любит тех, кто подгоняет Его решения». «Но бывает, что врачи спасают от смерти. И я надеюсь, что они спасут Колю», — уверенно произнесла она. «Это и есть наши иллюзии. Иллюзии одержимых жизнью. Их можно иметь, но не надо строить».

⁵⁰ Оправдания следует понимать как законы Бога.

Хорошее апрельское утро. В больничной палате терапевтического отделения четыре кровати. Заняты только две. На одной спит довольно молодой мужчина с измученным лицом. Две другие кровати, ближайшие к двери, пусты. Видно те, кто занимает их, сейчас вышли на прогулку или в коридор.

Постель Зеленцова у окна. У Николая Павловича отдохнувший вид, он полулежит, опираясь на две подушки. На его тумбочке, по другую сторону кровати, включен плеер. Тихо звучит Концерт для голоса с оркестром Мориса Глиэра. За окном вовсю светит солнышко и слышно неумоимое чириканье воробьев.

Рядом с Николаем Павловичем, лицом к окну сидит Анастасия Ильинична. Она держит его за руку.

— Отчего не пришел Дмитрий? — без упрека спрашивает Николай Павлович.

— Он хотел прийти к тебе, — с готовностью отвечает Анастасия Ильинична. — Уже собрался. Но дирижер оркестра позвонил, чтобы он срочно собирался на гастроли.

— Куда он едет?

— В Германию, — правдиво ответила Анастасия Ильинична.

— Если бы он сказал, что срочно уезжает..., — рассуждает он. — Ладно, не пришел, так не пришел. Знаешь, — он доверительно понижает голос, — если бы не он, меня бы в такую палату не положили — ВИП! Евро делают свое дело. А как же Тамара?

— Все нормально. Лежит на сохранении, родов дожидается.

Николай Павлович переводит взгляд на тикающие на стене часы. Услышав щелчки большой стрелки, он спрашивает:

— А вдруг Дмитрий не успеет приехать к рождению ребенка?

— Успеет, он ненадолго, а ей рожать в конце апреля.

— И все-таки Димка мог бы отложить поездку...

Анастасия Ильинична разглаживает его одеяло и старается перевести разговор:

— Коля, тебе лучше?

Он увидел, как слезинка поползла по ее щеке и подумал: «Тихое утро, тихий разговор, тихо плачущая любимая женщина, которая беспокоится обо мне...».

— Сегодня совсем полегчало, — на его лице появляется довольная улыбка. — Врач говорит, надо еще сделать анализы, тогда будет видно, что да как.

— Это хорошо, — говорит Анастасия Ильинична, незаметно сдувая влагу с щеки.

— Спать только очень хочется.

— Весной всегда хочется спать. Музыку выключить, поспишь?

— Нет, это Надежда Казанцева поет, я ее еще в начале войны слушал. Я слушал и думал...

Сосед по палате ворочается и просыпается.

— Уберите свое радио, — ворчит парень по-стариковски, — На нервы действует! Кто может слушать эту тоску?! — глаза его выражают неприятие сидящих в палате.

Анастасия Ильинична выключает плеер и протягивает ему тарелку с крупным красно-фиолетовым виноградом:

— Вот, возьмите, он чистый. Не сердись...

Сосед смотрит на нее деревянными глазами и поворачивается к стене. Она ставит тарелку на его прикроватную тумбочку, потом возвращается на свое место. Николай Павлович, прикрыв глаза, лежит в той же позе. Анастасия Ильинична опять берет за руку Николая Павловича:

— Дима сказал, что здесь хорошие врачи, значит, ты быстро выздоровеешь...

Но она чувствует какую-то неестественную тишину.

Он вдруг увидел себя молодым.

Удары колокола. Звонкий тон, переливающийся в воздухе серебряным звуком.

Он идет по знакомому пролеску и чувствует захватывающие запахи летней ночи. Впереди он видит светлую точку, она брезжит во мгле, как тонкий лучик фонарика.

Ускоряет шаги. И ему это дается непривычно легко.

Через темную мглу пробивается Солнце. Оно маячит размытым пятном. Потом приближается, его свет нежарок и ослепительно ярок.

Он протягивает руки и разжимает пальцы...

Эпилог

*Тесны врата и узок путь, ведущие
в жизнь, и немногие находят их.*

Мф. 21;14

«Оа-а-а-а-а-а... — Летит утробный женский крик. Боль, пронзающая все тело, рвущая его на части. Ничего, кроме боли. — А-а-а-а-а-а!» Тело опять погружается в жар и тает влагой, отдыхая перед новой болью.

— Ну, скоро уже, потерпи, — пожилая акушерка сложила ладони роженицы под грудь. — Дыши глубоко, скоро уже все закончится. Раньше надо было за первым ребенком к нам приходить, тогда полегче было бы. А то дождутся до тридцати лет, а потом орут, что есть мочи.

— Трофимовна, поддержи зажим здесь, — врач работала быстро и не любила пустопорожних разговоров в родзале. — Ну, вот, хорошо, что кесерить не пришлось. Сама справилась. Немножко рвется, но это ерунда, зашьем.

— Давай, Тамара, дыши, он уже выходит.

Вдохи женщины шумно и мерно сопровождают великое таинство рождения. Вдруг она ощущает благословенную свободу, дающую облегчение от мучительного ожидания. Странное, ни с чем не сравнимое чувство.

Голова ее откидывается назад и пот градом струится по всему телу.

«Все, — думает она, не в силах пошевелить пальцем. — Слава Богу!»

— Мальчик! Да хороший, большой! — Врач, бережно поддерживая новорожденного ребенка, подносит его к лицу матери. Младенец открывает глазенки, смотрит на нее и морщится. Он тих и еще не умеет дышать воздухом этой ночи. Раздается отчетливый шлепок — это врач хлопает его по спинке, а следом — писклявый голосок: «Кх-ля-я-я-я-я-я-я!» и все тонет в заливиستم плаче. Так, сначала робко, а потом во все горло, этот мальчик оповещает о своем выходе в большой и непростой мир. Он уже получил первый жизненный опыт борьбы, протискиваясь в самостоятельную жизнь через узкий проход. Он прошел, как предназначено пройти каждому, через узкий темный тоннель, впереди которого радость, любовь и жизнь.

Оглавление

Пролог.....	5
Глава 1. «Покидая старые улицы, знаешь, что теряешь, но не знаешь, что найдешь».....	15
Глава 2. «Все мы дети Адама и Евы»	45
Глава 3. «Бывает то, что Богу угодно»	69
Глава 4. «Бывает порой, что и одна туча закрывает солнце»	101
Глава 5. «Всему свое время»	133
Глава 6. «Новая жизнь!».....	159
Глава 7. «Блаженны миротворцы»	187
Глава 8. «Бывает нередко такое, чего никак не ждешь»	213
Глава 9. «Надеюсь на лучшее»	239
Глава 10. «Первая любовь никогда не забывается».....	267
Глава 11. «Счастлив тот, кто доволен своею судьбой»	295
Глава 12. «Уметь наслаждаться прожитой жизнью — значит жить дважды»	319
Эпилог.....	346

Марина Сычева

«I.N.S.»

Под этим знаменем ты победишь

Редактор Н. Лучинкина

Верстка М. Курузьян

Художник О. Дзюина

Фото автора на обложке О. Маликова

Подписано в печать 25.11.2011

Формат 70х100/32.

Тираж 500 экз.

«Издательство БАРО-ПРЕСС»

344018, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 81, оф. 40

Отпечатано в ЗАОр «НПП «Джангар»

358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

Книги издательства
«БАРО-ПРЕСС»
можно приобрести в
магазинах г. Ростова-на-Дону
по адресам:

ул. Обороны, 16,
тел.: 269-53-21; 267-80-17

ул. Текучева, 149
(стадион «Динамо»,
фойе административного
здания) тел.: 247-57-40

ул. Погодина, 6
(р-н пл. Ленина) тел. 245-64-25

Спрашивайте в магазинах

«БАРО-ПРЕСС»!

Новый роман

Марины Сычевой

НАРИСОВАННЫЕ ДВЕРИ

Роман следует «семейной» теме и в дневниковой манере изложения представляет хронику ростовских семей. В романе затронуты нравственные проблемы педагогической, врачебной практики, современного театра, психологического взросления человека в реалиях рокировки ценностей разных поколений.

Роман — своеобразный призыв не бояться менять свою жизнь и собственное «Я». Главная героиня Маргарита в «среднем возрасте» и в расцвете творческой карьеры под влиянием личной драмы уходит из театра и постигает романтику школьного учительства. И хотя ее жизнь построена на аналогиях, они равны только в части общности ситуаций.

Рядом с Маргаритой появляется талантливый нейрохирург Игорь, который обретает в ней родную душу и желанную женщину. Однако брак Игоря и Маргариты откладывается...

«Издательство БАРО-ПРЕСС»

приглашает
к сотрудничеству:
**авторов,
литературных агентов,
книготорговые организации,
предпринимателей-книготорговцев**

Наш адрес:

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Обороны, 16

Тел.: (863) 269-53-21

Internet: <http://www.baro.ru>

**ОПТОВАЯ
И РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ**
книжной продукцией
БЫСТРООБНОВЛЯЕМЫЙ
разнообразный ассортимент
РАЗУМНЫЕ ЦЕНЫ
и гибкая система скидок